Қазақстан Республикасы
Ішкі істер министрлігі
Басқару академиясы

2026
№ 1 (03)

ІІМ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

АСТАНА

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ІШКІ ІСТЕР МИНИСТРЛІГІ
БАСҚАРУ АКАДЕМИЯСЫ

ІІМ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

1 (03), 2026 жыл

Астана, 2026

Құрылтайшы
«Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясы»
Республикалық мемлекеттік мекемесі.
Журналды Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің
Ақпарат комитетінде тіркелген. «ІІМ ғылыми журналы» 2025 жылдан бастап шығады
Тіркеу куәлігі 2025 жылдың 26 қыркүйек № KZ35VPY00130252

Бас редактор:
саясат ғылымдарының докторы, заң ғылымдарының кандидаты, профессор
САЙТБЕКОВ А.М.

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА:

АКИМЖАНОВ Т.К.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор;*
АКПАНОВ А.Н.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор;*
АСТРЕЙКО А.В.	*- Беларусь Республикасы ІІМ Академиясының бастығы;*
ДИЛЬБАРХАНОВА Ж.Р.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор;*
ЖУМАГУЛОВ М.И.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстанның құрметті заңгері.*
ЗАЙЦЕВ О.А.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор, Ресей Федерациясы;*
КОГАМОВ М.Ч.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ЖҒА-ның академигі, ҚР ҰҒА – ның құрметті академигі, Қазақстанның құрметті заңгері;*
ЛАКБАЕВ К.С.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор.*
НОГОЙБАЕВ А.Б.	*- Қырғыз Республикасы Э.А.Алиев атындағы ІІМ Академиясының бастығы;*
РУСТАМБАЕВ М.Х.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасының құрметті заңгері;*
ТОКУБАЕВ З.С.	*- заң ғылымдарының докторы, профессор;*
АЙТУАРОВА А.Б.	*- заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор;*
АЛИМОВА Э.А.	*- PhD философия докторы, қауымдастырылған профессор;*
ЕРЕМЕЕВ Д.В.	*- заң ғылымдарының кандидаты,қауымдастырылған профессор;*
СЕЙТЖАНОВ О.Т.	*- заң ғылымдарының кандидаты, профессор;*
ЦОЙ О.Р.	*- заң ғылымдарының кандидаты.*

Редакцияға келіп түскен материалдар қайтарылмайды. Ғылыми және нақты сипаттағы қателіктер, дәлсіздіктер үшін жауапкершілік авторға жүктеледі. Мақаланы жарияланымға қабылдамаған жағдайда, редакциялық алқа бас тарту себептері бойынша пікірталас жүргізбеу құқығын өзінде қалдырады. Басқа басылымдарда жарияланған жұмыстар қарауға қабылданбайды.

Жауапты хатшы: **КУСАИНОВ Ж.Ш.**
Беттеу: **СМАГУЛОВА Ш.У.**

Жарияланым тілдері — қазақ, орыс, ағылшын
Жылына 4 рет (тоқсан сайын) шығарылады.

Журналдың электрондық нұсқасы **https:// aumvd.edu.kz** сайтында орналастырылады

Мекенжайы: *Қазақстан Республикасының ІІМ Басқару академиясының ғылыми-зерттеу және редакциялық-баспа қызметін ұйымдастыру бөлімі 010017, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Мәңгілік Ел даңғылы, 55 Б.*

E-mail: aumvd.edu.kz.
Басуға 2026 ж «12» ақпанда жіберілді.
Пішім А4. Офсеттік қағаз.
Ризографтық басылым.
Таралымы 200 дана.

Собственник
Республиканское государственное учреждение «Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан» Журнал зарегистрирован Комитетом информации Министерства культуры и информации Республики Казахстан. Журнал «ІІМ ғылыми журналы» издается с 2025 года.
Свидетельство № KZ35VPY00130252 от 26 сентября 2025 года.

Главный редактор:
доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор
САЙТБЕКОВ А.М.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АКИМЖАНОВ Т.К.	*- доктор юридических наук, профессор;*
АКПАНОВ А.Н.	*- доктор юридических наук, профессор;*
АСТРЕЙКО А.В.	*- начальник Академии МВД Республики Беларусь;*
ДИЛЬБАРХАНОВА Ж.Р.	*- доктор юридических наук , профессор;*
ЖУМАГУЛОВ М.И.	*- доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана;*
ЗАЙЦЕВ О.А.	*- доктор юридических наук, профессор, Российская Федерация;*
КОГАМОВ М.Ч.	*- доктор юридических наук, профессор, академик АЕН РК, почетный академик НАН Республики Казахстан, почетный юрист Казахстана;*
ЛАКБАЕВ К.С.	*- доктор юридических наук, профессор;*
НОГОЙБАЕВ А.Б.	*- начальник Академии МВД Кыргызской Республики им.Э.А.Алиева;*
РУСТАМБАЕВ М.Х.	*- доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Узбекистан;*
ТОКУБАЕВ З.С.	*- доктор юридических наук, профессор;*
АЙТУАРОВА А.Б.	*- кандидат юридических наук, ассоциированный профессор;*
АЛИМОВА Э.А.	*- доктор философии PhD, ассоциированный профессор;*
ЕРЕМЕЕВ Д.В.	*- кандидат юридических наук,ассоциированный профессор;*
СЕЙТЖАНОВ О.Т.	*- кандидат юридических наук, профессор;*
ЦОЙ О.Р.	*- кандидат юридических наук.*

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат. За ошибки, неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). В случае отклонения в публикации статьи, редакционная коллегия сохраняет за собой право не вести дискуссию по мотивам отклонения. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Ответсвенный секретарь: **КУСАИНОВ Ж.Ш.**
Верстка – **СМАГУЛОВА Ш.У.**

Языки публикации — казахский, русский, английский
Выпускается 4 раза в год (ежеквартально).

Электронная версия Журнала размещается на сайте **https://aumvd.edu.kz**

Адрес: *Отдел организации научно-исследовательской и редакционно-издательской работы Академии управления МВД Республики Казахстан. 010017, Республика Казахстан, г. Астана, пр.Мангилик Ел 55 Б.*

E-mail: aumvd.edu.kz
Подписано в печать «12» февраля 2026 г.
Формат А4. Бумага офсетная.
Печать на ризографе.
Тираж 200 экз.

Owner
Republican State Institution «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan». The journal is registered with the Information Committee of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan. The journal «ІІМ ғылыми журналы» has been published since 2025.
Certificate No KZ35VPY00130252 dated September 26, 2025.

Editor-in-Chief:
Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Professor
SAITBEKOV A.M.

THE EDITORIAL BOARD:

AKIMZHANOV T.K.	*- Doctor of Law, Professor;*
AKPANOV A.N.	*- Doctor of Law, Professor;*
ASTREIKO A.V.	*- Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus;*
DILBARKHANOVA Zh.R.	*- Doctor of Law, Professor;*
ZHUMAGULOV M.I.	*- Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of the Republic of Kazakhstan;*
ZAITSEV O.A.	*- Doctor of Law, Professor, Russian Federation;*
KOGAMOV M.CH.	*- Doctor of Law, Professor, Academician of AS of the Republic of Kazakhstan, Honorary Academician of NAS of the Republic of Kazakhstan, Honorary Lawyer of the Republic Kazakhstan;*
LAKBAEV K.S.	*- Doctor of Law, Professor;*
NOGOIBAEV A.B.	*- Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic;*
RUSTAMBAEV M.KH.	*- Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic Uzbekistan;*
TOKUBAEV Z.S.	*- Doctor of Law, Professor;*
AITUAROVA A.B.	*- PhD in Law, Associate Professor;*
ALIMOVA E.A.	*- PhD, Associate Professor;*
EREMEYEV D.V.	*- PhD in Law, Associate Professor;*
SEITZHANOV O.T.	*- PhD in Law, Professor;*
TSOI O.R.	*- PhD in Law.*

Submitted materials are not subject to return. The author(s) is responsible for errors and inaccuracies of a scientific and factual nature. In the event of a rejection of an article, the editorial board reserves the right not to engage in a discussion regarding the reasons for the rejection. Works published in other publications are not accepted for consideration.

Executive Secretary: **KUSAINOV ZH.SH.**
Layout – **SMAGULOVA SH.U.**

Languages of publication:
Kazakh, Russian, English.
Published 4 times a year (quarterly).

The electronic version of the Journal is posted on the website https**:// aumvd.edu.kz**

Address: *Department of Research and Editorial and Publishing Work of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. 010017, Republic of Kazakhstan, Astana, Mangilik El Avenue 55 Б.*

E-mail**:** aumvd.edu.kz
Signed for printing on February 12, 2026.
Format A4. Offset paper.Printing on a riso printer.
Circulation of 200 copies.

НӨМІРДЕ // В НОМЕРЕ // IN THIS ISSUE

ЗАҢ мен ТӘРТІП
Закон и порядок
Law and order

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ҚЫЗМЕТІНДЕГІ БАСҚАРУ СТРАТЕГИЯСЫ
Стратегия управления в правоохранительной деятельности
Management strategy in law enforcement

КОМПАРАТИВТІК ҚҰҚЫҚТАНУ
Компаративная юриспруденция
Comparative jurisprudence

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫНДА КӘСІБИ ДАМУ
Профессиональное развитие в правоохранительных органах
Professional development In law enforcement agencies

ЗАМАНАУИ ҚҰҚЫҚТАНУ ТЕХНОСФЕРАСЫ
Техносфера современной юриспруденции
Technosphere of modern jurisprudence

ҒЫЛЫМИ ДЕБЮТ
Научный дебют
Scientific debut

ҚҰРМЕТТІ ӘРІПТЕСТЕР!

Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі және жеке өз атымнан Сіздерді «ІІМ ғылыми журналының» жаңа ғылыми басылымымен құттықтаймын.

Қарқынды жаһандық трансформация жағдайында, цифрландыру және жасанды интеллект дәуірінде ішкі істер органдарының алдында еңсерудің тиімді жолдарын іздеуді талап ететін жаңа міндеттер туындайды. Осыған байланысты болып жатқан процестерді теориялық тұрғыдан пайымдауға, сондай-ақ құқық қорғау қызметінің өзекті мәселелерінің қолданбалы шешімдерін әзірлеуге бағдарланған ғылыми талдау ерекше маңызға ие болады.

«ІІМ ғылыми журналы» кәсіби ғылыми диалог үшін беделді тұғырнама, құқықтық тәртіп пен қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз ету саласындағы сапалы ғылыми нәтижелердің көзі болатынына сенімдімін.

Аталған журналдың салалық бағыты қоғамдық қауіпсіздікті қамтамасыз ету, құқық бұзушылықтарға қарсы іс-қимыл, құқық қорғау қызметінің техносферасы, сондай-ақ ІІО үшін кадрларды кәсіби даярлауды жетілдіру стратегиялары мәселелерінің қажетті спектрін қамтиды.

Осындай синтез қуатты ғылыми ведомстволық әлеуетті қалыптастыруға, заңнаманы жетілдіру бойынша қажетті зерттеулерді әзірлеуге, құқық қорғау органдарының қызметіне қазіргі заманғы әдістерді енгізуді қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Авторлар, ғалымдар, тәжірибе қызметкерлерімен жас зерттеушілердің бірлескен күш-жігерінің, сондай-ақ еліміздегі қауіпсіздікті қамтамасыз ету жөніндегі шығармашылық, инновациялық және креативті идеялардың журнал беттеріндегі жарияланымдары арқасында «ІІМ ғылыми журналы» беделді ғылыми басылымдардың қатарына қосылатынына сенімдімін.

Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрі
полиция генерал-лейтенанты ***Е. САДЕНОВ***

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ

От имени Министерства Внутренних Дел Республики Казахстан и от себя лично приветствую вас на страницах нового научного журнала «ІІМ ғылыми журналы».

В условиях стремительных глобальных трансформаций, в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта перед органами внутренних дел возникают новые задачи, требующие поиска эффективных путей преодоления. В этой связи особую значимость приобретает научный анализ, ориентированный как на на теоретическое осмысление происходящих процессов, так и на разработку прикладных решений актуальных проблем правоохранительной деятельности.

Уверен, что «ІІМ ғылыми журналы» станет авторитетной платформой для профессионального научного диалога, источником качественных научных результатов в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности.

Тематика данного журнала охватывает необходимый спектр вопросов стратегий обеспечения общественной безопасности, противодействия правонарушениям, техносферы правоохранительной деятельности, а также совершенствования профессиональной подготовки кадров для ОВД.

Подобный синтез позволяет формировать сильный научный ведомственный потенциал, разрабатывать востребованные исследования по совершенствованию законодательства, обеспечить внедрение современных методов в деятельность правоохранительных органов.

Уверен, что благодаря совместным усилиям авторов, ученых, практиков и молодых исследователей, а также публикациям на страницах журнала творческих, инновационных и креативных идей по обеспечению безопасности в нашей стране «ІІМ ғылыми журналы» войдет в круг авторитетных научных изданий.

DEAR COLLEAGUES

On behalf of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, and in my personal capacity, I am pleased to welcome you to the pages of the new scholarly journal «ІІМ ғылыми журналы».

Amid rapid global transformations, in the era of digitalization and artificial intelligence, internal affairs bodies are confronted with new challenges that require the identification of effective pathways for their resolution. In this context, scholarly analysis assumes particular importance, being oriented both toward the theoretical comprehension of ongoing processes and toward the development of applied solutions to pressing issues in law enforcement practice.

I am confident that «ІІМ ғылыми журналы» will become an authoritative platform for professional academic dialogue and a source of high-quality scientific output in the field of maintaining law and order and ensuring public security.

The thematic scope of the journal encompasses a comprehensive range of issues, including strategies for ensuring public safety, combating offenses, the technosphere of law enforcement activity, as well as the improvement of professional training for personnel of internal affairs bodies.

Such a synthesis makes it possible to build strong institutional scientific capacity, to develop in-demand research aimed at improving legislation, and to ensure the implementation of modern methods in the activities of law enforcement agencies.

I am confident that, through the combined efforts of authors, scholars, practitioners, and young researchers, as well as through the publication of creative, innovative, and forward-looking ideas on ensuring security in our country, «ІІМ ғылыми журналы» will join the ranks of authoritative academic publications.

Заң мен тәртіп
Закон и порядок
law and order

АДИЛОВ С.А., ЗУЛХАИРОВ Р.В., ШУЛДЕН Е.С., МОЛДЫБАЕВА Р.Б.
Нормотворческая деятельность: стратегические приоритеты и системная трансформация в контексте концепции «Закон и порядок»..... **11-21**

ЖУСИПБЕКОВА А.М.
Допустимость и доказательственное значение материалов, полученных с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), в досудебном производстве Республики Казахстан..... **22-30**

РАЙБАЕВ Д.К., НУРКЕНОВА М.К.
Конкуренция статьи 429 и статей 380, 380-1 УК Республики Казахстан при квалификации угроз, насилия и посягательства на жизнь сотрудников уголовно-исполнительной системы: теоретико-правовой анализ..... **31-43**

Құқық қорғау қызметіндегі басқару стратегиясы
Стратегия управления в правоохранительной деятельности
Management strategy in law enforcement

САЙТБЕКОВ А.М., АБЕУОВ Д.А.
Цифровизация и искусственный интеллект в органах внутренних дел Республики Казахстан в контексте стратегических приоритетов 2026 года: история, международный опыт, вызовы и перспективы..... **45-57**

АМИРХАНОВ Б.К.
Комплексный подход к профилактике и пресечению наркопреступлений в Республике Казахстан: законодательные и практические аспекты..... **58-63**

Компаративтік құқықтану
Компаративная юриспруденция
Comparative jurisprudence

АЛМАГАМБЕТОВА А.С.
Институциональная природа профсоюзов в полиции зарубежных стран..... **65-78**

Құқық қорғау органдарында кәсіби даму
Профессиональное развитие в правоохранительных органах
Professional development in law enforcement

ДИЛЬБАРХАНОВА Ж.Р., КОКИЕВ А.Ж.
Ситематизация научных концепций стресс -менеджмента в професиональной деятельности военослужащих и сотрудников органов внутрених дел..... **80-89**
УАКАСОВ Д.А., КУСАЙНОВА М.А.
Қылмыскердің жалған айтуындағы психологиялық қорғаныс механизмдері..... **90-97**

Заманауи юриспруденция техносферасы
Техносфера современной юриспруденции
Technosphere of modern jurisprudence

БАТЫРОВ М.Е.
К вопросу о применении беспилотных аппаратов в казахстанском секторе Каспийского моря..... **99-105**
ЖУНУСОВА М.К.
Цифровизация досудебного расследования в центральной Азии: модель «Е-Уголовное дело» Казахстана (в фокусе защиты данных и доступа к правосудию)..... **106-113**
МУСИН А.Б., ЛАКБАЕВ К.С.
Будущее противодействия преступности: искусственный интеллект и управляемый прогноз..... **114-125**

Ғылыми дебют
Научный дебют
Scientific debut

КЕНЖЕЕВ С.С.
Цифровые носители как разновидность вещественных доказательств: проблемы квалификации и профессуального оформления в уголовном судопроизводстве..... **127-137**

Талаптар/ Требования/ Requirements **138-140**

ЗАҢ мен ТӘРТІП

ЗАКОН и ПОРЯДОК

LAW and ORDER

УДК 34.342., МРНТИ 10.71.01

АДИЛОВ С.А.
Министерство Внутренних Дел Республики Казахстан
г.Астана, Казахстан
ЗУЛХАИРОВ Р.В., ШУЛДЕН Е.С., МОЛДЫБАЕВА Р.Б.
Департамент юридической и нормотворческой координации
МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «ЗАКОН И ПОРЯДОК»

В статье проведен комплексный анализ ключевых направлений, содержательных новелл и институциональных особенностей законотворческой деятельности Министерства внутренних дел Республики Казахстан. Авторы рассматривают законотворческий процесс как динамическую систему, направленную на реализацию государственной политики в сфере общественной безопасности. На основе анализа принятых и разрабатываемых законопроектов выявлены системообразующие тенденции: переход от реактивной к превентивной парадигме правоохранительной деятельности, консолидация и оптимизация законодательства, криминализация новых общественно опасных форм поведения, цифровизация нормотворчества и усиление международно-правового сотрудничества. Особое внимание уделено институциональным гарантиям качества законов, включая деятельность Конституционного Суда и многоступенчатую экспертизу законопроектов. Делается вывод о формировании целостной правовой стратегии МВД, нацеленной на создание устойчивой, технологичной и ориентированной на гражданина системы правопорядка.

Ключевые слова: *законотворчество, МВД Республики Казахстан, профилактика правонарушений, законодательная политика, системность права, превентивная модель, Конституционный Суд, цифровизация, информационная безопасность.*

Заң шығармашылық қызмет: «Заң мен тәртіп» тұжырымдамасы контекстіндегі стратегиялық басымдықтар мен жүйелі трансформация»

Мақалада Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің заң шығарушылық қызметінің негізгі бағыттары, мазмұндық жаңалықтары және институционалдық ерекшеліктеріне кешенді талдау жүргізілген. Авторлар заң шығару процесін қоғамдық қауіпсіздік саласындағы мемлекеттік саясатты жүзеге асыруға бағытталған динамикалық жүйе ретінде қарастырады. Қабылданған және әзірленіп жатқан заң жобаларын талдау негізінде жүйе құраушы үрдістер анықталған: құқық қорғау қызметінің реактивті моделінен профилактикалық модельге көшу, заңнаманы шоғырландыру және оңтайландыру, қоғамға қауіпті жаңа мінез-құлық түрлерін қылмыстық жауапкершілікке тарту, заң шығаруды цифрландыру және халықаралық-құқықтық ынтымақтастықты күшейту. Заңдардың сапасын қамтамасыз етудегі институционалдық кепілдіктерге, оның ішінде Конституциялық Соттың қызметі мен заң жобаларына көпсатылы сараптама жүргізуге ерекше назар аударылған. Қорытындыда ІІМ-нің тұрақты, технологиялық және азаматқа бағдарланған құқықтық тәртіп жүйесін құруға бағытталған тұтас құқықтық стратегиясы қалыптасып жатқаны туралы тұжырым жасалған.

Кілтті сөздер: *заң шығармашылық, Қазақстан Республикасы ІІМ, құқық бұзушылықтардың алдын алу, заңнамалық саясат, құқықтың жүйелілігі, профилактикалық модель, Конституциялық Сот, цифрландыру, ақпараттық қауіпсіздік.*

Legislative activities, strategic priorities, and systemic transformation in the context of the «Law and order» concept

The article presents a comprehensive analysis of the key directions, substantive innovations, and institutional features of the rulemaking activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. The authors conceptualizes the legislative process as a dynamic system aimed at implementing state policy in the field of public security. Based on an examination of adopted and draft legislative acts, the study identifies systemic trends, including: a shift from a reactive to a preventive paradigm of law enforcement; consolidation and optimization of legislation; criminalization of emerging socially dangerous forms of conduct; digitalization of rulemaking; and the strengthening of international legal cooperation. Particular attention is devoted to institutional safeguards ensuring the quality of legislation, including the activities of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan and the multi-stage expert review of draft laws. The article concludes that a coherent legal strategy is taking shape within the Ministry of Internal Affairs, aimed at

creating a sustainable, technologically advanced, and citizen-oriented system of law and order.

Keywords: *rulemaking; Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan; crime prevention; legislative policy; systemic coherence of legislation; preventive model; Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan; digitalization; information security.*

Введение

Эффективность правоохранительной системы в современном государстве в решающей степени определяется качеством ее нормативно-правового фундамента. Динамичная природа социальных отношений, транснациональные угрозы и стремительное развитие цифровых технологий требуют от законодателя не только оперативного реагирования, но и стратегического прогнозирования. В нынешнее время законотворческая деятельность Министерства внутренних дел Республики Казахстан приобрела особую интенсивность и системный характер, став инструментом реализации магистрального принципа государственной политики – «Закон и порядок».

Современное законотворчество представляет собой сложный социально-политический процесс, эффективность которого определяется не только содержанием конечного нормативного акта, но и качеством процедур его разработки. В условиях формирования правового государства особую значимость приобретают механизмы, обеспечивающие научную обоснованность, публичную легитимность и системную согласованность новых правовых норм. В Республике Казахстан, особенно в чувствительной сфере общественной безопасности, данные механизмы прошли значительную институционализацию.

Процесс разработки и принятия нормативных правовых актов представляет собой многоэтапную, системную деятельность, включающую формирование концепции, правовую экспертизу, согласование и оценку правоприменительной эффективности. В современных условиях акцент в законотворческой деятельности, осуществляемой в системе Министерства внутренних дел Республики Казахстан, смещается с количественных показателей принимаемых правовых решений на их качество, внутреннюю согласованность и практическую результативность. Такой подход обусловлен необходимостью повышения уровня законности, правопорядка и эффективности правового регулирования, а также обеспечения реальной применимости принимаемых норм в служебной деятельности и защите прав граждан.

Данная статья ставит целью выявить и проанализировать содержательные и процессуальные аспекты данной деятельности,

оценить их соответствие современным вызовам и обозначить формирующиеся тренды в развитии законодательства о безопасности.

Основная часть

Законотворческий процесс в сфере безопасности граждан часто инициируется директивно, в ответ на актуальные вызовы. Так, разработка Закона «О профилактике правонарушений» началась с поручения Президента Республики Казахстан, данного в январе 2024 года. Глава государства К.К.Токаев в своем выступлении на расширинном заседаний коллегии МВД отметил, что **«**назрела потребность в разработке единого Закона в сфере профилактики правонарушений» [1].

Подчеркнутая Президентом страны инициатива обусловлена объективной необходимостью формирования целостной, системно выстроенной и нормативно согласованной модели профилактической деятельности. На тот момент регулирование данной сферы характеризовалась фрагментарностью, рассредоточенностью правовых норм по различным законодательным актам и ведомственным документам, что снижало эффективность межведомственного взаимодействия и затрудняло формирование единых подходов к предупреждению правонарушений.

Разработка единого закона позволила институционализировать профилактику как самостоятельное направление государственной политики, определить её цели, принципы и приоритеты, чётко разграничить компетенцию уполномоченных органов, закрепить механизмы координации и ответственности субъектов профилактики. Особую значимость в данном контексте приобретает внедрение риск-ориентированного подхода, основанного на аналитике, цифровых инструментах мониторинга и раннего выявления факторов противоправного поведения.

Следует подчеркнуть, что обозначенная инициатива носит не ситуативный, а стратегический характер и получила отражение на высшем политико-правовом уровне. В своем Послании народу Казахстана Глава государства К.К.Токаев еще раз акцентировал внимание на том, что «В настоящее время осуществляется разработка проекта нового Закона о профилактике правонарушений, призванного сформировать современную и концептуально целостную модель превентивной политики» [2]. Также обратил особое внимание на работу с лицами, склонными к нарушению закона, нивелированию предпосылок их антиобщественного поведения, не только карательными мерами, но и превентивными. Тем самым вопрос профилактики правонарушений выводится в плоскость приоритетов государственной правовой реформы. Разрабатываемый законопроект рассматривается не только как инструмент нормативного упорядочения действующих механизмов, но и как институциональная основа для трансформации всей системы предупреждения правонарушений — от ведомственно ориентированной к межсекторальной и общественно вовлечённой.

Это отражает приоритетность вопроса в государственной политике и задает высокий уровень политической ответственности. Однако дальнейший путь переводит процесс из плоскости политического решения в плоскость профессиональной и научной деятельности.

Первым институциональным шагом стало создание межведомственной рабочей группы приказом Министра внутренних дел. Данная мера обеспечивает межсекторальный подход, необходимый для комплексного регулирования социальных проблем, выходящих за рамки компетенции одного ведомства. Наиболее значимым этапом концептуальной фазы стал двухмесячный аналитический этап**,** проведенный на базе Карагандинской академии МВД имени Б.Бейсенова. Привлечение научного сообщества и экспертов различных государственных органов для анализа международного опыта и отечественной практики придает процессу характер доказательного правотворчества.

С момента создания межведомственной рабочей группы начинается этап углубленного и всестороннего анализа концепции и положений законопроекта.

При разработке законопроекта рабочей группой особое внимание уделяется комплексному анализу как международного опыта правового регулирования, так и сложившейся национальной правоприменительной практики. Данный подход обусловлен тем, что современное законодательство формируется в условиях глобальной взаимосвязанности правовых систем, а принимаемые нормативные правовые акты оказывают влияние не только на внутренние процессы, но и на международные обязательства государства, его правовую репутацию и позиции в системе международного сотрудничества.

Сопоставление проектируемых норм с международными стандартами и зарубежными практиками позволяет обеспечить гармонизацию законодательства и соответствие общепризнанным принципам международного права. При этом заимствование зарубежного опыта не носит механического характера: осуществляется критический анализ применимости отдельных правовых моделей с учетом национальной специфики, институциональных возможностей и социально-экономических условий развития государства.

Наряду с этим существенное значение имеет сложившаяся правоприменительная практика внутри страны. Одновременно проводится системный анализ проблем, выявляемых в деятельности практических работников. Обобщение правоприменительных затруднений, коллизий и пробелов в регулировании служит эмпирической базой для совершенствования норм, устранения дублирования функций, уточнения компетенций и повышения операциональной реализуемости закона. Такой подход минимизирует риски декларативности правовых предписаний и способствует формированию реально работающих механизмов регулирования.

Результатом стал Концептуальный доклад о дальнейшем развитии правового регулирования *(далее - КДРП)*, утвержденный Межведомственной комиссией *(далее-МВК)* при Министерстве юстиции. Утверждение КДРП и включение проекта в план законопроектных работ формализуют переход от идеи к санкционированной законодательной инициативе.

Содержательная работа над текстом закона сопровождалась активными процедурами публичных консультаций**.** Проведение круглых столов и форумов с участием неправительственных организаций создавало площадку для диалога с организованными группами гражданского общества. Институт публичных слушаний и портал «Открытые НПА» стали ключевыми инструментами для сбора предложений от широкой публики [3]. Поступление более 30 тысяч предложений свидетельствует о высоком уровне общественного интереса и привлечения экспертного сообщества и общественности к разработке нормативных правовых актов. Учет этих предложений, даже критических, повышает публичную легитимность будущего закона, трансформируя его из «ведомственного» в «общественный» продукт.

Как уже отмечалось выше, законотворческий процесс имеет многогранный характер. Перед внесением в высшие органы власти законопроект подвергается правовой, антикоррупционной, экономической и лингвистической экспертизам [4].

Ключевым современным инструментом является Анализ регуляторного воздействия *(далее-АРВ).* Утвержденный специальной правительственной комиссией, АРВ представляет собой систематическую оценку потенциальных позитивных и негативных последствий предлагаемого регулирования для государства, бизнеса и граждан. Этот инструмент призван сместить фокус с намерений законодателя на прогнозируемые результаты, минимизировать непреднамеренные издержки и выбрать наиболее эффективный регуляторный вариант.

После прохождения экспертиз проект проходит стадию межведомственного согласования с заинтересованными государственными органами, Администрацией Президента и Правительством. Это этап выработки консенсуса в исполнительной власти. Внесение проекта в Парламент открывает законодательную фазу. Здесь в работу включаются дополнительные институты: Общественная палата (как канал обратной связи от гражданского общества), профильные комитеты и рабочие группы Мажилиса и Сената, где происходит детальная проработка норм. Важным принципом, подчеркиваемым участниками процесса, является бремя доказывания, лежащее на органе-разработчике: необходимо аргументировать необходимость и обоснованность каждой предлагаемой нормы перед депутатским корпусом.

Критически важным, но часто недооцениваемым этапом является параллельная подготовка к реализации закона**.** Даже самый совершенный закон останется декларацией без адекватного подзаконного обеспечения. Касательно Закона «О профилактике правонарушений», подготовка проекта акта о внесении изменений в 28 подзаконных нормативных правовых актов демонстрирует понимание системности права. Корректировки, затрагивающие МВД, Министерство просвещения, Министерство здравоохранения и др., направлены на синхронизацию деятельности всех субъектов профилактики.

Таким образом, анализ процесса разработки Закона «О профилактике правонарушений» позволяет выделить многоуровневость, доказательность и публично-открытость законотворчества, сложившуюся в Республике Казахстан, где каждый процесс следует четкому алгоритму «инициатива – анализ – консультации – экспертизы – согласование – парламентское рассмотрение – подготовка к исполнению».

Однако, такая процедура, являясь ресурсоемкой, служит важным фильтром, повышающим качество, сбалансированность и эффективность принимаемых правовых решений.

В случае необходимости Президент Республики Казахстан вправе направить принятый закон в Конституционный суд для проверки его соответствия Конституции. Такая процедура осуществляется в целях обеспечения верховенства Конституции, предотвращения принятия норм, противоречащих основному закону государства, а также гарантирования соблюдения прав и свобод граждан.

Современное развитие правовой системы объективно требует преодоления разрыва между юридической наукой и правоприменительной практикой. Наука, лишённая эмпирической опоры, рискует утратить прикладную значимость, тогда как практика, не опирающаяся на научно обоснованные подходы, становится фрагментарной и ситуативной. В условиях усложнения социальных процессов и трансформации криминогенной среды только их синергия способна обеспечить устойчивость и результативность правового регулирования.

Эффективное применение законодательства предполагает институционализированное взаимодействие научного сообщества, практических работников правоохранительных органов и институтов гражданского общества. Такая модель позволяет учитывать реальные социальные запросы, ожидания граждан и специфику правоприменения, формируя нормативные решения, отвечающие принципам справедливости, соразмерности и превентивной направленности. В конечном счёте речь идёт о правовом регулировании, ориентированном не только на формальное соблюдение норм, но и на достижение социально значимого результата.

В 2025 году внесены изменения и дополнения изменения более чем в 20 нормативных правовых актов, которые на сегодняшний день

подписаны Президентом Республики Казахстан. Работа по анализу и координации законов, как уже отмечалась, была весьма трудоемкой, поскольку носила системный характер и направлена на то, чтобы современные тенденции и новые виды преступлений нашли свое отражение в нормативных актах, обеспечивая их эффективное внедрение и повышение качества правового регулирования.

Практическим подтверждением необходимости подобного подхода стала работа по совершенствованию законодательства в сфере противодействия наркопреступности. В частности, обеспечена координация нормативных изменений, направленных на дифференциацию уголовно-правовой ответственности лиц, осуществляющих сбыт наркотических средств, и так называемых «закладчиков». Разграничение указанных категорий правонарушителей позволило повысить адресность уголовно-правового воздействия, обеспечить более справедливую квалификацию деяний и усилить превентивный потенциал законодательства в сфере противодействия наркобизнесу.

Модернизация уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного законодательства демонстрирует реакцию на новые социальные риски и стремление к оптимизации правоприменения. Введена ответственность за дропперство, сталкинг, понуждение к вступлению в брак; введен институт параллельного финансового расследования. Отдельная статья УК за применение насилия в отношении медицинских работников (с отсрочкой вступления в силу до 2026 года) направлена на преодоление правового нигилизма и обеспечение безопасности критически важной социальной сферы. Также законодатель проводит линию на ужесточение ответственности за нарушения, напрямую угрожающие безопасности (ложные вызовы, непредоставление преимущества спецтранспорту и др.), одновременно смягчая санкции за малозначительные проступки (например, ДТП только с материальным ущербом). Закрепляются механизмы дистанционного рассмотрения дел и автоматического взыскания штрафов, что соответствует курсу на цифровизацию и дебюрократизацию [5].

Эти новеллы отражают стремление законодателя «идти в ногу» с эволюцией преступности. Аналогичная логика прослеживается и в поправках в КоАП, где криминализированы конкретные, массовые и высокоопасные модели поведения (высовывание из автомобиля, нарушения на ж/д переездах), ведущие к тяжким последствиям. Таким образом, законодательство становится более «точечным» и «результативно-ориентированным».

Параллельно этому шел процесс административной оптимизации**,** воплощенный в Законе «Об исключении излишней регламентации»**.** Его значение выходит далеко за рамки организационных изменений (упразднение местной полиции, создание управлений общественной безопасности и административной полиции). Закон направлен на

повышение управленческой эффективности через четкое распределение компетенций, делегирование регламентарных полномочий и ликвидацию избыточных административных барьеров[6].

Еще одним большим шагом гуманизации уголовной политики стал подписание Закона «Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан» Президентом Республики Казахстан, который направлен на комплексное смягчение уголовной ответственности с учетом социального положения граждан. Данный нормативный акт распространяется на лиц из социально уязвимых слоев населения при условии возмещения причиненного ущерба, что сочетает принципы справедливости и социальной ответственности. Значимость этого закона заключается в его ориентации на превентивный и ресоциализационный эффект: закон не только снижает социальную напряженность, но и стимулирует восстановление нарушенных имущественных и правовых интересов пострадавших, укрепляя правопорядок. Принятие закона демонстрирует интеграцию гуманитарных подходов в правоприменительную практику и формирует основу для дальнейшего развития института амнистии с акцентом на социальную защищенность и правовую культуру населения [7].

Борьба с преступностью в современном мире носит трансграничный характер. Законотворческая деятельность МВД РК отражает эту реальность через активную ратификацию международных соглашений Для укрепления международно-правового сотрудничества ратифицированы соглашения о сотрудничества в борьбе с преступностью с Туркменистаном (замена устаревшего документа 1997 года) и о реадмиссии с Францией (регулирование возврата нелегальных мигрантов), а также соглашение с Арменией по миграционным вопросам (установление 90-дневного безвизового пребывания), демонстрируют активную работу по синхронизации правовых режимов с ключевыми партнерами. Это направлено на повышение эффективности борьбы с транснациональной преступностью и регулирование миграционных потоков.

Заключение

Таким образом, анализ законотворческой деятельности показал, что разработка нормативных правовых актов является системной, многоэтапной деятельностью, включающей формирование концепции, правовую экспертизу, согласование и оценку практической эффективности. Современная практика демонстрирует смещение акцента с количественных показателей принимаемых решений на их качество, внутреннюю согласованность и способность обеспечивать реальный правовой результат. Такой подход повышает уровень законности и способствует эффективной защите прав граждан. Все принимаемые законы направлены на формирование в сознании граждан чёткого понимания того, что полиция — это, прежде всего, сервисная организация, которая помогает, поддерживает и внимательно

выслушивает каждого человека. В основе работы лежит принцип «Закон и порядок»: любые действия правоохранительных органов осуществляются в строгом соответствии с законом, при этом обеспечивается открытый и постоянный доступ граждан к полиции.

Реализация любого законопроекта объективно потребует консолидации усилий государственного аппарата, институтов гражданского общества, экспертного сообщества, населения и каждого гражданина в целом. Речь идёт о формировании устойчивой модели взаимодействия, основанной на принципах координации, распределённой ответственности и превентивного реагирования на социальные риски. Без интеграции ресурсов и компетенций различных субъектов профилактики невозможно обеспечить системный эффект и устойчивые результаты.

Только при условии такой институциональной и общественной консолидации представляется возможным добиться качественного изменения текущей ситуации, укрепить режим верховенства закона, повысить уровень правосознания граждан и гарантировать их безопасность как ключевую конституционную ценность.

Ключевым фактором успеха на следующем этапе станет не только дальнейшее совершенствование законов, но и их эффективная имплементация – качественное подзаконное регулирование, обучение правоприменителей и формирование правовой культуры, соответствующей новым, более сложным и ориентированным на интересы гражданина правовым реалиям. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на мониторинге и оценке социально-правовых эффектов принятых законов в практике их повседневного применения.

Список использованной литературы

1.Выступление Президента Республики Казахстан К.К. Токаева на расширинном заседании коллегии МВД от 22 января 2024 года.
2.Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» // «Казахстанская правда» № № 169 (30296), 03.09.2024 г.
3.Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 907. Об утверждении Правил законотворческой работы Правительства Республики Казахстан // http://10.61.42.188/rus/docs/P160 00009 07/history.
4.Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 января 2023 года № 10. «О Регламенте Правительства Республики Казахстан» // http://10.61.42.188/rus/docs/P2300000010#z0.
5.Закон Республики Казахстан от 16 июля 2025 года № 210-VIII ЗРК. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации уголовного законодательства Республики Казахстан // http://10.61.42.188/rus/docs/Z2500000210.
6.Закон Республики Казахстан от 30 июня 2025 года № 203-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной службы, жилищного обеспечения и социальной защиты сотрудников правоохранительных, специальных государственных органов, органов

гражданской защиты и военнослужащих, а также исключения излишней законодательной регламентации в сфере деятельности органов внутренних дел» // http://10.61.42.188/rus/docs/Z2500000203.
7.Закон Республики Казахстан от 23 июня 2025 года № 195-VIII ЗРК «Об амнистии в связи с тридцатилетием Конституции Республики Казахстан» //http://10.61.42.188/rus/docs/Z2500000195.

Сведения об авторах

Адилов Санжар Аскенович *— Заместитель министра внутренних дел Республики Казахстан, генерал-майор полиции;*
Адилов Санжар Аскенович *— Қазақстан Республикасы Ішкі Істер Министрінің орынбасары, полиция генерал-майоры;*
Adilov Sanzhar — *Deputy Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Major General.*

Зулхаиров Ренат Вазирович *— Начальник Департамента юридической и нормотворческой координации МВД Республики Казахстан, полковник полиции;*
Зулхаиров Ренат Вазирович *— ҚР ІІМ Заң мен норма шығармашылығын үйлестіру департаментінің бастығы, полиция полковнигі;*
Zulkhairov Renat *— Head of the Department of Legal and Normative Coordination of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, police colonel.*

Шулден Ермек Сыпабекович *— Заместитель начальника Департамента юридической и нормотворческой координации МВД Республики Казахстан, полковник полиции;*
Шулден Ермек Сыпабекович *— ҚР ІІМ Заң мен норма шығармашылығын үйлестіру департаментінің бастығының орынбасары, полиция полковнигі;*
Shulden Ermek Sypabekovich *— Deputy Head of the Department of Legal and Rule-Making Coordination of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Colonel.*

Молдыбаева Райгуль Батырхановна *— Старший инспектор Департамента юридической и нормотворческой координации МВД Республики Казахстан, подполковник полиции;*
Молдыбаева Райгуль Батырхановна *— ҚР ІІМ Заң мен норма шығармашылығын үйлестіру департаментінің аға инспекторы, полиция подполковнигі;*
Moldybaeva Raigul Batyrkhanovna *— Senior Inspector of the Department of Legal and Rule-Making Coordination of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Lieutenant Colonel.*

УДК 343.146., МРНТИ 10.79.35

ЖУСИПБЕКОВА А.М.
Академия управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

ДОПУСТИМОСТЬ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ (БПЛА), В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье исследуется проблема допустимости использования материалов, полученных с применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), в качестве доказательств в досудебном производстве Республики Казахстан. На основе анализа норм УПК РК, Конституции РК, законодательства о персональных данных, об использовании воздушного пространства и электронных документах оценивается соответствие таких материалов свойствам доказательств: относимости, допустимости, достоверности, проверяемости и целостности. Обосновывается, что при соблюдении процессуальной формы получения, фиксации и хранения цифровых данных, а также при обеспечении законности вмешательства в частную жизнь, «дрон-материалы» могут обладать полноценным доказательственным статусом. Предлагаются практические рекомендации по процессуальному и техническому обеспечению их устойчивости к оспариванию.

Ключевые слова: *досудебное производство, доказательства, БПЛА, дрон, относимость, допустимость, законность.*

Қазақстан Республикасының сотқа дейінгі тергеп-тексеру өндірісінде ұшқышсыз ұшу аппараттарын (ҰҰА) пайдалану арқылы алынған материалдардың жол берілуі және дәлелдемелік маңызы

Мақалада Қазақстан Республикасының сотқа дейінгі өндірісінде ұшқышсыз ұшу аппараттарын (ҰҰА) қолдану арқылы алынған материалдарды дәлелдеме ретінде пайдаланудың жол берілу мәселесі зерттеледі. ҚР ҚІЖК нормаларын, ҚР Конституциясын, дербес деректер, әуе кеңістігін пайдалану және электрондық құжаттар туралы заңнаманы талдау негізінде мұндай материалдардың дәлелдемелер қасиеттеріне: қатыстылығына, жол берілуіне, шынайылығына, тексерілуіне және тұтастығына сәйкестігі

бағаланады. Сандық деректерді алудың, тіркеудің және сақтаудың процестік нысаны сақталған, сондай-ақ жеке өмірге қолсұғылмаушылық заңдылығы қамтамасыз етілген жағдайда, «дрон-материалдар» толыққанды дәлелдемелік мәртебеге ие бола алатыны негізделеді. Олардың дауласуға төзімділігін процестік және техникалық қамтамасыз ету бойынша практикалық ұсынымдар беріледі.

Кілтті сөздер: *сотқа дейінгі өндіріс, дәлелдемелер, ҰҰА, дрон, қатыстылық, жол берілуі, заңдылық.*

Admissibility and evidentiary value of materials obtained through the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) in pre-trial proceedings of the Republic of Kazakhstan

The article examines the issue of the admissibility of materials obtained through the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) as evidence in the pre-trial proceedings of the Republic of Kazakhstan. Based on an analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, the Constitution of the Republic of Kazakhstan, and legislation regarding personal data, airspace usage, and electronic documents, the author evaluates the compliance of such materials with the core properties of evidence: relevance, admissibility, reliability, verifiability, and integrity. It is substantiated that "drone-sourced materials" can possess full evidentiary status, provided that the procedural form of obtaining, recording, and storing digital data is observed, and the legality of interference with privacy is ensured. Practical recommendations are proposed for the procedural and technical support of their resilience to legal challenges.

Keywords: *pre-trial proceedings, evidence, UAV, drone, relevance, admissibility, legality.*

Введение

Переход к цифровым источникам фактических данных в уголовном процессе делает «мультимедийные следы» (фото, видео, телеметрия, геометки, журналы событий) одним из наиболее распространенных типов доказательственной информации. БПЛА усиливают этот тренд, так как дают обзорный вид, позволяют фиксировать динамику событий, пространственное расположение объектов и траектории движения, а также снимают значительные массивы данных за короткое время. Вместе с тем «Дрон-данные» создают правовые риски. Эти риски проявляются как вторжение в частную жизнь, сбор персональных данных, скрытность наблюдения, неопределенность процессуальной формы (что именно приобщается: видеофайл, копия, кадры, отчет оператора, телеметрия), а также уязвимость цифровых файлов к редактированию и манипуляциям.

В Казахстане уголовно-процессуальный критерий «доказательств» строится вокруг законности получения и процессуальной формы

закрепления фактических данных. Доказательствами являются «законно полученные фактические данные», а перечень источников включает «иные документы», к которым отнесены материалы с компьютерной информацией, фото- и киносъёмкой, звуко- и видеозаписями [1]. Следовательно, вопрос не в том, «можно ли вообще» использовать материалы с БПЛА, а в том, при каких условиях они будут признаны допустимыми и получат достаточный доказательственный вес.

Основная часть

На сегодняшний день, согласно нормам УПК «дрон-данные» попадают в систему источников доказательств следующим образом.

1) Материал БПЛА признаются как «документ». УПК прямо указывает, что документы могут содержать сведения «в письменной, так и иной форме», включая «материалы, содержащие компьютерную информацию, фото - и киносъёмки, звуко- и видеозаписи», если они получены/истребованы/представлены в порядке ст. 122 УПК [1]. Видеофайлы с камеры БПЛА и связанные с ними файлы метаданных/телеметрии отвечают конструкции «компьютерной информации» и «видеозаписи», следовательно подлежат приобщению как документы (либо как приложения к протоколу осмотра/выемки).

2) Материал БПЛА как «вещественное доказательство». Если носитель (карта памяти, бортовой накопитель, сам БПЛА, пульт управления) или файл получают признаки «средства совершения», «носителя следов», «средства к обнаружению правонарушения» и т.д., то они могут быть признаны вещественными доказательствами, приобщение которых производится соответствующим постановлением. Правовой режим хранения и изъятия определяется УПК и подзаконными правилами [1].

3) Собирание доказательств производится путем производства процессуальных действий, предусмотренных УПК, таких как обнаружение, закрепление, изъятие. УПК также позволяет органу расследования требовать предоставления документов и предметов, имеющих значение для дела, а защитнику истребовать документы/копии в рамках осуществления защиты [1]. Это позволяет легализовать дрон-материалы как через активные следственные действия, так и через истребование у владельца/оператора БПЛА, с последующим осмотром и приобщением.

При этом, УПК устанавливает, что фактические данные должны признаваться недопустимыми, если получены с нарушениями требований УПК, влияющими или могущими влиять на достоверность. Например, получение «от неизвестного источника» либо «существенное нарушение порядка процессуального действия» [1]. Для БПЛА это трансформируется в два практических вопроса: а) установлен ли источник (какой именно БПЛА, кто оператор, где оригинал), б) соблюден ли порядок фиксации/изъятия/копирования/хранения.

В данном контесте, необходимо указать, что УПК РК определяет доказательства как законно полученные фактические данные, на основе которых уполномоченные органы устанавливают обстоятельства дела [1]. Уже в этом положении присутствуют два фундаментальных аспекта: 1) эпистемический (фактические данные должны позволять установить факты), 2) правовой (данные должны быть получены законно).

УПК также устанавливает перечень источников фактических данных (показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы процессуальных действий и иные документы) [1]. Для БПЛА-материалов это означает, что вне зависимости от «впечатляющей» наглядности видео, оно должно войти в уголовное дело через один из признанных источников (чаще всего документы и/или приложения к протоколам, иногда — вещественные доказательства).

Ниже представлены требования к доказательствам и характеристики данных БПЛА

Свойство доказательства	Что считается юридически значимым	Риски для данных БПЛА	Процессуальные меры снижения риска
Относимость	Связь с обстоятельствами доказывания (время/место/способ и пр.)	Видео без связи с предметом доказывания; отсутствие идентификации места/времени	Протокол осмотра с описанием места и условий; привязка к схеме/плану; сопоставление с иными данными
Допустимость	Законность получения; соблюдение норм УПК; отсутствие нарушений, влияющих на достоверность	Незаконная «скрытая» съемка; сбор до регистрации ЕРДР; нарушение прав (частная жизнь)	Выбор процессуального основания (осмотр/выемка/истребование); санкционирование при вмешательстве; фиксация источника
Достоверность	Соответствие действительности; отсутствие подделки; подтверждение совокупностью доказательств	Монтаж/обрезка; неверная интерпретация перспективы; пересжатие	Экспертное исследование (видео/фото/цифровая экспертиза)
Проверяемость	Возможность проверки источника и способа получения	Не установлен оператор/БПЛА; утрачены логи и метаданные	Сохранение логов/телеметрии; документирование цепочки хранения; допрос оператора/специалиста
Целостность	Неизменность объекта; стабильность от изъятия до суда	Обработка файла при копировании; перезапись носителя	Хэширование оригинала и рабочей копии; работа с верифицированной копией

Таблица отражает синтез требований УПК и современных подходов цифровой криминалистики к мультимедийным данным.

Преобладающий международный подход к обращению с цифровыми доказательствами состоит в том, что обращение с ними должно проходить через этапы идентификации, сбора, приобретения (acquisition) и сохранения (preservation) с обеспечением целостности. Это прямо отражено в описании ISO/IEC 27037:2012 [2].

Для мультимедийных данных (видео/изображения) практики криминалистической видеотехники дополнительно требуют:

(а) создания рабочей копии,

(б) подтверждения, что рабочая копия соответствует оригиналу (в т.ч. через хэш),

(в) аналитической работы строго на копии с сохранением оригинала «в неизменном виде» [3].

Для устройств, которые на практике часто взаимодействуют с БПЛА-материалами (мобильные устройства операторов, планшеты управления, носители), полезны рекомендации NIST по мобильной криминалистике. Они описывают «forensically sound conditions» и процедуры сохранения/приобретения/анализа цифровой информации [4].

Наконец, важен и казахстанский «цифровой юридический слой»: электронный документ, удостоверенный ЭЦП уполномоченного лица, равнозначен бумажному [5]. Это имеет прикладное значение для фиксации цепочки хранения и заверения актов/протоколов в электронном документообороте (в том числе при формировании электронных материалов дела).

Например, американский подход к допустимости цифровых материалов опирается на идею аутентификации. Rule 901 Federal Rules of Evidence формулирует общее требование — сторона должна представить доказательства, достаточные для вывода, что предмет доказательства является тем, чем он заявлен [6]. Это концептуально созвучно казахстанскому требованию «неизвестного источника» как основанию проблем допустимости и требованию проверки источников получения [1].

На уровне профессиональных стандартов в США широко применяются практические руководства цифровой криминалистики. ISO/IEC 27037 описывает этапы обращения с цифровыми доказательствами (идентификация, сбор, приобретение, сохранение) [2]. SWGDE (Scientific Working Group on Digital Evidence) в руководстве по цифровому видео рекомендует создание рабочей копии и расчет хэша для оригинала и копии как меры сохранения целостности [3]. NIST в SP 800-101r1 описывает подход к извлечению цифровых данных в «forensically sound conditions» и процедурам сохранения/приобретения/анализа [4].

Практическая ценность этих стандартов для Казахстана состоит в том, что они дают «технический язык» и проверяемые процедуры, которые повышают устойчивость БПЛА-материалов к оспариванию и помогают суду оценивать достоверность и целостность в терминах, совместимых с УПК [1].

Анализ соответствия материалов БПЛА свойствам доказательств, примеры и рекомендации

1) Допустимость (главный юридический барьер). Материал БПЛА будет допустимым, если а) он получен и закреплен в форме, предусмотренной УПК, и б) способ получения не нарушает гарантированные права и не создает риски для достоверности. УПК

прямо вводит критерий влияния нарушений на достоверность и перечисляет типичные дефекты (существенное нарушение порядка процессуального действия, неизвестный источник и др.) [1]. Судебные разъяснения дополнительно фиксируют запрет на приобщение материалов, полученных «неустановленным законом порядком», и подчеркивают требования к санкционированию ОРД при ограничении конституционных прав [7].

Практический пример. Оператор частного БПЛА, не являясь участником процессуального действия, тайно фиксирует события внутри частной территории и передает видео следователю. Если защита обоснует, что запись получена в «негласном» режиме без предусмотренной законом процедуры и с вмешательством в частную жизнь, суд может поставить под сомнение допустимость по линии «неустановленного законом порядка» и «нарушения конституционных прав» [1].

2) *Относимость.* Относимость достигается не «самим полетом БПЛА», а корректной встройкой материала в предмет доказывания (время, место, способ, последствия) [1]. Поэтому протокол осмотра и приложения (кадры, схемы, фототаблицы, отметки) должны указывать, какие обстоятельства доказываются данным материалом и почему иной путь доказательства недостаточен.

3) *Достоверность.* УПК требует, чтобы обвинительный приговор не основывался на предположениях и подтверждался совокупностью допустимых и достоверных доказательств [1]. Для БПЛА это означает, что даже если видео наглядно, оно должно быть подкреплено сопоставлением с другими данными и/или выводами эксперта. Важна возможность идентифицировать источник (какой БПЛА, какая камера, какой носитель), поскольку «неизвестный источник» является прямым основанием недопустимости [1].

4) *Проверяемость.* Проверяемость обеспечивается тем, что УПК требует проверки источников получения и сопоставления доказательств [1]. Практически это означает - сохранены ли телеметрия и журналы; опрошен ли оператор; могут ли стороны получить копию и провести альтернативное исследование; назначена ли экспертиза при споре о монтаже. Состязательность предполагает равные возможности сторон в исследовании доказательств [1].

5) *Целостность.* Хотя УПК мыслит «целостность» преимущественно через вещественные доказательства и протоколы, общий смысл — обеспечивать неизменность доказательственного объекта и контролировать его хранение [1]. Для цифрового видео международные рекомендации предлагают конкретную технику: хэширование оригинала и рабочей копии и работа с копией [2,3,4].

Учитывая изложенное, можно предложить рекомендации как «минимальный стандарт устойчивости» БПЛА-материалов к оспариванию в досудебном и судебном производстве. Они строятся на

связке требования УПК к законности и источнику плюс авиационных требований к правомерности эксплуатации плюс цифровых стандартов целостности.

1) До полета необходимо обеспечить правовое основание и законность полета. Если БПЛА применяет орган расследования или иной государственный орган, нужно документально фиксировать:

а) правовое основание применения (процессуальное действие или иная законная форма),

б) правомерность эксплуатации БПЛА — учет, категория операции, разрешения, при необходимости согласования (для «специфической» категории — разрешение и согласованный план полета) [1].

2) Во время фиксации рекомендуется фиксировать непрерывные фрагменты, начинать запись чуть раньше ключевого действия и завершать чуть позже, чтобы минимизировать аргумент «обрезки контекста». Для событий с динамикой (ДТП, массовые нарушения, драки) полезно сохранять панорамные пролеты, которые подтверждают место и взаимное расположение объектов.

3) Непосредственно после и выгрузки данных:

а) создается неизменяемый «оригинал» (read-only носитель/каталог),

б) создается «рабочая копия»,

в) вычисляется хэш оригинала и копии (или фиксируется невозможность),

г) вводится журнал доступа и копирования. Это соответствует рекомендациям SWGDE и ISO/IEC 27037 о сохранении целостности цифровых доказательств [2,3].

4) Процессуальное оформление. Минимально устойчивый набор:

а) протокол процессуального действия (осмотр места/предметов/документов; выемка носителя; осмотр цифровых носителей и файлов), б) приложение к протоколу (носитель/файлы/распечатки кадров/фототаблицы/схемы), в) постановление о приобщении в качестве документа или вещественного доказательства (в зависимости от квалификации), г) указание источника, способа получения, времени, условий и участников. УПК допускает включение фото- и иных материалов в протокол осмотра и приобщение как материалов фиксации [1].

5) Минимизация риска «неустановленного источника». Поскольку УПК прямо относит «неизвестный источник» к основаниям недопустимости, следует:

а) идентифицировать БПЛА (модель/серийный номер),

б) идентифицировать оператора (ФИО, статус, допуск),

в) фиксировать цепочку владения носителем и путь файла от устройства до дела.

6) Экспертное исследование. При наличии спора о монтаже/подлинности, либо когда видео является ключевым доказательством, целесообразно:

а) назначать экспертизу/исследование специалиста по цифровым носителям/видео (в зависимости от системы экспертных специальностей и вопросов),

б) ставить вопросы об аутентичности, признаках обработки, сохранности метаданных, целостности цепочки хранения, возможности идентификации объектов,

в) ориентироваться на практики, описанные в SWGDE Best Practices for Digital Forensic Video Analysis (хэширование, рабочая копия, проверка воспроизведения) и ISO/IEC 27037 [2,3].

7) Минимизация вмешательства, так как Конституция охраняет частную жизнь, а закон о персональных данных строится на согласии и конфиденциальности, рекомендуется:

а) использовать БПЛА преимущественно в публичных пространствах или при наличии законного основания на вмешательство;

б) избегать съемки внутри жилища/частных помещений без санкции/процессуальной формы;

в) при неизбежном попадании посторонних лиц — фиксировать необходимость и пропорциональность и обеспечивать режим ограниченного доступа к файлам (как к данным ограниченного доступа).

Заключение

Использование материалов, полученных с помощью БПЛА как доказательств в досудебном производстве РК допустимо при соблюдении условий УПК, среди которых ключевым является законность получения и процессуальная форма приобщения.

Правомерность эксплуатации БПЛА (учет, категории операций, разрешения и согласования) не только снижает регуляторные риски, но и укрепляет доказательственную ценность, создавая документальный след происхождения и условий получения данных.

Техническая устойчивость доказательства достигается через сохранение целостности и проверяемости (хэширование, рабочая копия, журнал доступа, сохранение метаданных/логов) и через профессиональные стандарты цифровой криминалистики (ISO/IEC 27037, SWGDE, NIST).

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // Электронный ресурс: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231/k14_231.htm. (дата обращения 05.01.2026 г.). Режим доступа – свободный.

2. ISO/IEC 27037:2012 — *Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence* (описание стандарта) // Электронный ресурс: https://www.iso.org/standard/44381.html (дата обращения 05.01.2026 г.). Режим доступа – свободный.

3. SWGDE — *Best Practices for Digital Forensic Video Analysis* (версия 2.0, 2025-12-10) // Электронный ресурс: https://swgde.org/wp-content/uploads/2025/12/2025-12-10-Best-

Practices-for-Digital-Forensic-Video-Analysis-18-V-001-2.0.pdf (дата обращения 05.01.2026 г.). Режим доступа – свободный.
4. NIST, Special Publication 800-101 Revision 1 — *Guidelines on Mobile Device Forensics* (2014) // Электронный ресурс: https://csrc.nist.gov/pubs/sp/800/101/r1/final (дата обращения 05.01.2026 г.). Режим доступа – свободный.
5. Закон Республики Казахстан «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от от 7 января 2003 года № 370 // Электронный ресурс: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000370_ (дата обращения 05.01.2026 г.). Режим доступа – свободный.
6. Cornell Law School — Federal Rules of Evidence, Rule 901 (Authenticating or Identifying Evidence): формула аутентификации // Электронный ресурс: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_901 (дата обращения 05.01.2026 г.). Режим доступа – свободный.
7. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2006 года № 4 «О некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам» // Электронный ресурс: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P06000004S_ (дата обращения 05.01.2026 г.). Режим доступа – свободный.

Сведения об авторах

Жусипбекова Айнур Маратовна — *начальник Центра по исследованию проблем следствия и дознания НИИ Академии управления МВД Республики Казахстан, доктор философии (PhD), подполковник полиции, Астана, Казахстан;*

Жусипбекова Айнур Маратовна *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясының Ғылыми – зерттеу институтының Тергеу және анықтау мәселелерін зерттеу орталығының бастығы, полиция подполковнигі, философия докторы (PhD), Астана, Қазақстан;*

Ainur Zhussipbekova *— Head of the Center for Research on Problems of Investigation and Inquiry of the Research Institute Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy (PhD), Police Lieutenant Colonel,Astana, Kazakhstan, E-mail: kz_a_zh@mail.ru.*

УДК 343.3., МРНТИ 10.77.51

РАЙБАЕВ Д.К., НУРКЕНОВА М.К.
Академия управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

КОНКУРЕНЦИЯ СТАТЬИ 429 И СТАТЕЙ 380, 380-1 УК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ УГРОЗ, НАСИЛИЯ И ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется конкуренция статьи 429 УК Республики Казахстан со статьями 380 и 380-1 при квалификации угроз, насилия и посягательства на жизнь сотрудников уголовно-исполнительной системы. На основе формально-юридического и сравнительно-правового анализа выделяются совпадающие и разграничительные признаки составов: объект охраны, статус потерпевшего, связь деяния со служебной деятельностью, пределы охвата угроз и насильственных действий, а также особенности посягательства на жизнь. Обосновывается применение принципа lex specialis derogat legi generali и показываются типичные ошибки квалификации, возникающие при дублировании норм и несоразмерности санкций. С учетом отдельных элементов зарубежного опыта предлагаются меры по повышению единообразия правоприменения: уточнение диспозиций, гармонизация санкций и разработка разъяснений Верховного Суда. В работе сформулирован алгоритм квалификации для следователей и судов, ориентированный на защиту персонала УИС и профилактику инцидентов в местах лишения свободы.

Ключевые слова: *конкуренция норм; специальная норма; lex specialis; угроза; насилие; посягательство на жизнь; уголовно-исполнительная система; статьи 429, 380, 380-1 УК РК.*

Қазақстан Республикасы ҚК 429-бабы мен 380, 380-1-баптарының бәсекелестігі: қылмыстық-атқару жүйесі қызметкерлеріне қатысты қауіп төндіру, күш қолдану және өмірге қол сұғу әрекеттерін саралаудағы теориялық-құқықтық талдау

Мақалада Қазақстан Республикасы ҚК-нің 429-бабы мен 380 және 380-1-баптарының бәсекелестігі қылмыстық-атқару жүйесі

қызметкерлеріне қатысты қауіп төндіру, күш қолдану және өмірге қол сұғу әрекеттерін саралау тұрғысынан талданады. Формальды-құқықтық және салыстырмалы әдістер арқылы құрамдардың ұқсас және ажыратушы белгілері айқындалады: қорғау объектісі, жәбірленушінің құқықтық мәртебесі, әрекеттің қызметтік міндеттермен байланысы, қорқыту мен күш қолданудың шектері, сондай-ақ өмірге қол сұғудың ерекшелігі. Lex specialis қағидасын қолдану негізделіп, нормалардың қайталануы мен санкциялардың үйлеспеуінен туындайтын саралау қателіктері көрсетіледі. Шетелдік тәжірибенің жекелеген элементтерін ескере отырып, диспозицияларды нақтылау, санкцияларды үйлестіру және Жоғарғы Сот түсіндірмелерін әзірлеу ұсынылады. Зерттеуде сот тәжірибесіне тән типтік жағдайлар жүйеленіп, тергеу органдары мен соттарға арналған саралау алгоритмі ұсынылады; ол персоналды қорғауға, пенитенциарлық қауіпсіздікті күшейтуге және қылмыстардың алдын алуға бағытталған. Сондай-ақ құқық қолданудың бірізділігін қамтамасыз етуге мүмкіндік береді.

Кілтті сөздер: *нормалар бәсекелестігі; арнайы норма; lex specialis; қауіп төндіру; күш қолдану; өмірге қол сұғу; қылмыстық-атқару жүйесі; ҚР ҚК 429, 380, 380-1 баптары.*

Competition between article 429 and articles 380, 380-1 of the criminal code of Kazakhstan in qualifying threats, violence and attempts on the life of penal system officers: a theoretical and legal analysis

The article examines the competition between Article 429 and Articles 380 and 380-1 of the Criminal Code of Kazakhstan when qualifying threats, violence, and attempts on the life of penal system officers. Using comparative methods, the study identifies overlapping and distinguishing elements of the offences: protected interests, the victim's legal status, the nexus with official duties, the scope of threats and violent acts, and the specifics of attacks on life. The lex specialis derogat legi generali principle is substantiated, and risks of misqualification caused by norm duplication and sanction inconsistency are outlined. Drawing on foreign approaches, the author proposes measures to improve enforcement: clarifying dispositions, harmonising penalties, adopting Supreme Court guidance, and providing a qualification algorithm for consistent judicial practice.

Keywords: *norm competition; special provision; lex specialis; threat; violence; attempt on life; penal system; Articles 429, 380, 380-1.*

Введение

В уголовном праве нередки ситуации, когда одно и то же деяние может одновременно подпадать под признаки общей и специальной нормы. Возникает конкуренция уголовно-правовых норм, требующая

выбора между ними при квалификации. Данная проблема актуальна для системы преступлений против государственной власти и правопорядка в Республике Казахстан, особенно в контексте противоправных посягательств на представителей власти и сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы. В частности, нормы статьи 380 УК РК (угроза или насильственные действия в отношении представителя власти) и статьи 380-1 УК РК (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов и др.) во многом пересекаются по содержанию с нормой статьи 429 УК РК (угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его близких, или посягательство на их здоровье или жизнь). Все эти статьи предусматривают ответственность за нападения на представителей власти или приравненных к ним лиц при исполнении ими служебных обязанностей. В то же время у них различаются специфические объекты охраны и сферы применения (общегосударственная сфера против правосудия), что порождает вопросы разграничения и правильного выбора нормы при квалификации конкретных деяний.

Постановка проблемы

Теоретическая и практическая значимость проблемы обусловлена необходимостью обеспечения единообразия судебной практики. Неверный выбор между общей и специальной нормой может привести к судебной ошибке: необоснованно мягкой либо, напротив, чрезмерно строгой квалификации деяния. Принцип справедливости и законности требуют строго придерживаться правила о конкуренции норм. Это означает, что специальная норма должна применяться вместо общей, если охватывает все признаки преступления [1]. Данное правило общеправовое и признано и в отечественной доктрине, и на практике судов. Тем не менее, конкуренция статьи 429 и статей 380, 380-1 УК РК в отдельных случаях вызывает затруднения, о чем свидетельствуют определенные противоречия в правоприменении.

Цель исследования – провести комплексный теоретико-догматический анализ конкуренции норм, предусмотренных ст.429 УК РК и ст.ст.380, 380-1 УК РК, определить критерии их разграничения и приоритет применения, раскрыть роль ст.429 в системе уголовно-правовой охраны публичной власти, а также выявить проблемные аспекты и противоречия судебной практики. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: (1) охарактеризовать объекты уголовно-правовой охраны названных норм и выяснить их соотношение; (2) проанализировать составы преступлений, предусмотренные ст.429 и ст.380 (380-1) УК, на предмет совпадения объективных и субъективных признаков; (3) изложить теоретические подходы и официальные разъяснения по вопросу конкуренции общей и специальной норм; (4) изучить практику привлечения к ответственности по ст.429 и смежным статьям, выявить типичные ошибки квалификации; (5) разработать

предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения для устранения выявленных проблем.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специальные юридические методы познания. Применен формально-юридический метод для анализа диспозиций уголовно-правовых норм и их толкования. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении отечественных норм со смежными положениями зарубежного уголовного законодательства (в частности, норм УК РФ об аналогичных преступлениях), а также при изучении эволюции соответствующих норм в УК РК 1997 г. и УК РК 2014 г. (новая редакция). Историко-правовой метод позволил учесть решения Конституционного Совета и законодательные изменения, касающиеся статьи 429 (например, признание неконституционными отдельных положений старой редакции нормы о дезорганизации учреждений исполнения наказаний [2]). Социологический и системный подходы применялись при обзоре материалов судебной практики и ведомственных обобщений, отражающих реализацию данных норм. В работе также использованы положения теории уголовного права о конкуренции норм и совокупности преступлений [1][3], что позволило выработать обоснованные выводы и рекомендации.

Эмпирической базой исследования послужили нормативно-правовые акты Республики Казахстан (Уголовный кодекс, разъяснения Верховного Суда), а также опубликованные научные статьи и статистические сведения. В частности, учтены научные выводы казахстанских и российских авторов по проблеме конкуренции уголовно-правовых норм [1][3] и защите сотрудников правоохранительных органов [4]. Проанализированы примеры судебных решений по ст.429 УК РК (с доступными мотивировками квалификации), что позволило выявить расхождения в применении нормы. Надежность результатов обеспечивается сочетанием нескольких методов и опорой на официальные источники права.

Основная часть

Статья 380 УК РК относится к преступлениям против порядка управления и направлена на охрану авторитета государственной власти, нормальной деятельности органов управления и лиц, ее представляющих. Объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность государственных органов и безопасность представителей власти при исполнении ими обязанностей[4]. Статья 380-1 УК РК имеет более узкую сферу – защита жизни представителей власти (сотрудников правоохранительных и спецорганов, военнослужащих и др.) от посягательств террористического и аналогичного характера. Оба эти состава направлены на охрану государственной власти как института и по сути защищают схожий круг потерпевших – должностных лиц, наделенных властными полномочиями, а равно их близких родственников.

Статья 429 УК РК формально расположена в главе о преступлениях против правосудия (раздел об уголовных правонарушениях против порядка исполнения наказаний). Однако по своему содержанию она охраняет смежный родовой объект – авторитет и деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, то есть пенитенциарных учреждений (учреждений УИС). Специальными потерпевшими по ст.429 выступают сотрудники этих учреждений (например, сотрудники исправительных колоний, следственных изоляторов), а равно их супруги и близкие родственники – причем преступление совершается в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Тем самым фактически охраняются общественные отношения, связанные с нормальным функционированием учреждений уголовно-исполнительной системы и безопасностью их персонала [5][6]. Деятельность таких учреждений непосредственно связана с реализацией задач правосудия – исполнением наказаний в отношении осужденных. Поэтому преступления по ст.429 УК РК наносят ущерб не только конкретному лицу (сотруднику), но и нормальному режиму исправительного учреждения, дезорганизуя его работу. Не случайно в УК РК 1997 г. аналогичная норма именовалась «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Несмотря на изменение формулировки в новом УК (исключение термина «дезорганизация» из названия), функциональное значение статьи 429 осталось прежним – специальная защита пенитенциарной системы от противоправных посягательств со стороны осужденных.

Таким образом, ст.429 УК РК занимает особое место на стыке двух сфер: преступления против правосудия и преступления против порядка управления (власти). По характеру деяний и фигуре потерпевшего она близка к преступлениям против власти (нападения на должностных лиц), но по субъекту и обстановке совершения примыкает к преступлениям против правосудия (совершается, как правило, осужденными или лицами, содержащимися под стражей, в рамках исполнения наказания или меры пресечения). Роль данной статьи состоит в том, чтобы обеспечить специальную уголовно-правовую охрану сотрудников пенитенциарных учреждений, дополняя общие нормы о защите представителей власти. Как отмечают исследователи, сотрудники УИС выполняют служебные функции в условиях повышенного риска и зачастую сталкиваются с противодействием со стороны осужденных, обладающих антисоциальными установками [5][6]. Поэтому законодатель вводит специальный состав, предусматривающий более строгую ответственность для этой категории правонарушителей (осужденных), с тем чтобы предупредить подобные преступления и стабилизировать обстановку в учреждениях для отбывания наказания.

Статья 380 УК РК в ч.1 охватывает угрозу убийством, причинением вреда здоровью либо уничтожением имущества в отношении представителя власти или его близких, а равно применение насилия, не

опасного для жизни или здоровья. Квалифицированные составы (ч.2–6 ст.380) дифференцируют ответственность в зависимости от способа (группа лиц, чрезвычайное положение, СМИ/Интернет и др.) и тяжести насилия – вплоть до применения насилия, опасного для жизни (ч.5 и ч.6 ст.380 предусматривают до 12 и 15 лет лишения свободы соответственно). Статья 380-1 устанавливает ответственность за посягательство на жизнь определенных должностных лиц (сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и др.) или их близких – по сути, это покушение на убийство указанной категории потерпевших, наказываемое от 10 до 15 лет лишения свободы, а при отягчающих (ч.2) – от 15 до 20 лет либо пожизненно. Таким образом, ст.380-1 посвящена самому тяжкому посягательству – посягательству на жизнь представителя власти (особый вид государственного служащего), тогда как ст.380 охватывает менее опасные формы – угрозы и насилие без намерения лишить жизни.

Статья 429 УК РК по своему содержанию объединяет в одной норме несколько альтернативных деяний: угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения либо его родственников (ч.1), применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (ч.2), те же деяния, совершенные группой либо с насилием, опасным для жизни (ч.3), и посягательство на жизнь сотрудника учреждения или его близких (ч.4). Иначе говоря, ст.429 во многом параллельна по структуре совокупности ст.380 и 380-1: в ней предусмотрены и угрозы, и физическое насилие разной степени опасности, вплоть до покушения на убийство. Однако сфера применения ст.429 принципиально ограничена специфической категорией потерпевших – сотрудниками учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (и их близкими). Эти сотрудники, хотя и являются представителями власти по смыслу закона, выделены в отдельную норму. Следовательно, специальным непосредственным объектом ст.429 выступает не абстрактно деятельность любого представителя власти, а конкретно деятельность администрации учреждений исполнения наказаний и следственных изоляторов. Это накладывает отпечаток и на характеристику субъекта преступления по ст.429 – им чаще всего оказывается лицо, находящееся в местах лишения свободы или под стражей (осужденный, подсудимый, следственно-арестованный). Хотя в тексте УК прямого указания на статус субъекта нет, анализ контекста совершения деяния (противодействие законной деятельности администрации) позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство преступлений по ст.429 совершается именно осужденными либо иными лицами, содержащимися под стражей. В старой редакции закона это прослеживалось яснее: ст.361 УК РК 1997 г. прямо указывала на деяния, совершенные осужденными, с целью воспрепятствования их исправлению или из мести. В действующей норме мотивация деяния описана несколько иначе (в связи с выполнением служебных

обязанностей сотрудником, либо из мести за их выполнение), но по существу охватывает ту же ситуацию.

Общие признаки составов 380, 380-1 и 429 заключаются в том, что все они предусматривают посягательство на личность должностного лица в связи с его служебной деятельностью. Объективная сторона выражена в угрозе или насилии, мотив преступлений – воспрепятствовать осуществлению служебных обязанностей либо отомстить за их выполнение. Таким образом, в мотивировочной части составы совпадают (преступление совершается вследствие использования потерпевшим властных полномочий). В примечании к ст.380 УК РК законодатель дает определение «представителя власти», охватывающее должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, наделенных распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости [7]. Сотрудники учреждений УИС, безусловно, подпадают под это определение (они – должностные лица системы органов уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы МВД, обладающие властью над осужденными). Следовательно, формально любое деяние против сотрудника колонии подходит под понятие посягательства на представителя власти и может быть описано нормами ст.380 или 380-1. Здесь и кроется проблема конкуренции: одно и то же преступление (например, угроза убийством надзирателю колонии со стороны заключенного) удовлетворяет признакам как ст.380 ч.1, так и ст.429 ч.1 УК. Аналогично, нападение заключенного, причинившее легкий вред здоровью сотруднику колонии, формально подпадает и под ч.3 ст.380 (насилие, не опасное для жизни, в отношении представителя власти), и под ч.2 ст.429 (насилие, не опасное для жизни, к сотруднику учреждения). При покушении осужденного на убийство сотрудника – налицо признаки и ст.380-1 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), и одновременно ч.4 ст.429 УК (посягательство на жизнь сотрудника учреждения).

Чтобы правильно квалифицировать такие действия, необходимо учитывать иерархию общей и специальной норм. Статья 429 УК РК, будучи специально предназначенной для ситуаций внутри учреждений исполнения наказаний, по отношению к общим нормам (ст.380, 380-1) выступает как специальная норма. Она имеет более узкий объем (ограниченный круг потерпевших) при более полном содержании (включает все виды деяний – от угрозы до посягательства на жизнь). Как отмечается в юридической литературе, при конкуренции двух норм применяется та, которая полнее по содержанию и уже по объему, то есть специальная[3]. Именно такая норма охватывает все признаки общей и содержит дополнительные элементы, отсутствующие в общей норме. В рассматриваемом случае ст.429 включает все признаки посягательства на представителя власти (поскольку сотрудник УИС – это представитель власти), но дополняет их указанием на особые условия (изоляционное учреждение) и, как правило, особый субъект (осужденный). Поэтому

прямое конкурирование имеет место: преступление одновременно охватывается двумя нормами, но одна (специальная) учитывает особенности, важные для уголовно-правовой оценки. Согласно принципу lex specialis, такая норма и должна применяться в первую очередь [1]. Общая же норма отходит на второй план, «держится в тени» специальной.

На практике казахстанский законодатель прямо не закрепляет в УК правила преодоления конкуренции норм, однако они выведены доктриной и подтверждены правоприменением. Верховный Суд РК указывает, что при квалификации деяния, предусмотренного общей и специальной нормами, совокупности преступлений не образуется, следует применить только специальную норму. Аналогичный подход существует и в российской судебной практике: специальная норма исключает применение общей при коллизии. Из этого следует однозначный вывод: в примерах, приведенных выше (угроза или насилие заключенного против сотрудника колонии), надлежит квалифицировать содеянное по статье 429 УК РК как специальной. Применение статей 380 или 380-1 было бы неправомерным дублированием общей нормы там, где законодатель предусмотрел особый состав. Такая квалификация нарушала бы принцип справедливости, поскольку игнорировала бы более специфические обстоятельства (статус субъекта и обстановка преступления).

Важно подчеркнуть, что объем специальной нормы не просто уже – он качественно иной. Статья 429 помещена в главу о преступлениях против правосудия, что концептуально отражает: посягательство осужденного на сотрудника колонии рассматривается как акт, дезорганизующий работу учреждения, препятствующий исполнению наказания, то есть посягательство на правосудие (в широком смысле) [5]. В то же время аналогичное по форме нападение на, скажем, участкового инспектора полиции (вне пенитенциарного контекста) квалифицируется по ст.380 как посягательство на публичную власть. Таким образом, правовая оценка схожих деяний разнится в зависимости от контекста: внутри тюрьмы – это угроза правосудию, вне – угроза публичному порядку. Специальная норма позволяет учесть эту разницу. В литературе отмечалось, что наличие самостоятельной нормы о дезорганизации учреждений УИС обусловлено особым характером таких преступлений, и ее сохранение оправдано [5]. Следовательно, ст.429 играет профилактическую и карательную роль повышенной степени: наказания по ней относительно строже минимальных санкций по ст.380 за аналогичные деяния *(например, за угрозу – минимум 2 года лишения свободы по ст.429 против возможности штрафа по ст.380).* Это еще один аргумент в пользу применения специальной нормы: она отражает более высокую общественную опасность деяний, совершаемых в условиях отбывания наказания лицами, уже преступившими закон.

Несмотря на теоретическую ясность принципа ***lex specialis,*** на практике конкуренция ст.429 и ст.380 (380-1) порой вызывала разногласия. В первые годы после введения в действие УК РК 2014 г. отмечались случаи, когда органы дознания квалифицировали действия осужденных по общей норме. Например, имели место примеры, когда за применение неопасного насилия к сотруднику колонии заключенному предъявляли обвинение по ч.3 ст.380 УК (как за насилие против представителя власти), минуя ст.429. В судебных приговорах иногда допускалась неправильная квалификация: преступление оценивалось по двум статьям одновременно (как совокупность) либо по неверной статье из-за непонимания соотношения норм. Подобные ошибки противоречат разъяснениям Верховного Суда о том, что конкуренция исключает вменение совокупности преступлений. Причинами могли служить пробелы в знаниях правоприменителей или отсутствие прямого указания в законе о специальном характере ст.429. Кроме того, отсутствие в диспозиции ст.429 упоминания об особом субъекте (осужденном) иногда вводило в заблуждение менее опытных следователей: внешне кажется, что нормы равнозначно применимы ко всем лицам. Тем не менее, в новейшей практике такие случаи становятся редкостью по мере того, как судебные органы выработали единый подход: применять статью 429 всегда, когда деяние совершено в условиях исполнения наказания. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда неоднократно отменяла приговоры, где имела место неправильная квалификация по ст.380 вместо ст.429, указывая на необходимость учета специальной нормы (эти определения не публиковались, но упоминаются в научных обзорах).

Другой проблемный аспект – разграничение ситуаций, не охваченных специальной нормой. Например, если посягательство совершено не осужденным. Возможна ситуация, когда внешнее лицо (например, родственник осужденного или член преступной группы) угрожает сотруднику колонии. Формально ст.429 не содержит требования, чтобы субъектом был осужденный; таким образом, можно применить ст.429 и к стороннему лицу, если деяние совершено в связи с деятельностью сотрудника учреждения. Однако в практике такие случаи обычно квалифицируются по общим нормам (ст.380 или даже ст.192 УК – угроза убийством), исходя из того, что специальная статья 429 предназначена главным образом для внутренних тюремных отношений. Отсутствие четкого законодательного указания порождает риск разночтений. С одной стороны, применение ст.429 к любому лицу, угрожающему начальнику колонии, соответствует буквальному толкованию. С другой – логика закона предполагает особый субъект (осужденного). В научной литературе высказывается мнение о необходимости уточнить диспозицию ст.429, указав на специальный субъект – лицо, отбывающее наказание или содержащееся под стражей. Это предложение направлено на устранение неопределенности и

предотвращение конкуренции в случаях, когда преступление совершено внешним лицом: тогда безальтернативно будет применяться ст.380 (380-1) как общей нормы.

Еще один лакунарный вопрос**:** преступления осужденных против других осужденных с целью воспрепятствовать их исправлению. Старый УК РК 1997 г. учитывал подобные ситуации – угроза в отношении другого осужденного из мести за соблюдение им режима или с целью помешать исправлению квалифицировалась по ст.361 ч.1. В действующем УК 2014 г. такая норма отсутствует: ст.429 защищает только сотрудников и их близких. Таким образом, если, например, «авторитет» в колонии угрожает расправой исправляющемуся осужденному, чтобы вовлечь его в противоправные действия, – это останется за рамками ст.429. Подобное деяние теоретически можно квалифицировать по общей статье об угрозе (ст.115 УК, если есть основания считать угрозу реальной), но наказание там незначительно, и специфические пенитенциарные мотивы не учитываются. В результате образуется пробел в уголовно-правовой охране: нормальная обстановка в учреждении исполнения наказаний может нарушаться и через посягательства на осужденных (например, запугивание «активистов» и др.), но специальная норма это не охватывает. В научном сообществе Казахстана высказывались идеи вернуться к концепции «дезорганизации деятельности учреждений» и включить в закон норму о противодействии исправлению осужденных со стороны других заключенных [5]. Данная проблема, однако, выходит за рамки узкой темы конкуренции 429 vs 380, но упомянута здесь для полноты: ее решение позволило бы в целом укрепить режим в местах лишения свободы.

Несмотря на обозначенные сложности, в настоящее время сложилась устойчивая судебная практика применения ст.429 УК РК в качестве приоритетной. Конфликты квалификации возникают все реже, что подтверждается отсутствием недавних прецедентов отмен приговоров по мотивам неверного выбора между ст.429 и ст.380. Тем не менее, для полной гармонизации правоприменения требуются официальные разъяснения. Было бы полезно, чтобы Верховный Суд РК издал нормативное постановление, где отдельно указал бы: при преступлениях, совершенных в условиях исполнения наказания, ответственность наступает по ст.429 УК; в случаях же, не связанных с пенитенциарными учреждениями, – по ст.380 или 380-1 УК. Также следует разъяснить, что двойная квалификация (одновременное применение обеих норм) недопустима, поскольку налицо конкуренция, а не совокупность преступлений. Подобные разъяснения сняли бы оставшиеся вопросы для следствия и судов.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что между нормами, предусмотренными статьей 429 УК РК и статьями 380, 380-1 УК РК, существует конкуренция по типу «общая – специальная норма». Статья

429, будучи специальной, включает признаки посягательств на представителей власти, но ограничена сферой пенитенциарных учреждений и тем самым учитывает повышенную общественную опасность деяний, совершаемых осужденными против администрации этих учреждений. Анализ объектов охраны показал, что ст.380 и 380-1 защищают в целом интересы государственной власти и публичного порядка, тогда как ст.429 специально оберегает деятельность органов исполнения наказаний и безопасность их персонала. При конкуренции данных норм приоритет должен отдаваться статье 429 УК РК (lex specialis derogat generali), что находит подтверждение в теории [1][8] и поддержано судебной практикой Республики Казахстан. Применение общей нормы (ст.380 или 380-1) при наличии условий специальной недопустимо, поскольку ведет к нарушению принципа справедливости и единообразия правоприменения.

Тем не менее, выявлены отдельные проблемные вопросы. Во-первых, отсутствие в тексте ст.429 указания на специального субъекта может приводить к разночтениям о возможности ее применения к иным лицам. Представляется целесообразным дополнить диспозицию ст.429 УК уточнением, что субъектом преступления является лицо, отбывающее наказание или содержащееся под стражей. Это укрепит ее статус как специальной нормы и исключит ошибочное применение общей нормы. Во-вторых, существующий пробел в части защиты осужденных от криминального воздействия со стороны других осужденных заслуживает внимания законодателя. Возможно, имеет смысл восстановить норму о дезорганизации деятельности учреждений, включая ответственность за групповые неподчинения, угрозы в адрес осужденных с целью воспрепятствовать их исправлению и т.п., как это было до 2008 года (до решения Конституционного Совета) [2]. В-третьих, необходимо официальное разъяснение Верховного Суда РК по вопросам квалификации преступлений данной категории, которое четко разграничило бы сферу применения ст.429 и смежных статей, подтвердив приоритет специальной нормы и недопустимость их конкурирующего вменения.

Следует подчеркнуть, что статья 429 УК РК играет важную роль в системе уголовного права Казахстана, обеспечивая охрану деятельности пенитенциарных учреждений. Ее правильное применение – залог не только законности в отдельных делах, но и стабильности режима в местах лишения свободы, защиты прав сотрудников и осужденных. Конкуренция с общими нормами полностью разрешима на основе принципа lex specialis. Практическая реализация выработанных теоретических положений (приоритет специальной нормы, уточнение законодательства, разъяснение компетентных органов) позволит устранить последние противоречия и повысить эффективность применения уголовного закона.

Список использованной литературы

1.**Бапанова Т.Т.** Некоторые вопросы конкуренции норм и совокупности уголовных правонарушений // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2019. – № 1 (89). – С. 169–177.
2. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 27 февраля 2008 г. № 2 «По делу о проверке конституционности Закона Республики Казахстан от 26 марта 2007 г. № 240-III в части дополнения статьи 361 Уголовного кодекса Республики Казахстан».
3.**Кондратьева И.О.** Квалификация преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 240 с.
4.**Кудешев Р.А.** Ответственность за посягательство на нормальную деятельность органов управления в лице представителя власти: сравнительно-правовой анализ // Хабаршы – Вестник Карагандинской академии МВД РК. – 2021. – № 2 (72). – С. 103–111.
5.**Галиев Б.Б.** Ответственность за действия, посягающие на нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (по Уголовному кодексу Республики Казахстан) // Современное право. – 2017. – № 3. – С. 138–141.
6.**Light S.C.** Assaults on Prison Officers: Interactional Themes // Justice Quarterly. – 1991. – Vol. 8, No. 2. – P. 243–261. – URL: https://www.ojp.gov/library/publications/assaults-prison-officers-interactional-themes (дата обращения: 09.01.2026).
7.Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2025 г.). – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 09.01.2026).
8.**Мартыненко А.А.** Правило lex specialis derogat generali как средство разрешения коллизий между общими и специальными нормами гражданского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 4 (119). – С. 154–158. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravilo-lex-specialis-derogat-generali-kak-sredstvo-razresheniya-kolliziy-mezhdu-obschimi-i-spetsialnymi-normami-grazhdanskogo/viewer (дата обращения: 09.01.2026).

Сведения об авторах

Райбаев Даулет Кумарбекович *– начальник Центра по исследованию проблем уголовно-исполнительной системы ОВД Научно-исследовательского института Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор (доцент), подполковник полиции, г. Астана, Республика Казахстан;*

Райбаев Даулет Құмарбекұлы *– Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының ІІО қылмыстық-атқару жүйесі мәселелерін зерттеу орталығының бастығы, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор (доцент), полиция подполковнигі, Астана қ., Қазақстан Республикасы;*

Raibaev Daulet Kumarbekovich *– Head of the Center for Research on Penal Enforcement System Issues of Internal Affairs Bodies, Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, Police Lieutenant Colonel, Astana, Kazakhstan, E-mail: doul_zare4ka@mail.ru.*

Нуркенова Мадина Казизовна *— старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем уголовно-исполнительной системы ОВД Научно-исследовательского института Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, полковник полиции, г. Астана, Республика Казахстан;*

Нуркенова Мадина Казизовна *— Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының ІІО қылмыстық-атқару жүйесі мәселелерін зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, полиция полковнигі, Астана қ., Қазақстан Республикасы;*

Nurkenova Madina Kazizovna *— Senior Researcher, Center for the Study of the Problems of the Penal System of the ATS of the Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Colonel, Astana, Republic of Kazakhstan.*

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ҚЫЗМЕТІНДЕГІ БАСҚАРУ СТРАТЕГИЯСЫ

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MANAGEMENT STRATEGY IN LAW ENFORCEMENT

УДК 34.06., МРНТИ 10/12.09.01

САЙТБЕКОВ А.М.
Министерство Внутренних Дел Республики Казахстан
г.Астана, Казахстан
АБЕУОВ Д.А.
Академия управления МВД Республики Казахстан,
г.Астана, Казахстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ 2026 ГОДА: ИСТОРИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена комплексному анализу процессов цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан в контексте стратегических приоритетов цифрового развития, актуализированных в 2026 году. В работе рассматриваются теоретико-методологические основы цифровой трансформации правоохранительной системы, а также анализируется международный опыт применения интеллектуальных и аналитических технологий в деятельности полиции. Особое внимание уделяется выявлению ключевых вызовов и проблем, возникающих при внедрении искусственного интеллекта, включая правовые, организационные, кадровые и этические аспекты. На основе сравнительного анализа зарубежных практик и национальных особенностей обосновываются перспективные направления развития цифровых и интеллектуальных решений в системе органов внутренних дел Казахстана. Делается вывод о том, что эффективная цифровизация правоохранительной деятельности возможна лишь при условии комплексного подхода, сочетающего нормативно-правовое регулирование, научное сопровождение и развитие профессиональных компетенций сотрудников. Результаты краткого исследования могут быть использованы в научной и образовательной деятельности, а также при формировании ведомственных программ цифровой модернизации.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая трансформация, искусственный интеллект, машинное обучение, большие данные, органы внутренних дел Республики Казахстан, правоохранительная деятельность, общественная безопасность, национальная*

безопасность, цифровая экосистема МВД, видеоаналитика, компьютерное зрение, распознавание лиц, интеллектуальные камеры, прогнозирование преступности, предупреждение преступлений, электронные государственные услуги, биометрия, защита персональных данных, конфиденциальность, этика искусственного интеллекта, правовое регулирование, цифровой суверенитет, подготовка кадров, доверие общества.

Қазақстан Республикасының ішкі істер органдарындағы 2026 жылдың стратегиялық басымдықтары: тарих, халықаралық тәжірибе, сын-қатерлер мен перспективалар контексіндегі цифрландыру және жасанды интеллект

Мақала цифрлық дамудың 2026 жылы өзектендірілген стратегиялық басымдықтары тұрғысынан Қазақстан Республикасы ішкі істер органдарының қызметіне жасанды интеллект технологияларын енгізу және цифрландыру процестерін кешенді талдауға арналған. Жұмыста құқық қорғау жүйесін цифрлық трансформациялаудың теориялық-әдіснамалық негіздері қарастырылады, сондай-ақ полиция қызметінде зияткерлік және талдамалық технологияларды қолданудың халықаралық тәжірибесі талданады. Құқықтық, ұйымдастырушылық, кадрлық және этикалық аспектілерді қоса алғанда, жасанды интеллектті енгізу кезінде туындайтын түйінді сын-қатерлер мен проблемаларды анықтауға ерекше назар аударылады. Шетелдік практикалар мен ұлттық ерекшеліктерді салыстырмалы талдау негізінде Қазақстанның ішкі істер органдары жүйесінде цифрлық және зияткерлік шешімдерді дамытудың перспективалық бағыттары негізделеді. Құқық қорғау қызметін тиімді цифрландыру қызметкерлердің кәсіби құзыреттерін нормативтік-құқықтық реттеуді, ғылыми сүйемелдеуді және дамытуды үйлестіретін кешенді тәсіл болған жағдайда ғана мүмкін болады деген қорытынды жасалады. Қысқаша зерттеудің нәтижелері ғылыми және білім беру қызметінде, сондай-ақ цифрлық жаңғыртудың ведомстволық бағдарламаларын қалыптастыру кезінде пайдаланылуы мүмкін.

Кілтті сөздер: *цифрландыру, цифрлық трансформация, жасанды интеллект, машиналық оқыту, үлкен деректер, Қазақстан Республикасының ішкі істер органдары, құқық қорғау қызметі, қоғамдық қауіпсіздік, ұлттық қауіпсіздік, ІІМ цифрлық экожүйесі, бейне талдау, компьютерлік көру, тұлғаларды тану, зияткерлік камералар, қылмысты болжау, қылмыстың алдын алу, электрондық мемлекеттік қызметтер, биометрия, дербес деректерді қорғау, құпиялылық, жасанды интеллект этикасы, құқықтық реттеу, цифрлық егемендік, кадрлар даярлау, қоғамның сенімі.*

Digitalization and artificial intelligence in the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan in the context of strategic priorities of 2026: history, international experience, challenges and prospects

The article is devoted to a comprehensive analysis of the processes of digitalization and the introduction of artificial intelligence technologies in the activities of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan in the context of the strategic priorities of digital development, updated in 2026. The paper examines the theoretical and methodological foundations of the digital transformation of the law enforcement system, as well as analyzes the international experience of using intellectual and analytical technologies in police activities. Particular attention is paid to identifying key challenges and problems arising in the implementation of artificial intelligence, including legal, organizational, personnel and ethical aspects. On the basis of a comparative analysis of foreign practices and national characteristics, promising directions for the development of digital and intellectual solutions in the system of internal affairs bodies of Kazakhstan are substantiated. It is concluded that effective digitalization of law enforcement is possible only under the condition of an integrated approach that combines regulatory regulation, scientific support and the development of professional competencies of employees. The results of a brief study can be used in scientific and educational activities, as well as in the formation of departmental digital modernization programs.

Key words: *digitalization, digital transformation, artificial intelligence, machine learning, big data, internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan, law enforcement, public safety, national security, digital ecosystem of the Ministry of Internal Affairs, video analytics, computer vision, face recognition, smart cameras, crime forecasting, crime prevention, electronic government services, biometrics, personal data protection, privacy, ethics of artificial intelligence, legal regulation, digital sovereignty, personnel training, public confidence.*

Введение

Цифровизация в Республике Казахстан в современных условиях трансформируется из инструмента технологической оптимизации в системообразующий фактор институционального развития публичной власти. Ее внедрение обусловливает повышение эффективности управленческих процессов, обеспечение транспарентности деятельности государственных органов и укрепление общественного доверия к институтам государства.

Существенным этапом развития государственной политики в сфере цифровизации стало подписание Президентом Республики Казахстан К.-Ж. Токаевым Указа об объявлении 2026 года - Годом цифровизации и искусственного интеллекта, в котором акцентируется необходимость комплексного и согласованного подхода к цифровой трансформации

государственного управления, экономики и социальной сферы [1], что создает нормативную основу для модернизации институтов публичной власти, включая правоохранительные органы.

Достижения в области цифровых технологий ускорили их интеграцию в многочисленные аспекты повседневной жизни, преобразуя то, как функционируют люди, учреждения и общество. Соответственно, учет вышеуказанных тенденций в борьбе с преступностью, использование достижений современных компьютерных технологий, в том числе возможностей искусственного интеллекта и методов обучения является требованием нашего времени. Вместе с тем, возникает необходимость определение границ между и обеспечения защиты прав и свобод человека.

В указанных условиях особое место занимает деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан, которые являются ключевым субъектом обеспечения общественной безопасности, законности и правопорядка, объективно вовлечены в процессы технологической модернизации.

Цифровизация в органах внутренних дел Республики Казахстан осуществляется в рамках Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы [2] и Программы действий правительства по реализации целей Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года на период 2025–2026 годов [3]. Указанные стратегические документы закрепляют цифровую трансформацию правоохранительной деятельности как приоритетное направление совершенствования механизмов управления, межведомственного взаимодействия и оказания государственных услуг населению.

Двадцать первый век поставил перед институтами государственного управления задачи принципиально иного масштаба, нежели те, к которым они исторически были приспособлены. Рост объемов цифровых данных, ускорение информационных потоков и распространение технологий автоматизированного анализа создали условия, при которых традиционные модели правоохранительной деятельности, основанные на бумажном документообороте, ручном анализе обстановки и реактивном реагировании на уже совершенные правонарушения, утрачивают способность эффективно решать стоящие перед ними задачи.

Цифровизация и внедрение инструментов искусственного интеллекта (далее ИИ) в органы внутренних дел превратились из технологического эксперимента в стратегический приоритет государственной политики большинства экономически развитых стран. Республика Казахстан, на протяжении последних полутора десятилетий последовательно реализующая курс на построение умного государства, не является исключением из данной закономерности.

Следует отметить, что практическое внедрение цифровых технологий в деятельность органов внутренних дел в ряде случаев

предшествовало формальному закреплению соответствующих стратегических ориентиров. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии объективной институциональной потребности в модернизации процессуальных и управленческих механизмов правоохранительной системы. В этой связи особую научную значимость приобретает исследование процессов автоматизации деятельности органов внутренних дел через призму административно-правового регулирования и анализа правоприменительной практики. Выявление коллизий и пробелов правового регулирования, а также сопоставление отечественного опыта с зарубежными моделями цифровизации правоохранительных органов позволяют определить тенденции развития и сформулировать предложения по совершенствованию правового механизма цифровой трансформации в рассматриваемой сфере. Таким образом, проблематика цифровизации органов внутренних дел обладает выраженной теоретической и прикладной значимостью и соответствует современным вызовам развития цифрового государства.

Под системами искусственного интеллекта традиционно понимаются компьютерные системы, которые способны не только выполнять конкретные задачи по заранее заданному алгоритму, но и решать творческие задачи на основе анализа большого объема разнообразной информации и имитации мыслительных процессов человека. Согласно Кембриджскому словарю, искусственный интеллект (ИИ) - это «использование или изучение компьютерных систем или машин, которые обладают способностью выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта, такие как обучение, принятие решений и решение проблем» [4].

Историческое развитие искусственного интеллекта демонстрирует поступательную эволюцию идей формализации мышления и алгоритмизации интеллектуальной деятельности. Теоретические основания подобного подхода восходят к логическим построениям Аристотеля, сформировавшего систему дедуктивного вывода, оказавшую влияние на развитие формальных систем рассуждения [5, с. 15–18]. Рационалистическая философия Рене Декарта развила представление о мышлении как о процессе, поддающемся методологическому упорядочению и формальному описанию [6, с. 34–39].

В XIX веке предпосылки создания универсальных вычислительных устройств получили развитие в проектах Чарльза Бэббиджа, предложившего концепцию аналитической машины, а также в работах Ады Лавлейс, обосновавшей возможность обработки машиной символической информации, выходящей за рамки арифметических операций [7, p. 112–118]. Завершение теоретической модели алгоритмических вычислений связано с трудами Алана Тьюринга. В работе 1936 года им была доказана универсальность абстрактной вычислительной машины [8, p. 241–245], а в статье 1950 года предложен

функциональный критерий оценки машинного интеллекта, получивший название «тест Тьюринга» [9, p. 433–435].

Впервые использовал термин «искусственный интеллект» американский ученый Джон Маккарти в 1956 году. Он определил его как программу или компьютер, способные мыслить, как человек и принимать логичные решения [10]. Именно отсюда был заложен фундамент для новой области, обладающей большим потенциалом развития и способной существенно помочь человечеству в развитии.

Историческая ретроспектива цифровизации органов внутренних дел Республики Казахстан позволяет выделить несколько качественно различных этапов. Первый этап, приходящийся на 1990-е годы, был связан с постепенным переходом от советской административной инфраструктуры к самостоятельным информационным системам молодого государства. Этот период характеризовался фрагментарностью. Отдельные подразделения МВД начинали вести собственные электронные базы данных без единых стандартов совместимости и обмена, что порождало ведомственные информационные силосы, разрозненность которых сохранялась вплоть до начала 2010-х годов.

Второй этап, охватывающий приблизительно 2005–2015 годы, ознаменовался переходом от локальной компьютеризации к созданию интегрированных информационных систем в рамках электронного правительства. Внедрение единой платформы egov.kz, подключение МВД к межведомственному электронному взаимодействию и постепенная оцифровка учетных систем создали предпосылки для принципиально иного устройства правоохранительной деятельности, ориентированного на сетевое взаимодействие и данные.

Третий, продолжающийся по сей день, этап связан с массовым использованием технологий анализа больших данных, компьютерного зрения и машинного обучения. Его символом стало внедрение интеллектуальной системы видеонаблюдения «Сергек» в городе Алматы, запущенной в коммерческую эксплуатацию в 2019 году и впоследствии расширенной на другие крупные населенные пункты страны. Система, функционирующая на основе нейросетевых алгоритмов распознавания лиц и транспортных средств, в режиме реального времени идентифицирует нарушителей правил дорожного движения и лиц, находящихся в розыске.

Правовую основу цифровизации деятельности органов внутренних дел в Казахстане образуют, ряд взаимосвязанных нормативных актов.

Конституция Республики Казахстан закрепляет обязанность государства по защите прав и свобод человека и гражданина [11, ст. 1,12]. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» устанавливает требования к обработке персональных данных и гарантии их охраны [12, ст. 7–9], а Закон Республики Казахстан «Об информатизации» определяет правовые основы функционирования

информационных систем и обеспечения их безопасности [13, ст. 5–8]. При этом специфика правоохранительной деятельности, связанная с обработкой данных о лицах, подозреваемых или обвиняемых в совершении правонарушений, а также о потерпевших и свидетелях, создает устойчивое напряжение между общими нормами законодательства о персональных данных и оперативными потребностями следственной и профилактической работы.

В казахстанской правовой доктрине вопросы информационного права и цифровизации государственного управления рассматриваются преимущественно в контексте более широких работ по административному праву и теории государственного управления. Как отмечает И.Л. Бачило, информационное право, как отрасль складывается на пересечении публично правовых и частноправовых механизмов. Государство выступает одновременно субъектом, регулирующим информационные отношения, и участником этих отношений, крупнейшим оператором информационных систем [14, с. 78]. Данный тезис с особой остротой применим к органам внутренних дел. МВД одновременно устанавливает правила обработки данных через нормативные акты, само является крупнейшим оператором баз данных и осуществляет надзор за соблюдением информационного законодательства другими субъектами. Такая трехуровневая роль создает структурный конфликт интересов, для нейтрализации которого необходимы правовые механизмы независимого надзора, не сформированные в казахстанском праве в достаточной мере.

О.А. Городов указывает, что эффективность правового регулирования в информационной сфере принципиально зависит от того, насколько законодателю удается своевременно адаптировать правовые конструкции к стремительно меняющимся технологическим реалиям. Запаздывание регулирования формирует серые зоны, в которых технологически продвинутые субъекты, включая государственные, действуют без надлежащей правовой основы [15, с. 45]. В подобной серой зоне сегодня находится деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан при использовании систем ИИ. Применение алгоритмов для выявления правонарушений, распознавания лиц в публичных местах и прогнозирования преступности де факто осуществляется, однако специального законодательного регулирования этой деятельности в Казахстане нет, ни в форме отдельного закона, ни в виде достаточно детализированного подзаконного акта.

Э.В. Талапина обращает внимание на то, что цифровизация государственного управления ставит под сомнение ряд традиционных правовых категорий. Само понятие государственного решения, которое в аналоговую эпоху неизменно предполагало наличие уполномоченного должностного лица, принимающего акт от имени государства, размывается в условиях, когда алгоритм автоматически формирует юридически значимый результат, например административный штраф или уведомление о подозрительном поведении, без участия человека в

конкретном акте принятия решения [16, с. 9]. Для органов внутренних дел это означает принципиальный вопрос об ответственности. Если система ИИ допустила ошибку, распознала невиновного гражданина как лицо, находящееся в розыске, либо ошибочно квалифицировала его поведение как угрозу, кто несет правовую ответственность за причиненный вред. Действующее законодательство не содержит ответа на этот вопрос, поскольку нормы об ответственности государственных органов сконструированы применительно к действиям должностных лиц, а не к функционированию алгоритмических систем.

В условиях цифровизации особую значимость приобретают гарантии прозрачности алгоритмов, процессуальная допустимость цифровых доказательств и установление юридической ответственности за возможные ошибки автоматизированных систем. Следовательно, институционализация искусственного интеллекта в правоохранительной сфере Республики Казахстан должна сопровождаться дальнейшим совершенствованием нормативных механизмов контроля и обеспечением баланса между интересами общественной безопасности и защитой фундаментальных прав человека.

Ключевым элементом экосистемы общественной безопасности в МВД остаются интеллектуальные камеры, которые распознают лица, предметы, выявляют оружие, задымление, скопления людей, а также проводят анализ по атрибутам (пол, возраст, маска, очки и т.д.). Также внедряются умные жетоны и очки, которые позволяют патрульным распознавать разыскиваемые лица и номера автомашин, состоящих на учете. Все данные автоматически передаются в центры оперативного управления и планшеты сотрудников. На перекрестках устанавливается система «умный пешеходный переход», фиксирующая нарушения как со стороны водителей, так и пешеходов. Информация поступает на планшет патрульного для дальнейших действий. Апробируются беспилотные летательные аппараты, применяемые на объездных трассах и в городской среде. Они фиксируют нарушения ПДД, отслеживают транспортные потоки и выявляют подозрительные автомобили. Отдельное направление - дроны с газоанализаторами, способные обнаруживать пары синтетических наркотиков. Создана единая цифровая платформа «ТОР», объединяющая все дорожные камеры и интеллектуальные системы. Платформа позволяет отслеживать движение транспорта, находить автомобили по ориентировкам, выявлять агрессивное вождение и формировать «тепловые карты» аварийности.

Кроме того, служебные автомобили патрульной полиции оснащаются мобильными комплексами фиксации нарушений правил дорожного движения, работающими в движении. МВД предоставляет 55 видов государственных услуг, из которых 43 доступны в электронном формате. 10 наиболее востребованных услуг, включая регистрацию по месту жительства, замену удостоверений личности и водительских прав, доступны в мобильных приложениях. Разработан и внедрен сервис «Заң

мен Тәртіп», позволяющий гражданам направлять фото- и видеоматериалы в полицию через приложения eGov Mobile. Впервые внедряется система цифрового контроля за пребыванием иностранных граждан с использованием биометрии, геолокации и обогащения данных из межведомственных баз. Подготовлена законодательная база, усиливающая миграционный порядок без избыточной административной нагрузки. С помощью цифровых решений раскрывается 56% уголовных и 66% административных правонарушений. Также современные технологии способствуют снижению уровня преступности: в 2025 году количество преступлений сократилось более чем на пять тысяч [17].

Зарубежный опыт показывает, что правоохранительные органы все чаще начинают переходить от профилактики к прогнозированию и предупреждению преступности. В исследовании определены основные тенденции, проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность. Обращается внимание на многочисленные примеры успешного внедрения искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов США, Великобритании, Израиля, Франции, Испании и других стран. Утверждается, что использование искусственного интеллекта и машинного обучения в правоохранительных органах вызывает определенные опасения. По мере развития этих технологий чрезвычайно важно признавать их потенциальные выгоды и проблемы и использовать их таким образом, чтобы уважать конституционные права и дополнять процессы принятия решений человеком.

Алгоритмы искусственного интеллекта могут анализировать видео, изображения и аудиофайлы для идентификации людей, оружия, потенциальной детской порнографии и ряда других объектов и преступного поведения. Видеоанализ традиционно был трудоемкой задачей для правоохранительных органов. Однако инструменты видеоанализа на основе ИИ могут быстро разбирать видеоконтент, позволяя правоохранительным органам эффективно обрабатывать большие объемы данных. В различных местах правоохранительные органы изучили использование видеоанализа на основе искусственного интеллекта для таких задач, как наблюдение, обнаружение преступлений и сбор доказательств. Дорожные камеры с поддержкой компьютерного зрения могут идентифицировать украденные транспортные средства, обеспечивать соблюдение ограничений скорости, красные огни, использование ремней безопасности и многое другое. Например, Департамент полиции Нью-Йорка (NYPD) тестирует и внедряет передовые технологии, в том числе видеоаналитику на основе искусственного интеллекта, для обеспечения общественной безопасности и предотвращения преступности. Чтобы улучшить свою способность контролировать общественные пространства, столичная полицейская служба в Лондоне экспериментирует с технологиями искусственного интеллекта, включая видеоаналитику.

Казахстан может адаптировать этот опыт, сосредоточив внимание на локальных особенностях - многонациональности общества, протяженности территории, распределенности сетей передачи данных и необходимости обеспечения баланса между цифровыми инновациями и защитой персональной информации.

Ключевым преимуществом видеоаналитики с улучшенным искусственным интеллектом является ее способность обнаруживать важные детали, которые могут быть упущены сотрудниками правоохранительных органов. Эти инструменты в значительной степени способствуют глубине и точности исследований, от идентификации объектов и отдельных лиц до выявления аномалий в поведении. Системы распознавания лиц на основе искусственного интеллекта были объявлены в этом отношении в качестве смены правил игры, что позволит правоохранительным органам за считанные мгновения давать перекрестные ссылки на тысячи изображений. Эта технология, хотя и многообещающая, несомненно, включает опасения по поводу конфиденциальности данных, точности и потенциальной предвзятости. Использование фактического признания может быть весьма спорным, особенно в ситуациях, когда люди не знают, что они подвергаются обследованию, что приводит к дебатам о гражданских свободах и этическом использовании таких систем.

Несмотря на эти проблемы, полезность наблюдения на основе искусственного интеллекта неоспорима в решении случаев быстрого выявления подозреваемых, чем традиционные методы. Радикальным изменением в уголовных расследованиях стало внедрение технологии распознавания лиц на основе искусственного интеллекта. Технология распознавания лиц позволит правоохранительным органам мгновенно идентифицировать людей, сопоставляя каналы прямой трансляции или фотографии с базами данных, содержащими изображения известных преступников, жертв или пропавших без вести.

Важно отметить, что правоохранительные органы не могут зависеть исключительно от результатов распознавания лица как единственного средства расследования. Хотя технология распознавания лиц способствует более быстрой и эффективной идентификации людей, она одновременно создает существенные проблемы с конфиденциальностью, особенно в отношении рисков повсеместного массового наблюдения, алгоритмических и ошибочных идентификаций.

Благодаря этим данным ИИ потенциально может сократить время между совершением преступлений и вынесением обвинительных приговоров, а также может использоваться для лучшего понимания поведения и цепочек событий, ведущих к преступлениям. Это дает полиции преимущество в принятии мер, которые могут блокировать эти пути. Однако, несмотря на множество потенциальных преимуществ ИИ, существует широкая общественная обеспокоенность по поводу того, насколько этично полиция может использовать эту технологию. В

стремлении к построению и поддержанию доверия между полицией и обслуживаемым ею населением крайне важно в полной мере понимать и учитывать эту проблему при разработке и внедрении любых возможностей искусственного интеллекта.

Цифровая трансформация деятельности органов внутренних дел, наряду с очевидными преимуществами, сопровождается рядом системных вызовов, требующих комплексного и научно обоснованного подхода к их преодолению. Эффективное управление данными рисками является необходимым условием устойчивого развития цифровых и интеллектуальных технологий в правоохранительной сфере.

Одним из приоритетных направлений является формирование многоуровневой системы защиты персональных данных граждан. Это предполагает совершенствование механизмов правового регулирования обработки данных, внедрение сертифицированных средств криптографической защиты информации, а также развитие национальной цифровой инфраструктуры хранения и обработки данных. В условиях цифровизации особое значение приобретает концепция цифрового суверенитета, предполагающая минимизацию зависимости от внешних технологических платформ и контроль над критически важными информационными ресурсами государства.

Использование технологий искусственного интеллекта в процедурах следствия и дознания требует четкого нормативно-правового закрепления пределов и условий их применения. Перспективным направлением является разработка специальных правовых режимов, определяющих статус ИИ как вспомогательного инструмента принятия решений, при обязательном сохранении ведущей роли должностного лица. Это позволит обеспечить соблюдение принципов законности, обоснованности и ответственности в правоохранительной деятельности.

Успешная цифровизация невозможна без системной подготовки кадров. Необходимо внедрение непрерывных образовательных программ, направленных на формирование цифровых, аналитических и междисциплинарных компетенций сотрудников органов внутренних дел. Особое внимание должно уделяться развитию критического понимания возможностей и ограничений интеллектуальных систем, что снижает риски некорректного или формального использования цифровых решений.

Цифровизация органов внутренних дел Республики Казахстан - это часть глобального перехода к новому типу государства, где технологии становятся основой обеспечения безопасности, доверия и эффективности. Искусственный интеллект при грамотном внедрении способен не только модернизировать службы правопорядка, но и повысить уровень общественной безопасности, снизить коррупционные риски и укрепить права человека. Сбалансированное развитие цифровых инструментов, правового регулирования и кадрового потенциала

определит успех Казахстана на пути построения инновационной, безопасной и справедливой цифровой среды.

Список использованной литературы

1.Об объявлении Года цифровизации и искусственного интеллекта // Официальный сайт Президента Республики Казахстан // https://www.akorda.kz/ru/ob-obyavlenii-goda-cifrovizacii-i-iskusstvennogo-intellekta-601222.

2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы». [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592.

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 июня 2025 года № 431 «Об утверждении Программы действий Правительства Республики Казахстан по достижению целей Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года на 2025 - 2026 годы» // [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000431.

4.Artificial intelligence. Cambridge Dictionary. // https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/artificial-intelligence#google_vignette.

5.**Аристотель.** Аналитики / пер. с древнегреч. - М.: Мысль, 1978. - 328 с.

6.**Рене Декарт.** Рассуждение о методе / пер. с фр. - М.: Наука, 1989. 192 с.

7. **Charles Babbage.** Passages from the Life of a Philosopher. - London: Longman, Green, Longman, Roberts & Green, 1864. - 496 p.

8. **Alan Turing.** On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society. - 1936. - Ser. 2. - Vol. 42.

9. **Alan Turing.** Computing Machinery and Intelligence // Mind. - 1950. Vol. 59, № 236.

10. **McCarthy, J.A** Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence / J. McCarthy, M.L. Minsky, N. Rochester, C.E. Shannon. Hanover, NH: Dartmouth College, 1955. // http://imc.stanford.edu/articles/ dartmouth/dartmouth.pdf:

11. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.). [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Республики Казахстан «Параграф». - Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=1005029;

12. Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2026 г.). [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Республики Казахстан «Параграф». - Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31396226;

13. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.01.2026 г.). [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Республики Казахстан «Параграф». - Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=33885902;

14. **Бачило И.Л.** Информационное право: учебник для вузов / **И.Л. Бачило**. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2011. - 454 с.

15. **Городов О.А.** Информационное право: учебник / **О.А. Городов.** - М.: Проспект, 2009. - 256с.

16. **Талапина Э.В.** Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. - 2018. - № 2. - С. 5–17.

17. От профилактики к цифровой трансформации: в МВД подведены итоги работы за 2025 год и определены приоритеты на предстоящий период. 10 января 2026 года // [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних // дел Республики Казахстан. - Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1139163?lang=ru.

Сведения об авторах

Сайтбеков Айдар Мұтәлікұлы *— Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрінің орынбасары, саясат ғылымдарының докторы, заң ғылымдарының кандидаты, профессор, полиция генерал-майоры;*

Сайтбеков Айдар Муталикович *— Заместитель Министра Внутренних Дел Республики Казахстан, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, генерал-майор полиции;*

Saitbekov Aidar Mutalikovich — *Deputy Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Political Science, PhD in Law, Professor, Police Major General. E-mail:Kense@mvd.gov.kz.*

Абеуов Дулат Алиасқарұлы — *Басқару кадрларын даярлау факультетінің бастығы, философия докторы (PhD), полиция полковнигі (Қазақстан еспубликасы ІІМ басқару академиясы;*

Әбеуов Дулат Алиаскарович — *Академияның, Қазақстан Республикасы ІІМ басқармасының басшы құрамын даярлау факультетінің бастығы, PhD, қауымдастырылған профессор;*

Abeuov Dulat Alyaskarovich — *Head of the Faculty of Leadership Training of the Academy, Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate professor. E-mail:dulatabeuov@mail.ru.*

УДК 34.343., МРНТИ 10.71.01

АМИРХАНОВ Б.К.
Управление комитета по противодействию наркопреступности МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ И ПРЕСЕЧЕНИЮ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается комплексный план борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2026–2028 годы, а также связанные с ним законодательные реформы. Основное направление направлено на усиление профилактики через административные меры и введение строгих наказаний против организованных преступных групп. В качестве новшеств вводятся новые виды ответственности за такие преступления, как «Спайкинг», дропперство и оборот синтетических веществ. Реформа позволяет оптимизировать нагрузку на правоохранительные органы, усилить профилактические меры, защитить детей и общественную безопасность, а также привлечь гражданское общество.

Ключевые слова: *наркомания, наркобизнес, законодательные реформы по наркотикам, спайкинг, дропперство, синтетические наркотики, профилактика правонарушений, общественная безопасность, гражданское общество, противодействие незаконному обороту наркотиков, правовое регулирование.*

Қазақстан Республикасында есірткі қылмыстарының алдын алу мен жолын кесуге кешенді көзқарас: заңнамалық және практикалық аспектілер

Мақалада Қазақстан Республикасында 2026–2028 жылдарға арналған нашақорлыққа және есірткі бизнесіне қарсы күрес кешенді жоспар және оған байланысты заңнамалық реформалар қарастырылады. Негізгі бағыт әкімшілік шаралар арқылы профилактиканы күшейтуге, ал ұйымдасқан қылмыстық топтарға қарсы қатаң жазаларды енгізуге бағытталған. Жаңашылдық ретінде «Спайкинг», дропперство және синтетикалық заттар айналымына қатысты қылмыстарға жаңа жауапкершілік түрлері енгізіледі.

Реформа құқық қорғау органдарының жүктемесін оңтайландырып, алдын алу шараларын күшейту, балалар мен қоғамның қауіпсіздігін қорғау, азаматтық қоғамды қатыстыруға мүмкіндік береді.

Кілтті сөздер: *нашақорлық, есірткі бизнесі, есірткі бойынша заңнамалық реформалар, спайкинг, дроппершілік, синтетикалық есірткілер, құқық бұзушылықтың алдын алу, қоғамдық қауіпсіздік, азаматтық қоғам, есірткінің заңсыз айналымына қарсы іс-қимыл, құқықтық реттеу.*

Comprehensive approach to prevention and control of drug crimes in the republic of kazakhstan: legislative and practical aspects

The article examines the comprehensive plan to combat drug addiction and the drug trade in the Republic of Kazakhstan for 2026–2028, as well as the related legislative reforms. The main focus is on strengthening prevention through administrative measures and imposing strict penalties on organized criminal groups. Innovations include the introduction of new forms of liability for crimes such as «spiking» droppership, and the circulation of synthetic substances. The reform aims to optimize the workload of law enforcement agencies, enhance preventive measures, protect children and public safety, and involve civil society. Overall, the article addresses current pressing issues.

Key words: *drug addiction, drug business, legislative reforms on drugs, spiking, droppery, synthetic drugs, crime prevention, public safety, civil society, countering drug trafficking, legal regulation.*

Введение

В соответствии с поручением Главы государства Касым-Жомарт Токаева, Министерством внутренних дел Республики Казахстан во взаимодействии с государственными органами и акиматами разработан и утвержден Комплексный план по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2026–2028 годы *(Постановление Правительства №1117 от 19 декабря 2025 года)* [1].

Проведенный в рамках подготовки документа анализ правоприменительной практики, а также обобщение предложений заинтересованных государственных органов обусловили необходимость инициирования ряда законодательных поправок, направленных на совершенствование уголовной и административной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и профилактики наркопотребления.

Постановка проблемы

Ключевым направлением предлагаемых изменений является декриминализация частей первой и второй статьи 296 Уголовного кодекса Республики Казахстан, предусматривающих ответственность за незаконное обращение с наркотическими средствами и психотропными

веществами без цели сбыта. Действующая редакция уголовно-правовой нормы охватывает преимущественно деяния потребительского характера, совершаемые, как правило, наркозависимыми лицами, не связанными с организованными формами наркобизнеса. При этом совершение иных преступлений в состоянии наркотического опьянения подлежит самостоятельной квалификации по соответствующим составам и требует комплексных мер предупреждения.

В этой связи обоснованным представляется смещение акцента с уголовно-правового преследования потребителей на применение административных механизмов воздействия, обеспечивающих оперативность реагирования, неизбежность ответственности и обязательность профилактических и лечебных мер.

Основная часть

Предлагаемая декриминализация не означает ослабления государственной политики в сфере противодействия наркотизации населения, а направлена на повышение ее эффективности. Административная модель позволяет обеспечить более простую и быструю фиксацию правонарушения, реализацию принципа неотвратимости наказания и достижение превентивного эффекта без проведения длительного досудебного расследования.

Результаты правоприменительной практики свидетельствуют о ее результативности: с марта 2025 года по статье 440-1 Кодекса об административных правонарушениях («Немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также сильнодействующих веществ») выявлено свыше шести тысяч правонарушений, из которых около пяти тысяч рассмотрены судами, а почти три тысячи лиц подвергнуты административному аресту.

Кроме того, применение административного ареста по данной статье до получения заключения экспертизы оказывает положительное влияние на эффективность розыскных мероприятий и проведение оперативно-разыскных мероприятий в условиях специальных приемников.

В то же время из 4,2 тысячи зарегистрированных уголовных проступков по части первой статьи 296 УК до суда доведено лишь 11 дел (менее 1%), а по части второй из 2 975 производств прекращено 2 068, что составляет порядка 70%. Указанные показатели демонстрируют низкую процессуальную эффективность уголовного преследования при значительных затратах ресурсов.

Дополнительным аргументом в пользу реформирования выступает избыточная нагрузка на органы уголовного преследования, обусловленная необходимостью проведения полного комплекса следственных действий (допросов, очных ставок, участия защитника), назначения судебно-химических и наркологических экспертиз при отсутствии санкций, связанных с лишением свободы или обязательным лечением.

Перевод соответствующих деяний в административную плоскость позволит рационализировать использование сил следственно-оперативных групп и сосредоточить их деятельность на выявлении и пресечении организованных форм наркобизнеса.

Одновременно предлагается усиление уголовно-правовой защиты личности посредством введения самостоятельной нормы, устанавливающей ответственность за так называемый «спайкинг» – умышленное скрытое введение наркотических или психотропных веществ в организм человека без его согласия, в том числе путем подмешивания в напитки или пищу. Указанное деяние посягает на здоровье, телесную неприкосновенность и свободу воли человека и нередко выступает способом совершения иных тяжких преступлений.

В целях адекватной квалификации и отражения повышенной общественной опасности предлагается дополнить Уголовный кодекс новой статьей 299-2, предусматривающей ответственность за незаконное введение наркотических средств или психотропных веществ без согласия потерпевшего, а также установить квалифицированные составы в случае совершения деяния в отношении несовершеннолетнего, двух и более лиц, группой лиц по предварительному сговору, либо при причинении вреда здоровью или наступлении смерти [2].

Комплекс предлагаемых мер включает и усиление административной ответственности родителей и иных законных представителей несовершеннолетних путем внесения дополнений в статью 127 Кодекса об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и контролю, повлекшее совершение несовершеннолетним преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Данная мера направлена на повышение уровня профилактики и укрепление института родительской ответственности, не подменяя принцип личной уголовной ответственности несовершеннолетнего.

Отдельное внимание уделяется формированию правовых оснований и порядка поощрения граждан, оказывающих содействие в противодействии наркопреступности.

Предлагается закрепить соответствующие основания в профильном законопроекте с последующим утверждением порядка их реализации постановлением Правительства по аналогии с механизмами, предусмотренными законодательством о противодействии коррупции. Такая модель позволит институционализировать участие общества в выявлении производителей и организаторов наркобизнеса и повысить уровень доверия к правоохранительной системе.

Кроме того, в рамках пункта 23 Комплексного плана предусматривается внедрение наркологического скрининга среди военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов с разработкой порядка и методики его проведения в специализированных наркологических центрах.

Основным разработчиком соответствующих изменений определено Министерство внутренних дел. Реализация данного направления призвана сформировать единый нормативный механизм профилактического контроля и минимизировать риски вовлечения сотрудников силовых структур в незаконный оборот наркотиков.

В совокупности предлагаемые законодательные поправки ориентированы на оптимизацию нагрузки на органы уголовного преследования, повышение профилактического эффекта государственной политики, формирование единого подхода к квалификации новых форм наркопреступности, усиление защиты несовершеннолетних и расширение участия гражданского общества в противодействии наркобизнесу.

Системная реализация данных мер позволит обеспечить справедливую дифференциацию ответственности и сконцентрировать ресурсы государства на пресечении наиболее опасных и организованных форм наркопреступности в Республике Казахстан.

Выводы

Важным направлением модернизации государственной антинаркотической политики является последовательная реализация Министерством внутренних дел комплекса законодательных инициатив, ориентированных на дифференциацию ответственности, усиление уголовно-правового воздействия на организованные формы наркобизнеса и внедрение новых механизмов превенции.

В рамках реформирования уголовного законодательства проведена дифференциация ответственности в отношении лиц, впервые осужденных за наркопреступления, что позволило гуманизировать правоприменительную практику и обеспечить индивидуализацию наказания; в 2025 году в результате принятых мер освобождено 1 832 лица. Одновременно ужесточена ответственность для организаторов наркобизнеса, производителей наркотических средств и должностных лиц, вовлеченных в незаконный оборот, вплоть до пожизненного лишения свободы (статья 297-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан), при установлении прогрессивной шкалы санкций в зависимости от квалифицирующих признаков и степени общественной опасности деяния.

Существенным нововведением стало введение самостоятельной административной ответственности за немедицинское потребление наркотических средств (статья 440-1 Кодекса об административных правонарушениях), что позволило обеспечить оперативное реагирование и расширить охват профилактическими мерами [3]. Так, с начала 2025 года к ответственности привлечено 6 209 правонарушителей.

В целях противодействия финансовой инфраструктуре наркобизнеса с 16 сентября 2025 года установлена уголовная ответственность за так называемое «дропперство» (статья 232-1 УК), под которым понимается незаконное предоставление, передача либо приобретение доступа к банковскому счету, а также осуществление

незаконных платежей и переводов денежных средств, в том числе в интересах третьих лиц, за материальное вознаграждение.

Дополнительно с 1 января 2026 года введена уголовная ответственность за незаконный оборот сильнодействующих веществ и прекурсоров, используемых при изготовлении синтетических наркотиков, что отражает необходимость реагирования на трансформацию наркорынка и рост доли синтетических психоактивных веществ.

Динамика изъятий синтетических наркотиков подтверждает актуальность принятых мер: при отсутствии изъятий в 2019 году их объем составил 106 кг в 2020 году, 143 кг в 2021 году, 231 кг в 2022 году, 382 кг в 2023 году, 546 кг в 2024 году и достиг 1,2 тонны в 2025 году [4]. В 2025 году ликвидировано 13 нарколаборатории по производству синтетики. В целом по оценке межународных экспертов производство синтетики смещены в соседние страны (Узбекистан), но очаги производства сохраняются. Указанные показатели свидетельствуют о нарастающей угрозе со стороны преступных групп в сфере производства и распространения синтетических веществ и одновременно демонстрируют повышение результативности правоохранительных органов.

В совокупности реализованные законодательные инициативы формируют системную модель противодействия незаконному обороту наркотиков, сочетающую гуманизацию в отношении потребителей и ужесточение ответственности для организаторов и иных ключевых субъектов наркобизнеса.

Список использованной литературы

1. Постановление Правительства Республики Казахстан №1117 от 19 декабря 2025 г. «О Комплексном плане по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2026–2028 годы».
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (с изменениями на 2025 г.) // Параграфы 296, 297-1, 299-2.
3. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК (с изменениями на 2025 г.) // Ст. 127, 440-1.
4. Аналитический обзор Комплексного плана по борьбе с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2023-2025 годы).

Сведения об авторах

Амирханов Бахытжан Кадирбекович *— начальник Управления КПН МВД Республики Казахстан, доктор PhD, полковник полиции;*

Амирханов Бахытжан Кадирбекович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Есірткі қылмысына қарсы іс-қимыл комитеті басқармасының бастығы, PhD докторы, полиция полковнигі;*

Amirkhanov Bakhytzhan Kadirbekovich *— Head of the Department of the CCD of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD in Law, police colonel.*

КОМПАРАТИВТІК ҚҰҚЫҚТАНУ

КОМПАРАТИВНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

УДК 34.341., МРНТИ 10.87.41

АЛМАГАМБЕТОВА А.С.
Департамент по работе с личным составом
МВД Республики Казахстан
г.Астана, Казахстан

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ В ПОЛИЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассматриваются институциональная природа профсоюзов в системе полиции с опорой на зарубежный опыт. На основе мнений различных авторов определено место и значение профессиональных союзов как одного из социальных институтов общества. Определены ключевые признаки профсоюзных организаций. Выявлены основные функции профсоюзов Проанализированы теоретико-правовые подходы к определению профсоюзов как самостоятельного социально-правового института, а также выявлены особенности функционирования таких организаций в полицейских структурах США, Германии и России. Особое внимание уделено правовому регулированию, ограничениям и полномочиям профсоюзов в системе полиции. На основе сравнительно-правового анализа сделан вывод о существовании универсальных и национальных различий в институционализации профсоюзной деятельности в полиции.

Ключевые слова: *профсоюзы, полиция, международный опыт, право на объединение, правовая модель, социальная защита.*

Шет елдер полициясындағы кәсіподақтарды институционалдандыру

Мақалада шетелдік тәжірибеге сүйене отырып, полиция жүйесіндегі кәсіподақтардың институционалдық табиғаты қаралады. Әртүрлі авторлардың пікірлері негізінде қоғамның әлеуметтік институттарының бірі ретінде кәсіптік одақтардың орны мен маңызы айқындалды. Кәсіподақ ұйымдарының негізгі белгілері анықталды. Кәсіподақтардың негізгі функциялары анықталды, Кәсіподақтарды дербес әлеуметтік-құқықтық институт ретінде айқындаудың теориялық-құқықтық тәсілдері талданды, сондай-ақ мұндай ұйымдардың АҚШ, Германия және Ресейдің полиция құрылымдарында жұмыс істеу ерекшеліктері анықталды. Полиция жүйесіндегі

кәсіподақтардың құқықтық реттеуіне, шектеулері мен өкілеттіктеріне ерекше назар аударылды. Салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде полицияда кәсіподақ қызметін институционалдандыруда әмбебап және ұлттық айырмашылықтардың бар екендігі туралы қорытынды жасалды.

Кілтті сөздер: *кәсіподақтар, полиция, халықаралық тәжірибе, бірігу құқығы, құқықтық модель, әлеуметтік қорғау.*

The institutionalization of trade unions with in the police forces of foreign states

The article examines the institutional nature of trade unions within the police system, drawing upon comparative foreign experience. Based on the views of various scholars, the place and significance of trade unions as one of the fundamental social institutions of society are determined. The key characteristics of trade union organizations are identified, and their principal functions are defined.

The study analyzes theoretical and legal approaches to defining trade unions as an independent socio-legal institution, and identifies the specific features of their functioning within the police structures of the United States, Germany, and Russia. Particular attention is paid to the legal regulation, statutory limitations, and powers of trade unions within the police system.

On the basis of a comparative legal analysis, the author concludes that both universal patterns and nationally specific differences exist in the institutionalization of trade union activity within police organizations.

Keywords: *trade unions, police, international experience, freedom of association, legal model, social protection.*

Введение

Проводимая реформа правоохранительной системы Республики Казахстан в целом и органов внутренних дел в частности свидетельствует о необходимости всестороннего изучения зарубежного опыта абсолютно всех аспектов подвергающейся изменению деятельности, поскольку только комплексный подход позволит достичь существенных результатов, а не кратковременных изменений.

Своеобразным триггером современного этапа реформирования органов внутренних дел стало открытое недовольство, высказанное гражданским обществом в отношении существующего положения дел, и как следствие снижение уровня доверия граждан на фоне «закостенелой» системы управления и отсутствия стремления соответствовать актуальным запросам общества.

При этом, важно понимать, что качественные изменения системы невозможны без ее внутренней трансформации, в которой ключевую роль играет кадровый потенциал. Не следует забывать, что сотрудник полиции

является и полноправным гражданином государства, и представителем профессии, к которой и общество, и государство предъявляют повышенные требования.

Государство обязано сформировать механизм юридических, социальных гарантий защиты прав и интересов полицейских, позволяющий им эффективно осуществлять сложную, не редко сопряженную с рисками полицейскую деятельность.

Важнейшим элементом механизма защиты прав работников в современных государствах являются профессиональные союзы. При этом институциональный статус профсоюзов в полиции варьируется от страны к стране. В связи с этим представляется, что исследование деятельности полицейских профессиональных союзов, призванных защищать права сотрудников полиции в служебных отношениях, их социально-экономические интересы, а также вырабатывать меры по совершенствованию служебной деятельности, является в настоящее время весьма актуальным.

Основная часть

В первую очередь профсоюзы следует рассматривать как социальный институт. Поэтому, прежде чем говорить об институциональной сущности профсоюзов, необходимо обратиться к этому понятию. Отсутствие понимания сути этого института не позволит полноценно анализировать и делать определенные выводы по тем или иным аспектам деятельности полицейских профсоюзов. Без этого понимания крайне сложно, а то и невозможно, понять сущность социальных отношений, а также явлений и процессов, составляющих общественную систему.

Применяя институциональный подход к исследованию общественных явлений Г. Спенсер в своей работе «Основные начала» отмечает, что «…общественная масса, первоначально однородная, дифференцируется на управляемую часть и управляющую часть…»[1]. В управляющей части он выделяет дифференциацию общества на «религиозный отдел и на светский отдел, на церковь и государство» [2]. Также значительную лепту во введение термина «социальный институт» в научный оборот внес немецкий философ и социолог К.Маркс. В письме к русскому литератору П.В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. К. Маркс отметил, что «общественные институты являются продуктами исторического развития» [3].

Достаточно развернутое определение социального института дал американский социолог и экономист Т. Веблен, который рассматривает социальную общность как производственный или экономический механизм, структура которого складывается из того, что называется социально-экономическими институтами [4]. Также он рассматривает институты как «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [5].

В функциональном ключе социальные институты рассматривал Э.Дюркгейм, который рассматривает разделение труда уже не только как социальный институт, имеющий свой источник в уме и воле людей, но как общебиологический факт, условия которого он предлагает искать в основных свойствах организованной материи [6].

Российский социолог С.С. Фролов предложил следующее определение социального института: социальный институт – это организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества [7]. В свою очередь, Глотов М.Б. под социальными институтами предлагает понимать формы организации общественной жизни людей, устанавливающиеся в процессе исторического развития с целью регулирования их социальных действий и социальных связей [8].

С учетом существующего множества определений понятия «социальный институт» в настоящей статье под социальными институтами предлагается понимать устойчивые, но исторически изменчивые формообразования, выступающие в качестве механизмов организации и управления представителями различных социальных общностей, а также социальные связи, возникающие в процессе их взаимодействия.

Исходя из сформированного понятия, профсоюзы представляются как один из социальных институтов, призванных организовывать и управлять специфическими процессами коллективной жизнедеятельности людей. Важно понимать, что область деятельности профсоюзов распространяется далеко за пределы решения конкретных проблем человека, занятого трудом. Как полноценный социальный институт, профсоюз выражает совокупность социальных интересов и ценностей различных трудовых групп. Кроме этого, профсоюзы выступают в роли организаторов диалога между различными социальными группами, а также между властью и обществом.

Согласно законодательству Республики Казахстан, профессиональный союз – это общественное объединение с фиксированным членством, добровольно создаваемое на основе общности трудовых, производственно-профессиональных интересов граждан Республики Казахстан для представительства и защиты трудовых и социально-экономических прав и интересов своих членов [9].

Исследование генезиса данного социального института, подтверждает, что родиной профсоюзов является Англия, где они впервые возникли в середине XVIII века в годы промышленной революции. В 1871 г. Парламентом был принят важнейший документ в истории трудового законодательства Великобритании – Закон о профсоюзах (The Trade Union Act 1871). В России профсоюзы возникли в период Первой русской революции 1905-1907 годов. При этом за исходный пункт принималось установление царем 4 марта 1906 г.

«Временных правил об обществах и союзах», согласно которым обществом считалось «соединение нескольких лиц, которые, не имея цели получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом – соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы и через посредство их уполномоченных» [10].

Профсоюзное движение Казахстана берет свои истоки с начала XX века и первой профсоюзной организацией официально признан созданный 6 декабря 1905 г. Союз рабочих Успенского медного рудника, который находился на территории нынешней Карагандинской области [11].

На глобальном уровне профсоюзы также находят свое развитие и профсоюзы разных стран объединяются в федерации с целью защиты прав и интересов, работающих через международное сотрудничество. Крупнейшим в мире профсоюзным объединением является Международная конфедерация профсоюзов, которая представляет 200 миллионов работников в 163 странах и имеет 332 национальных филиала [12]. В декабре 2019 г. в ходе IV конгресса Международной конфедерации профсоюзов членство Федерации профсоюзов Республики Казахстан было приостановлено по причине «полной утраты независимости». Однако, уже в ходе V конгресса Международной конфедерации профсоюзов членство было восстановлено, с акцентом на важность реализации законодательных реформ по обеспечению свободы объединений в стране [13]. Эти процессы свидетельствуют, что профсоюзы, имея четкую организованность, вызванную общественными потребностями; собственные назначение, цели и социально значимые функции; ценности и нормы; ресурсы и структуру, являются полноценными социальными институтами.

Таким образом под профсоюзами предлагается понимать добровольные объединения, выражающие совокупность социальных интересов трудовых групп путем организации и управления специфическими процессами коллективной жизнедеятельности людей, а также выстраивания диалога с властью и обществом, и играющие важную роль в социальной консолидации.

На сегодняшний день создание и функционирование профсоюзов полиции являются уже сложившейся мировой практикой. Но, как и любой другой социальный институт, полицейские профсоюзы прошли собственный долгий путь становления и развития.

Профессиональные организации полицейских в устойчивой форме начали создаваться в 40-50-х годах XX столетия в странах Западной Европы, Соединенных Штатах Америки и Канаде.

Непримиримым противником синдикализации государственных служащих выступил авторитетный социолог Э. Дюркгейм, предрекавший в 1908 г. полное разрушении той власти, которая разрешит защищать свои частные интересы тем, кто по долгу службы «имеет своей задачей

представление интересов общества» [14]. Тем не менее, различные формы объединений представителей государственной администрации получили значительное распространение в Европе уже в начале XX в., в том числе и в полицейской среде. До определенного времени значительные усилия полицейских ассоциаций были направлены на закрепление права профессиональных объединений в полиции. После окончания Первой мировой войны представители высшей власти все больше склонялись к необходимости законодательного регулирования сложившейся ситуации.

Так, в 1919 г. во Франции палата депутатов одобрила распространение норм закона о профсоюзах 1884 г. на государственных служащих, правда, исключая военных и полицейских [15], но этот процесс не был завершен. Властные структуры многих стран придерживались той же позиции, считая, что государственные служащие не должны объединяться в профессиональные союзы. Однако воздействие процессов демократизации общества, а также необходимость повышения правовой и социальной защищенности сотрудников полиции, все же привели к образованию полицейских профсоюзов.

Следует также учесть, что в течение более двух столетий полицейская деятельность в своем развитии прошла основные этапы профессионализации. В XX в. этот процесс становится предметом рефлексии со стороны полицейского сообщества. В 1930-е гг. Международная Ассоциация руководителей полиции (IACP) создала комитет по профессионализации полиции, который выработал критерии достижения полицией уровня «профессии»: «постоянно увеличивающаяся и обновляющаяся организованная совокупность знаний, базирующаяся на специальных методах; возможность и условия для формального обучения совокупности профессиональных знаний и процедур; применение квалификационных процедур для определения принадлежности к профессии и профессиональной идентификации; наличие организации, которая включает значительное число членов профессии, имеющих необходимую квалификацию для профессиональной деятельности, и оказывает влияние на поддержание профессиональных стандартов; моральный кодекс, который, в целом, определяет отношения членов профессионального сообщества друг к другу и к обществу» [16].

Во Франции право создавать профсоюзы было распространено на государственных служащих, в том числе и на сотрудников полиции в 1946 г. Закон от 19 октября 1946 г. (ст. 6) определивший положение государственных служащих, признал за ними право образования профсоюзов и определил порядок их регистрации. В 1948 г. были введены важнейшие ограничения для полицейских профсоюзов – им было запрещено принимать участие в забастовках. В этом же году был создан Независимый национальный синдикат полиции (SNIP-CRS). Через год – Национальный профсоюз полицейских в форме (SNPT). В начале

1950-х гг. появился новый профсоюз – FO Police. В 1969 г. ряд профсоюзов (SGP, SNIP, SNPT) объединились и создали Независимую федерацию полицейских профсоюзов (FASP). Каждый из профсоюзов, вступивших в федерацию, работал в своей географической нише: SGP – в столичном регионе, SNPT – в провинциальных городах, SNIP – в сельских районах Франции. В течение двадцати лет федерация имела огромное влияние, смогла добиться радикального улучшения условий труда полицейских. В 1980-е гг. ни одна реформа полиции не проводилась без поддержки FASP. Закон о модернизации полиции от 7 августа 1985 г. представлял собой практическое воплощение проекта FASP под название «Комиссариат 2000». FASP опубликовала «livre blanc» и представила свое видение реформы полиции. Реформы полиции 1995 г. и 2004 г. также широко заимствовали положения разработанной федерацией в 1990-е гг. концепции развития полиции [17].

Становление полицейских профсоюзов в Германии берет свое начало в 1919 г., когда в мае в Берлине была основана *Ассоциация немецких офицеров полиции Рейха. По прошествии нескольких этапов развития,* 14 сентября 1950 г. в Гамбурге был основан полицейский союз – Gewerkschaft der Polizei (GdP).

На сегодняшний день GdP является крупнейшим полицейским союзом в мире, объединяя порядка 200 тыс. членов [18]. В июне 1950 г. в Германии была основана Ассоциация немецких детективов, которая в 1983 г. преобразовалась в Bundesverband Deutscher detective (BDD) путем слияния ряда ассоциаций [19]. И, наконец, 18 августа 1951 г. был воссоздан распущенный в 1933 г. профсоюз, который в настоящее время называется Deutsche Polizeigewerkschaft (DPolG). Председатель профсоюза Р. Вендт в статье «70 лет DPolG: история успеха» отмечает, что на момент создания организации демократическому государству была необходима сильная профессиональная государственная служба и создание DPolG было серьезным стратегическим достижением [20].

В США значительную роль в более позднем образовании устойчивых полицейских профсоюзов сыграл запрет на их создание вследствие масштабных забастовок полицейских. На рубеже веков призывы к созданию профсоюзов полицейских были вызваны низкой оплатой и плохими условиями труда. И первая кампания полицейских профсоюзов завершилась после забастовки полиции Бостона в 1919 г [21]. В этом же году, Американская федерация труда открыла свое членство для полиции, выдав хартию полицейскому управлению Бостона [22]. Следующим этапом развития стал 1962 год, когда президент Кеннеди легализовал коллективные переговоры на федеральном уровне, дав возможность объединяться в профсоюзы, включая полицию на местном уровне. В 1964 г. мэр Нью-Йорка Р.Ф. Вагнер признал благотворительную ассоциацию патрульных полицейских в качестве профсоюза, после чего крупные города последовали примеру Нью-Йорка. К 1971 г. почти 75 % полицейских являлись членами организаций сотрудников полиции,

которые действовали в рамках таких организаций, как Братский полицейский орден, Международная конференция полицейских ассоциаций, Международное братство полицейских, Национальный союз полицейских и полицейские ассоциации, представляющие группы меньшинств в полицейской деятельности (например, афроамериканцев) [23].

В настоящее время крупнейшим полицейским союзом в Соединенных Штатах Америки, насчитывающим более 325 000 членов, является Fraternal Order of Police (FOP) [24]. Второй по величине является Национальная ассоциация полицейских организаций, насчитывающая около 236 000 членов.

Свой собственный, достаточно сложный, путь становления прошли и полицейские профсоюзы России.

В первые дни после прихода к власти в результате Октябрьской революции 1917 г. большевики столкнулись с резким ростом уголовной преступности, которая реально угрожала безопасности нового государства. Сложность и опасность милицейской службы, продолжительная длительность рабочего дня в подразделениях, зачастую превышающая 15 часов в сутки, остро поставили перед личным составом вопрос о необходимости создания специальной организации, которая бы отстаивала их законные права и интересы, заботилась о создании необходимых материально-бытовых условий для труда [25].

И такими организациями стали повсеместно создаваемые к началу 1918 г. профессиональные союзы, которые в достаточно короткий срок обрели реальную силу в органах милиции.

Вместе с тем, в течение длительного времени сотрудники милиции входили в профессиональный союз советских работников, поскольку Президиум Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) [26] считал нецелесообразным создание самостоятельного профсоюза милиции. Однако стабильный рост числа членов профсоюза из рядов милиции не позволял общегородским профсоюзным комитетам обеспечить их полный охват своим вниманием. Кроме того, положительному решению вопроса о целесообразности создании профсоюзных организаций работников милиции также способствовали следующие объективные обстоятельства.

Во-первых, это снятие по решению Совета народных комиссаров РСФСР в конце 1922 г. милиции и уголовного розыска с государственного финансирования и их перевода на содержание из средств местных бюджетов, что достаточно сильно ухудшило материальное обеспечение личного состава и, как следствие, привело к значительному некомплекту, снижению качественного состава и ухудшению оперативно-служебных показателей.

Во-вторых, это упразднение в июле 1923 г. института помощников начальников милиции по политической части и политруков, который так или иначе затрагивал в своей деятельности вопросы социальной защиты

личного состава.

К 1925 г. в профсоюзе состояло уже порядка 90 % личного состава органов милиции [27]. Поэтому, 8 июня 1926 г. Центральный комитет профессионального союза советских и торговых служащих СССР вынужден был изменить организационную структуру профсоюзных организаций работников милиции и разрешить создание в каждом районном отделении милиции, насчитывающем не менее 50 человек, местные комитеты профсоюзов, а в уездных (окружных) городах с меньшей численностью личного состава в подразделениях создавались общегородские месткомы [28].

Но та настойчивость, которую они проявляли в защите интересов личного состава, а нередко и отсутствие гибкости в подходе к решению сложных вопросов, вызывали серьезную озабоченность, а нередко и противодействие со стороны руководства милиции и НКВД РСФСР [29].

В тот исторический период, когда органам милиции была отведена роль одного из инструментов укрепления тоталитарного режима власти в стране, о демократических принципах деятельности милицейских профсоюзов не могло быть и речи. В связи с этим, прекращение в 1937 г. их существования видится вполне закономерным.

Позднее, в 1948 г., как профсоюзная организация центрального аппарата МВД (первое наименование – Объединенный комитет профсоюза работников госучреждений центра МВД СССР) была создана первичная профсоюзная организация МВД России, которая объединяла около 60 профорганизаций подразделений центрального аппарата министерства и подчиненных хозяйственных и медицинских учреждений. Ее численность достигала 13 тысяч человек [30].

Существовавшие на тот момент в системе органов внутренних дел профсоюзы, нельзя рассматривать как общественные объединения, так как они входили в систему ВЦСПС, являясь, по сути, еще одним «партийно-государственным» органом, не имевшим права принимать самостоятельные решения [31].

Ситуацию изменил принятый в 1990 г. Закон СССР «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности», которым закреплялся статус профессиональных союзов как добровольных общественных организаций, объединяющих трудящихся, связанных общими интересами по роду их деятельности как в производственной, так и в непроизводственной сферах, для защиты трудовых и социально-экономических прав и интересов своих членов [32].

После его принятия в системе МВД СССР появляются независимые профсоюзные организации, членами которых смогли стать и аттестованные сотрудники, имеющие специальные звания.

Принятый в марте 1991 г. Закон СССР «О советской милиции» закрепил право работников милиции на объединение в ассоциации для защиты своих профессиональных, трудовых, социально-экономических прав и интересов [33]. В апреле 1991 г. уже Законом Российской

Федерации «О милиции» было закреплено право сотрудников милиции на объединение в профессиональные союзы (ассоциации) в целях защиты своих профессиональных, социально-экономических и иных прав и интересов [34].

Также право сотрудников полиции (милиции) на объединение в профессиональные союзы для защиты своих прав и интересов было регламентировано отраслевым законодательством ряда стран постсоветского пространства. По состоянию на 1990-1991 г.г. такие нормы были включены в законы о полиции (милиции) Республики Беларусь, Республики Молдова, Украины, Литовской Республики и Эстонской Республики [35].

На современном этапе подавляющее большинство профорганизаций органов внутренних дел входит в Общероссийский профсоюз работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации. Они действуют почти во всех субъектах Российской Федерации и объединяют свыше 50 тысяч членов [36].

Однако практика создания профессиональных союзов сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации не получила широкого распространения. Отчасти это обусловлено тем, что большинство сотрудников полиции, как членов профсоюзов, так и тех, кто не является ими, оценивают влияние профсоюзов в деятельности органов внутренних дел как незначительное или вовсе отсутствующее. Отсутствуют массовые позитивные примеры, практики принципиального и последовательного отстаивания интересов полицейских, которые воспринимались бы не как случайность, а как закономерность. Нельзя говорить и о том, что действующие профессиональные союзы сотрудников полиции полностью независимы от влияния уполномоченных руководителей органов исполнительной власти в сфере внутренних дел [37].

Развитие полицейских профсоюзов естественным образом привело к осознанию важности выстраивания взаимодействия не только в рамках одной страны, но и за ее пределами.

Проводимые встречи полицейских ассоциаций свидетельствовали о том, что их общие вопросы были гораздо ближе, чем расстояния, которые их разделяли. Абсолютное большинство из них, несмотря на национальную специфику, выполняют идентичные функции и задачи.

В рассматриваемых в работе странах профсоюзы также вышли на международный уровень сотрудничества.

Так, профсоюз полицейских Германии GdP до 31 декабря 2015 г. был представлен в международной ассоциации полицейских союзов EuroCOP. Позднее, 21 апреля 2016 г. офис GdP был открыт в Брюсселе с целью совместного обсуждения вопросов европейской политики безопасности и вопросы повседневной работы полицейских [38].

Deutsche Polizeigewerkschaft (DPolG) является членом Европейского полицейского союза (EPU), объединяющего полицейские союзы и

профессиональные ассоциации полицейских со всей Европы.

Bundesverband Deutscher detective (BDD), является одним из основателей Международной комиссии детективных ассоциаций (IKD), созданной в 1963 г.

Крупнейший полицейский союз Соединенных Штатов Fraternal Order of Police (FOP) является членом Международного совета ассоциаций представителей полиции ICPRA, созданного с целью объединения профсоюзов национальных полицейских для обсуждения проблемных вопросов, обмена информацией и укрепления отношений между национальными ассоциациями [39].

Профсоюзы полиции России пока не являются членами международных профсоюзных организаций, но работа по выстраиванию конструктивного сотрудничества ведется. Так, в марте 2018 г. подписано соглашение о взаимном сотрудничестве между Региональным профсоюзом сотрудников и ветеранов правоохранительных и силовых структур России и Синдикатом работников внутренних дел Сербской Республики.

Заключение

Как показывает история профсоюзов полицейских в зарубежных государствах, на заре своего становления они стали своеобразной реакцией на проблему расширения прав и свобод человека, создаваемые путем отстаивания в общественных дискуссиях идеи о наличии у полицейских частных интересов и права их защиты, зачастую вопреки мнению властных структур о том, что государственные служащие не должны объединяться в профессиональные союзы.

Полиция как особый вид государственной службы всегда являлась важнейшим инструментом государственной власти, наделенным правом легитимного насилия. В связи с чем в качестве основного препятствия легализации полицейских профсоюзов можно отметить неустранимость политического характера полицейской деятельности. Свидетельством этого является то, что в разные периоды своего развития полицейские профсоюзы оказывались под серьезным политическим влиянием, выступая в качестве инструмента властей для решения своих интересов. Также деятельность профсоюзов попадала под влияние руководства полиции, что отчасти может быть объяснено спецификой службы и существующей системой строгой подчиненности в полицейских органах. И эта проблема до настоящего времени не решена в полной мере, поскольку все еще встречается в ряде случаев. Вместе с тем, полицейские профсоюзы, став в свое время историческим «продуктом» процессов демократизации, в современных условиях превратились в реальную политическую силу общества.

Список использованной литературы

1.**Спенсер Г.** Общие начала. СПб., 1897. С. 289.
2. Там же. С. 289.
3.**Маркс П.В.** Анненкову в Париж. Брюссель, 28 декабря 1846 г. [Электронный ресурс].Режим доступа: http://philos-ucheb.narod.ru/dialektika/Engels/401-412.htm___(дата обращения: 28.02.2022).
4.**Веблен Т.** Теория праздного класса. М., 1984. С. 204.
5.Там же. С. 201.
6.**Дюркгейм Э.О** разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 48.
7.**Фролов С.С.** Общая социология: учебник. М.: Проспект, 2011. С. 159.
8.**Глотов М.Б.** Художественная культура как система социальных институтов. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1975. С. 8.
9.Закон Республики Казахстан от 27.06.2014 № 211-V ЗРК «О профессиональных союзах». ИПС «Әділет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000211 (дата обращения: 03.03.2022).
10.Сошникова Т.А. Пути повышения роли профессиональных союзов в современной России. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mopo.lukoil.ru/i/upload_img/files/a/4/0_bd1df39571ed90a8fe1199d04941ef4a.pdf (дата обращения: 08.10.2022);
11.Сайт Республиканского объединения профсоюзов «Федерация профсоюзов Республики Казахстан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kasipodaq.kz/about/%d0%b8%d1%81%d1%82%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%8f/(дата обращения: 05.06.2022);
12.Сайт Международной конфедерации профсоюзов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ituc-csi.org/+-about-us-+.html?lang=en (дата обращения: 11.06.2022)
13.Сайт Республиканского объединения профсоюзов «Федерация профсоюзов Республики Казахстан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kasipodaq.kz/2022/11/18/kazpravda-kz-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE-%D1%87%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/ (дата обращения: 16.09.2025);
14.**Андреева И.А.** Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII – начало XXI вв.): дисс. … докт. юрид. наук. Омск, 2015. С. 187.
15.**Андреева И.А.** Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII – начало XXI вв.): дисс. … докт. юрид. наук. Омск, 2015. С. 188.
16.Berg B. L. Policing in modern society. Gulf Professional Publishing, 1999. P. 414.;
17.**Андреева И.А.** Указ. соч.:
18.Сайт Gewerkschaft der Polizei [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gdp.de/gdp/gdp.nsf/id/DE Wir-ueber-uns (дата обращения: 04.07.2022);
19.Сайт Bundesverband Deutscher detective [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bdd.de/service_bdd.php (дата обращения: 21.07.2022);
20.70 Jahre DPolG: eine Erfolgsgeschichte», Berlin und Bonn. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dpolg.de/fileadmin/user_upload/www_dpolg_de/pdf/ueber_uns/BS-Sonderteil_70_Jahre_DPolG.pdf (дата обращения: 04.07.2022);
21.About the 1919 Boston Police Strike. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bpstrike1919.org/about-the-1919-boston-police-strike/ (дата обращения: 13.06.2022);
22.**Morabito M.** American Police Unions: A Hindrance or Help to Innovation? International Journal of Public Administration. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/265172938_American_Police_Unions_A_Hindrance_or_Help_to_Innovation (дата обращения: 15.06.2022);
23.**DeCarlo J., Jenkins M.J.** Labor Unions, Management Innovation and Organizational Change in Police Departments. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://libgen.is/search.php?req=police+unions&open=0&res=25&view=simple&phrase=1&column=def (дата обращения: 13.07.2022);
24.**Morabito M.** American Police Unions: A Hindrance or Help to Innovation? International Journal of Public Administration. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.researchgate.net/publication/265172938_American_Police_Unions_A_Hindrance_or_Help_to_Innovation (дата обращения 15.06.2022);
25.**Маюров Н.П.** Профессиональные союзы сотрудников рабоче-крестьянской милиции, 1918-1937 гг.: автореф. дисс. … кандид. юрид. наук. СПб, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cheloveknauka.com/professionalnye-soyuzy-sotrudnikov-raboche-krestyanskoy-militsii-1918-1937-gg (дата обращения: 05.06.2022);
26.Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов – центральный орган профессиональных союзов, осуществлявший руководство деятельностью всех профсоюзных организаций в Советском Союзе с 1918 по 1990 годы;
27.**Маюров Н.П.** Указ. соч.
28.**Там же.**
29.**Там же.**
30.Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/profsojuz/Istorija (дата обращения: 05.06.2022);
31.**Кудрин А.С.** О формировании профессиональных союзов в органах внутренних дел России: некоторые исторические аспекты. Вестник Прикамского социального института. Вып. 2, 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-professionalnyh-soyuzov-v-organah-vnutrennih-del-rossii-nekotorye-istoricheskie-aspekty?ysclid=l5luvmrkuu157689551 (дата обращения 18.06.2022);
32.Закон СССР от 10.12.1990 № 1818-1 «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности». Документ утратил силу. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2665/528d58d99c949e7cebf93c53195f0c45ae50e683/ (дата обращения: 18.06.2022);
33.Закон СССР от 06.03.1991 №2001-I «О советской милиции». Портал ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/6336530/a7b26eafd8fd23d18ca4410ac5359e0e/ (дата обращения: 20.09.2022);
34.Закон Российской Федерации от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции». КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/00d0a62aa2355a4e42d1c2509fb2c7c6b9b81f27/ (дата обращения: 20.09.2022);
35.Закон Республики Беларусь от 26.02.1991 №637-XII «О милиции». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1482.htm; Закон Республики Молдова от 18.12.1990 №416-XII «О полиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3354; Закон Украины от 20.12.1990 №565-XII «О милиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=20922; Закон Литовской Республики от 11.12.1990 №I-851 «О полиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.281866?jfwid=6ar7ph6h0; Закон Эстонской Республики от 20.09.1990 «О полиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.riigiteataja.ee/akt/30474 (дата обращения: 21.09.22);
36.Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/profsojuz (дата обращения 16.06.2022);
37.**Нефедов А.В.** Правовые основы создания профсоюзов сотрудников полиции; перспективы развития профсоюзов в системе МВД России. **Вестник Московского университета МВД России. Вып. 1, 2016.** [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-sozdaniya-profsoyuzov-sotrudnikov-politsii-perspektivy-razvitiya-profsoyuzov-v-sisteme-mvd-rossii/viewer (дата обращения: 16.07.22);
38.Сайт Gewerkschaft der Polizei. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gdp.de/gdp/gdp.nsf/id/DE_GdP-Europa-Buero-in-Bruessel (дата обращения: 10.07.2022);
39.Сайт International Council of Police Representative Associations. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://icpra.org/ (дата обращения: 10.07.2022).

Сведения об авторах

Алмагамбетова Амина Солдатовна *— заместитель начальника Департамента по работе с личным составом МВД Республики Казахстан, магистр по управлению персоналом, полковник полиции;*

Алмагамбетова Амина Солдатовна *— Қазақстан Республикасы ІІМ Жеке құраммен жұмыс департаменті бастығының орынбасары, персоналды басқару жөніндегі магистрі, полиция полковнигі;*

Almagambetova Amina Soldatovna *— Deputy Head of the Department for Work with Personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Master in Personnel Management, Police Colonel.*

Құқық қорғау органдарында кәсіби даму

Профессиональное развитие в правоохранительных органах

Professional development in law enforcement

УДК 740., МРНТИ 15.01.11

ДИЛЬБАРХАНОВА Ж.Р., КОКИЕВ А.Ж.
Академия управления МВД Республики Казахстан,
Астана, Казахстан

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ СТРЕСС –МЕНЕДЖМЕНТА В ПРОФЕСИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕНОСЛУЖАЩИХ И СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕНИХ ДЕЛ

В статье рассмотрены: способы профилактики профессионального выгорания у военнослужащих и сотрудников органов внутренних; способы профилактики профессионального выгорания; система нейротренировок, которая осуществляется при помощи электроэнцефалографии.

Профессиональное выгорание военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел в период служебно-боевой деятельности как актуальная проблема на сегодняшний день.

Указаны компания разработчик и обеспечивающая сопровождение проекта, ее возможности. А также представлено Аналитическое описание результатов нейротренингов приводимое психологом компании NeuroForce с сотрудниками органов внутренних дел с 23 декабря 2025 года по 8 января 2026 года в котором:- сравнительный анализ участников;- анализ по управляющему воздействию;- анализ корреляции трендовой линии участников.

Ключевые слова: *гиподинамия, профессиональное выгорание, ЭЭГ-БОС - тренинг, электроэнцефалография, биологическая обратная связь, альфа-ритм, время удержания целевого состояния, длительность БОС-тренировки.*

Systematization of scientific concepts of stress management in the professional activities of military personnel and internal affairs officers

The article examines: methods of preventing professional burnout among military personnel and internal affairs officers; approaches to preventing professional burnout; a system of neurotraining carried out using electroencephalography.

Professional burnout of military personnel and internal affairs officers during service-combat activities as a current and pressing issue.

The developer company and the organization providing project support,

as well as their capabilities, are indicated.

An analytical description of the results of neurotraining conducted by a psychologist of the NeuroForce company with internal affairs officers from December 23, 2025 to January 8, 2026 is also presented, including: comparative analysis of participants; analysis of managerial impact; analysis of correlation of participants' trend lines.

Keywords: *hypodynamia, professional burnout, EEG-BOS training, electroencephalography, biofeedback, alpha rhythm, duration of maintaining the target state, duration of BOS training.*

Әскери қызметшілер мен ішкі істер органдары қызметкерлерінің кәсіби қызметіндегі стресс-менеджменттің ғылыми тұжырымдамаларын жүйелеу

Мақалада қарастырылған: әскери қызметшілер мен ішкі істер органдары қызметкерлері арасындағы кәсіби күйіп кетудің алдын алу тәсілдері; кәсіби күйіп кетудің алдын алу жолдары; электроэнцефалография арқылы жүзеге асырылатын нейротренинг жүйесі.

Әскери қызметшілер мен ішкі істер органдары қызметкерлерінің қызметтік-жауынгерлік қызмет кезеңіндегі кәсіби күйіп кету – бүгінгі күннің өзекті мәселесі.

Жобаны әзірлеуші және оны сүйемелдеуді қамтамасыз ететін компания, сондай-ақ оның мүмкіндіктері көрсетілген.

Сонымен қатар 2025 жылғы 23 желтоқсаннан 2026 жылғы 8 қаңтарға дейін NeuroForce компаниясының психологы ішкі істер органдары қызметкерлерімен жүргізген нейротренинг нәтижелерінің аналитикалық сипаттамасы ұсынылған, онда: қатысушылардың салыстырмалы талдауы; басқарушылық ықпал бойынша талдау; қатысушылардың трендтік сызықтарының корреляциялық талдауы берілген.

Кілтті сөздер: *гиподинамия, кәсіби күйіп кету, ЭЭГ-БОС-тренинг, электроэнцефалография, биологиялық кері байланыс, альфа-ырғақ, мақсатты күйді ұстап тұру уақыты, БОС-тренинг ұзақтығы.*

Введение

На базе первой нейротехнологической компании Казахстана ТОО «Smart Engineering Group Astana» разработан первый отечественный велнесс-продукт, в составе которого аппаратно-приборный комплекс, включающий программное обеспечение и нейрогарнитуру NeuroForce.

Устройство представляет собой комплекс нейроигровых тренингов, в процессе которых собираются данные электромагнитной активности мозга в режиме реального времени, которые позволяют анализировать когнитивную активность пользователя.

Компания «Smart Engineering Group Astana» в целях Реализации поручений Главы государства:

-«*Здоровье нации — это фундамент нашего будущего*» - реализует приоритет профилактики ментального здоровья через раннюю диагностику когнитивных нарушений;

-«*Цифровизация государства*» - внедряет нейромониторинг как шаг к созданию цифрового государства, где решения принимаются на основе объективных данных;

-«*Нейротехнологический суверенитет*» - создает отечественные решения, укрепляя независимость Казахстана в цифровой сфере, продукт позволяет человеку не конкурировать с ИИ по скорости, а развивать качество мышления и креативность.

Современный мир предполагает очень быстрый ритм жизни, справиться с которым по силам не каждому.

Человек постоянно испытывает физические, эмоциональные и психологические перегрузки. Организм способен справляться со стрессом, если нагрузки не высоки, но в противном случае стресс копится, а ресурсы организма постепенно истощаются, ввиду чего человек постоянно находится в состоянии эмоционального напряжения, что со временем может приводить к профессиональному выгоранию [1].

Профессиональное выгорание – проблема с которой часто сталкиваются военнослужащие и сотрудники органов внутренних дел в период служебно-боевой деятельности. Это связано с большим количеством стрессовых ситуаций на работе и высокими нагрузками в плане взаимодействия с другими людьми [2].

По результатам исследований, после 20 лет работы в сфере общественной безопасности большинство военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел получают эмоциональное выгорание, а когда стаж 40 лет, это состояние наблюдается у всех военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел [3].

Основная часть

Профессиональное выгорание – это синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и характеризующийся истощением психических и эмоциональных ресурсов, в результате чего снижается мотивация к работе, повышается раздражительность, снижается способность к состраданию, появляются проблемы со здоровьем, депрессия [4].

Из-за быстрой утомляемости человек вынужден тратить много ресурсов на восстановление, в связи с чем ни времени, ни сил, ни желания заниматься различными видами двигательной активности у военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел не остается, а такое явление как гиподинамия лишь усугубляет ситуацию.

Способы профилактики профессионального выгорания:

Внедрение регулярной физической активности при возникновении стрессовых ситуаций, в организме человека вырабатываются такие

гормоны, как кортизол, адреналин и норадреналин.

Физическая активность снижает уровень гормонов стресса, дает выход эмоциям и накопившемуся стрессу [5].

Также физическая активность способствует выработке эндорфинов – гормонов, которые действуют как болеутоляющее и улучшают сон, что в свою очередь помогает снизить уровень стресса [5].

Помимо этого, регулярные физические нагрузки оздоровительного характера позволяют оптимизировать работу всех физиологических систем организма, что в свою очередь влияет на улучшение показателей работоспособности и снижает количество времени, затрачиваемого на восстановление сил после тяжелых рабочих будней.

Электроэнцефалография-биологической обратной связью – тренинг (ЭЭГ-БОС-тренинг) ЭЭГ-БОС-тренинг – это система нейротренировок, которая осуществляется при помощи электроэнцефалографии.

Во время электроэнцефалографического обследования, на волосистой части головы исследуемого располагают регистрирующие электроды, которые считывают биоэлектрическую активность мозга, чтобы определить его функциональное состояние [6].

Определенным состояниям сознания и различным степеням бодрствования соответствует определенный спектр электрической активности головного мозга [7].

В зависимости от амплитуды, формы волн, местоположения, частоты, и т.д. различают ритмы электроэнцефалографии [7].

Одним из таких ритмов является альфа-ритм, который также называется ритмом покоя.

Он регистрируются в состоянии спокойного бодрствования при психическом расслаблении и максимально возможном расслаблении мышц [7].

На физиологическом уровне профессиональное выгорание находит отражение на электроэнцефалограмме в виде угасания, изменения или отсутствия альфа-ритма.

Исходя из вышесказанного следует вывод, что возможно эффективно профилактировать эмоциональное выгорание, воздействуя на альфа-ритм головного мозга.

Обучение контролю ритмов электроэнцефалографии происходит посредством метода биологической обратной связи.

Данные об электрической активности мозга в режиме реального времени выводятся на монитор в виде игрового сюжета.

Используя визуальную информацию о своем состоянии, человек может сознательно контролировать физиологические процессы, происходящие в его организме, в данном случае - ритмы электроэнцефалографии [8].

Таким образом, человек учится в любой момент сознательно вводить себя в альфа-состояние, что позволяет снизить уровень стресса

и тревожности, улучшить качество сна и психоэмоциональное состояние [8].

На базе первой нейротехнологической компании Казахстана ТОО «Smart Engineering Group Astana» разработан первый отечественный велнесс-продукт, в составе которого аппаратно-приборный комплекс, включающий программное обеспечение и нейрогарнитуру NeuroForce.

Устройство работает по принципу связки ЭЭГ и БОС и представляет собой комплекс нейроигровых тренингов, в процессе которых собираются данные электромагнитной активности мозга в режиме реального времени, которые позволяют анализировать когнитивную активность пользователя.

Для анализа альфа-ритма в нашем проекте используется первый прототип нейроинтерфейса NeuroForce C6.AI (гарнитура с датчиками считывающие электромагнитные волны).

Он представляет собой систему беспроводной регистрации электроэнцефалографических данных человека.

В качестве нейроигр разработаны различные виды визуальных отображенийй, для тренировки целевого состояния пользователя.

Первая игра - игра направлена на релаксацию.

Тренирует альфа-волны.

По мере того как пользователь расслабляется, условная картинка (объектив-видеокамера) раскрывает свой затвор и перед взором участника шаг за шагом появляется изображение (изображения могут быть разного формата).

Фокусировка - размытие.

Игра тренирует бета-волны(концентрация), когда уровень фокуса выше условного порога.

Игра представляет собой пазл состоящий из блоков и находясь выше порогового значения концентрации пазл постепенно собирается.

Игра считается пройдённой, когда пользователь увидит полное изображение.

Игра - защита.

Цель - фокусировка.

Игра направлена на тренировку концентрации через механику защиты базы.

В центре изображен медитирующий человек, это отсылает нас к древне буддийскому тезису, только расслабленный сконцентрированный, находящийся в гармонии с самим собой, может выстоять в любых ситуациях.

Фигурку человека окружают полупрозрачное защитное поле, данное защитное поле обладает следующими защитными свойствами: оно может быть активировано, либо деактивировано.

Когда концентрация пользователя находится выше порогового значения, защитное поле активируется, и условные поражающие элементы, летящие в сторону фигурки, не могут ее поразить.

Когда концентрация падает - происходит поражение.

Раскраска - игра тренирует альфа-волны.

На поле 24 блока, которые заполняются(закрашиваются) в случайном порядке.

Пока пользователь находится выше порогового уровня релаксации, блок заполняется.

Если расслабление падает ниже порогового уровня, заполнение исчезает. После заполнения 24 блоков игра заканчивается.

Игра – Аудио БОС (звуковая биологическая обратная связь).

Игра тренирует бета-волны с помощью звуковой обратной связи.

В игре есть два аудиопотока мелодия и неприятный для слуха шум.

Когда фокус человека находится ниже порогового значения - шум появляется.

Если фокус выше порогового значения, шум исчезает и слышно только чистую мелодию.

При минимальных значениях концентрации, шум покрывает аудиозапись.

Разработанный протокол курса ЭЭГ-БОС-тренинга, который будет состоять из 10 занятий, каждое из которых будет продолжительностью в 30 минут.

Перед прохождением курса и после него, военнослужащие и сотрудники органов внутренних дел в период служебно-боевой деятельности будут проходить психофизиологическое обследование, которое будет включать в себя госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS), тест на простую зрительно-моторную реакцию, тест на помехоустойчивость и теппинг-тест.

Предполагается, что прохождение курса ЭЭГ-БОС-тренинга позволит снизить уровень стресса и тревожности и профилактировать синдром профессионального выгорания у военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел в период служебно-боевой деятельности.

Экспериментальная часть: результаты нейротренингов приводимые психологом компании NeuroForce с сотрудниками органов внутренних дел с 23 декабря 2025 года по 8 января 2026 года в городе Астана по улице Сыганак 60/4, 26 этаж.

Краткая сводка:

Участник 1 - на начало проведения тренингов в ресурсном состояние, готов к задачам требующим больше когнитивного напряжения, возможно не хватает новых вызовов.

Эффект от тренировок сопоставим с эффектом от внешней среды и не так значим так как нервная система в состояние высокой нейропластичности и обучаемости.

В процессе прохождения увеличил время удержания SRM фокуса с 4 секунд до 5-7 секунд, качество фокуса и время удержания состояния расслабления осталось в тех же пределах и зависит от внешней среды.

Качество способности расслабляться увеличилось на 2-22% (~5%) рост нестабильный указывает на корреляцию с внешними обстоятельствами.

Участник 2 - на начало проведения тренингов в состояние когнитивного выгорания.

Возможен внутренний блок на расслабление.

Неспособность расслабиться приводит к проблемам со сном. Хроническая адаптация к стрессу.

Необходимо выделить дополнительное время на отдых восстановление.

Эффект от тренировок значительный за счет значительно перегруженной нервной системы.

Наиболее наглядно виден результат до и после.

Новый способ расслабляться повысил качество сна и в результате время удержания SRM фокуса выросло в ~3 раза (с 2 сек. до 6 сек.), качество на ~4-6%, растет медленно вследствие долгосрочного пребывания в стрессе.

Время эффективного пребывания в состояние расслабления выросло в ~3.5 раза (с 34 сек. до 119 сек.), качество на 14-22% (~15%) - рост стабильный указывает на активное восстановление нервной системы.

Участники: в процессе тренинга научились новому методу нейробалансирования и SRM регуляции, улучшили показатели удержания фокуса с 25 до 200%, научились расслаблять сознание через использование БОС медитаций, активировали восстановительные процессы нервной системы.

Сравнительный анализ участников

В процессе сравнительного анализа можно увидеть разницу между испытуемыми.

Участник 1 на раннем этапе показывает значительно превосходящие результаты - это связано с общим состоянием нервной системы и нахождением ее в состояние нейропластичности - открытости к изучению нового и относительном спокойствии.

Второй испытуемый находится в состояние угнетенной нервной системы, не позволяющей обучение новому, однако в процессе тренировок с помощью обучения медитации с БОС (биологической обратной связью) второй участник быстро восстанавливается и демонстрирует более высокие результаты, что свидетельствует о большом опыте и более устойчивой к когнитивным нагрузкам нервной системы.

Начиная с 5-ого занятия участник 2 демонстрирует стабильный рост когнитивных способностей вследствие восстановления и мобилизации сил организма, в то время как участник 1 демонстрирует значения более подверженные внешней среде которые проваливаются и зашкаливают в

зависимости от конкретного дня измерения, что в долгосрочной перспективе приводит к менее непредсказуемому росту.

Эти данные могут трактоваться по разному в зависимости от внешних обстоятельств:

Гипотеза 1: участник 1 находится на момент начала курса в состоянии функционального максимума и достиг потолка когнитивных возможностей исходя из особенностей нервной системы.

Гипотеза 2: участник 1 находится в состоянии «недовозбужденности», отсутствия вызовов и скуки - в этом состоянии мозг максимально сохраняет ресурсы.

Для проверки гипотез стоит повысить уровень ответственности и когнитивной сложности возложенных задач используя ресурс нейропластичности на обучение новым навыкам, социальное взаимодействие (переговоры), решение неординарных задач и задач требующих повышенной бдительности способных заинтересовать участника 1 - результатом станет повышение мотивации и развитие нервной системы на основание образования новых нейронных связей в силу полученного опыта.

Анализ по управляющему воздействию

Ниже приведен анализ взаимодействия относительно математического среднего каждого участника.

В ходе медитативной части участник 1 показывает средние значения 46-51% УВср% на протяжении всего тренинга с несколькими отклонениями в большую сторону - что свидетельствует о том, что участник 1 находится близко к альфа состоянию большую часть времени.

Его состояние можно считать ресурсным и в дополнительном отдыхе и обучение медитации потребности не испытывается, однако в начале тренингов непрерывное время удержания фокуса было снижено, что свидетельствует о быстрой потере интереса.

Для увеличения вовлеченности рекомендуется возлагать на сотрудника 1 более креативные задачи, требующие принятия решений в условиях неопределенности и требующие изучения новой информации.

Участник 2 напротив в медитативной тренировке в начале показывает низкие результаты, но в процессе тренингов значительно улучшает когнитивное состояние показывая стабильный рост.

Это показывает, что в процессе тренинга было активировано восстановительное свойство нервной системы.

В результате время эффективного пребывания в состояние расслабления выросло в ~3.5 раза (с 34 сек. до 119 сек.), качество на 14-22% (~15%).

В ходе части тренингов направленных на развитие SMR у участника 1 выявлен стабильно высокий уровень воздействия УВср, при этом за период тренировок участник 1 повысил время удержания непрерывной концентрации с 3 до 5-7 секунд, это говорит о том, что участник 1 научился

дольше удерживать продуктивное состояние, в котором находился с меньшим количеством отвлечений.

Участник 2 демонстрирует сдержанный рост не только по времени удержания состояния, но и по качеству воздействия мозга на нахождение в состояние, что в свою очередь свидетельствует о том, что состояние, которое изначально описывалось как критическое выгорание вследствие стресса перешло в стадию восстановления нервной системы.

Анализ корреляции трендовой линии участников:

В рамках анализа результатов тренингов были построены трендовые корреляции, которые показывают результативность тренингов и динамики по каждому направлению тренировки для каждого участника.

Для первого участника наглядна видна корреляция тренировок SRM со временем удержания целевого показателя УВср.

Показатель воздействия УВср имеет нисходящий тренд предположительно из-за высокой нагрузки в предпраздничные дни - что является фактором внешней среды.

Показатель корреляции в процессе медитации первого участника низкий, и носит характер отклонений от средних значений вследствие факторов среды - это характеризует человека, который не находится в режиме выживания, а скорее в разные периоды времени нуждается или нет в отдыхе.

Выводы

В связи с этим, стратегическое сотрудничество органов внутренних дел и ТОО «Smart Engineering Group Astana» по внедрению комплекса NeuroForce видится своевременным и необходимым шагом.

Использование отечественных нейротехнологий в регулярном психологическом сопровождении личного состава позволит перейти от фиксации факта выгорания к его ранней профилактике.

Регулярные нейроигровые тренинги на базе NeuroForce объективно повысят стрессоустойчивость военнослужащих и сотрудников ОВД, сохранят их нервно-психический потенциал и повысят эффективность службы, напрямую реализуя государственную задачу Президента РК Касым-Жомарт Токаева по защите ментального здоровья нации.

Сотрудничество с разработчиком комплекса позволит создать цифровую систему мониторинга психоэмоционального состояния личного состава.

Объективные данные электромагнитной активности мозга помогут не только выявлять скрытый стресс на ранних стадиях, но и целенаправленно тренировать психологическую устойчивость к экстремальным ситуациям.

Внедрение NeuroForce — это инвестиция в высокую работоспособность, эмоциональную стабильность и оперативную эффективность каждого сотрудника ОВД.

Список использованной литературы

1. **Миллер А.А.** Профессиональное выгорание педагогов. Национальный исследовательский институт дополнительного образования и профессионального обучения, 2021 год;
2. **Балыкина О.С., Ерохина Н.М., Петухова Л.П.** Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности у представителей сферы образования. Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта, № 11 (105) - 2013 год. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2013.11.105. стр.17-23;
3. **Букатова А.С.** Синдром эмоционального выгорания, профессиональное выгорание, профилактика синдрома эмоционального выгорания. Сибирский федеральный университет. 2016 год;
4. **Е.С. Савинская, О.А. Харькова** Проблема эмоционального выгорания у врачей. Инновационная наука №12 / 2020 год;
5. **Паточкина Н.А., Комелькова М.В., Цейликман О.Б., Лапшин М.С.** Стресс: психологические, биохимические и психофизиологические аспекты: учебное пособие – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. – 82 с.;
6. Электроэнцефалография [Электронный ресурс] URL: https://krascpk.ru/images/files/Лекция%201_%20Электроэнцефалография.pdf;
7. **Мельникова Т.С., Краснов В.Н., Мартынова Н.В.** Характеристики альфа-ритма электроэнцефалограммы у больных бронхиальной астмой. Доктор.Ру. № 1(156). С. 41–45. DOI 10.31550/1727-2378-2019-156-1-41-45;
8. **Джос Ю.С., Меньшикова И.А.** Возможности применения нейробиоуправления для повышения функциональных способностей головного мозга (обзор) Журнал медицинско-биологических исследований. 2019 год. Т. 7, № 3. С. 338-348. DOI: 10.17238/issn2542-1298.2019.7.3.338.

Сведения об авторах

Дильбарханова Жанат Рахимжановна — *Временно исполняющий обязанности начальника Академии управления МВД Республика Казахстан, д.ю.н., профессор, полковник полиции;*

Dilbarkhanova Zhanat Rakhimzhanovna — *Acting Head of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Police Colonel;*

Дильбарханова Жанат Рахимжановна — *Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясы бастығының міндетін уақытша атқарушы, заң ғылымдарының докторы, профессор, полиция полковнигі.*

Кокиев Алмаз Женисович — *Начальник Центра в сфере общественной безопасности научно-исследовательского института Академии управления МВД Республика Казахстан, магистр юридических наук, полковник;*

Кокиев Алмаз Женисович *— Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының Қоғамдық қауіпсіздік саласындағы орталық бастығы, заң ғылымдарының магистрі, полковник;*

Kokiev Almaz Zhenisovich — *Head of the Center in the Field of Public Security of the Research Institute, Master of Laws, Colonel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, Astana, Republic of Kazakhstan.*

ӘОЖ 159.9.072; МРҒТА 10.81.51

УАКАСОВ Д.А., КУСАЙНОВА М.А.
Қазақстан Республикасы ІІМ
Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы
Қарағанды қаласы, Қазақстан

ҚЫЛМЫСКЕРДІҢ ЖАЛҒАН АЙТУЫНДАҒЫ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ҚОРҒАНЫС МЕХАНИЗМДЕРІ

Осы мақалада қылмыскердің жалған айту (алдау) мінез-құлқындағы психологиялық қорғаныс механизмдері жан-жақты талданады. Автор тұлғаның өтірік айтуының саналы және бейсаналы себептерін, ішкі мотивациялық құрылымдарын қарастырып, олардың психоанализдік, когнитивтік және әлеуметтік психология тұрғысынан түсіндірілуін ұсынады. Бұл құбылыстың астарында терең психологиялық қорғаныс механизмдері жатыр, олар тұлғаның бейсаналы деңгейінде іске қосылып, шындықты бұрмалау арқылы ішкі тепе-теңдікті сақтау қызметін атқарады. Сонымен қатар өзін-өзі қорғау механизмдерінің жалғандық мінез-құлқындағы рөлі анықталады. Зерттеу нәтижелері қылмыскер тұлғасының психологиялық бейнесін толық түсінуге және тергеу, сот-психологиялық сараптамаларда жалғандықты анықтаудың тиімді әдістерін қолдануға мүмкіндік береді.

Кілтті сөздер: *Түйінді сөздер: жалғандық, қорғаныс механизмдері, алдау психологиясы, рационализация, проекция, бейсаналық, когнитивтік бұрмалау, қылмыскер тұлғасы.*

Психологические механизмы защиты в лживом поведении преступника

В статье всесторонне рассматриваются психологические механизмы защиты, проявляющиеся в лживом поведении преступника. Автор анализирует сознательные и бессознательные причины лжи, внутренние мотивационные структуры личности и раскрывает их интерпретацию с позиций психоанализа, когнитивной и социальной психологии. В основе этого явления лежат глубокие психологические защитные механизмы, которые активируются на бессознательном уровне личности и служат для поддержания внутреннего равновесия путем искажения реальности. Кроме того определяется роль механизмов психологической защиты в формировании ложного поведения. Результаты исследования позволяют глубже понять

психологический портрет преступника и применять эффективные методы выявления лжи в следственной и судебно-психологической практике.

Ключевые слова: *ложь, механизмы защиты, психология обмана, рационализация, проекция, бессознательное, когнитивные искажения, личность преступника.*

Psychological defense mechanisms in the lying behavior of a criminal

This article provides a comprehensive analysis of psychological defense mechanisms manifested in a criminal's lying (deceptive) behavior. The author examines both conscious and unconscious motives behind deception, exploring the internal motivational structures of personality and interpreting them through psychoanalytic, cognitive, and social psychology perspectives. This event is accompanied by deep psychological defense mechanisms, which are activated at the individual level and serve to protect the individual's inner peace and stability. The role of defense mechanisms such as rationalization, projection, and repression in deceptive behavior is also highlighted. The findings contribute to a deeper understanding of the criminal's psychological profile and enhance the application of effective lie-detection methods in investigative and forensic psychological practice.

Keywords: *deception, defense mechanisms, psychology of lying, rationalization, projection, unconscious, cognitive distortion, criminal personality.*

Кіріспе

Қазіргі уақытта қоғамда қылмыс түрлерінің күрделенуі мен әлеуметтік-психологиялық факторлардың өзгеруі қылмыскер тұлғасының ішкі психикалық процестерін зерттеуді ерекше маңызды етеді. Солардың ішінде жалған айту феномені — адамның өз әрекетінің салдарын жеңілдету, жауапкершіліктен қашу немесе өзін психологиялық тұрғыда қорғау мақсатында қолданылатын мінез-құлық түрі. Бұл құбылыстың астарында терең психологиялық қорғаныс механизмдері жатыр, олар тұлғаның бейсаналы деңгейінде іске қосылып, шындықты бұрмалау арқылы ішкі тепе-теңдікті сақтау қызметін атқарады. Жалған айту немесе алдау – тұлғаның саналы не бейсаналы түрде шындықты бұрмалау әрекеті. Қылмыстық мінез-құлық жағдайында жалғандықтың рөлі ерекше, себебі ол жауапкершіліктен жалтару, өзін ақтау немесе тергеушіні шатастыру мақсатында қолданылады.

Бұл мәселенің өзектілігі – қылмыскер тұлғасының мінез-құлық ерекшеліктерін түсінуде, шындық пен жалғандықты ажырату психологиясын талдауда, сондай-ақ сот-психологиялық сараптама мен тергеу психологиясы саласында диагностикалық және түзету

жұмыстарын жетілдіру қажеттілігімен тығыз байланысты. Психологиялық қорғаныс механизмдерін тану қылмыстық мінез-құлықтың мотивациялық құрылымын ашуға, тұлғаның ішкі қақтығыстарын түсіндіруге және құқық қорғау қызметкерлерінің кәсіби іс-әрекетін ғылыми негізде ұйымдастыруға мүмкіндік береді.

Негізгі бөлім

Осы тұрғыдан алғанда, қылмыскердің жалған айтуындағы психологиялық қорғаныс механизмдерін зерттеу – тек теориялық тұрғыдан ғана емес, практикалық және криминологиялық маңызы бар өзекті бағыт болып табылады. Бұл зерттеу нәтижелері сот психологиясы, криминология, психотерапия және девиантты мінез-құлық профилактикасы салаларында қолдануға мүмкіндік бер.

Қылмыскердің жалған айтуы — тек мінез-құлықтық тактика емес, сонымен қатар тұлғаның ішкі психологиялық қорғаныс тетіктерінің көрінісі. Бұл қорғаныс механизмдері адамның ар-ожданмен, кінә сезімімен, қорқынышпен және әлеуметтік бақылаумен күрес тәсілі болып табылады.

Психологиялық қорғаныс ұғымын алғаш рет З. Фрейд енгізген. Оның пікірінше, бұл механизмдер тұлғаны жағымсыз эмоциялар мен ішкі қайшылықтардан қорғау үшін бейсаналы түрде іске қосылады [1.562].

З. Фрейд қорғаныс механизмдерін тұлғаның ішкі конфликтілерін бейтараптандыру тәсілі ретінде түсіндірсе, кейінгі зерттеушілер — А. Фрейд, К. Роджерс, Э. Фромм — бұл тетіктерді тұлғаның әлеуметтік бейімделу формасы ретінде қарастырған. Осы тұрғыдан алғанда, қорғаныс механизмдері адамның әлеуметтік ортаға бейімделуіне көмектескенімен, олар шынайылықты бұрмалап, тұлғаның моральдық дамуын тежейтін факторға айналуы мүмкін [1.562].

Адам психикасы сыртқы және ішкі қысымдарға ұшырағанда, тұлғаның эмоциялық тепе-теңдігін сақтау мақсатында түрлі бейсаналық қорғаныс тәсілдері іске қосылады. Мұндай механизмдер тұлғаның өзін-өзі сақтау, моральдық ауыртпалықтан арылу, кінә мен ұят сезімін төмендету сияқты ішкі қажеттіліктеріне қызмет етеді. Қылмыстық мінез-құлықтың психологиялық талдауында қорғаныс механизмдері адамның өзінің теріс әрекетін ақтау, оны қабылдау немесе мойындамау формаларында көрініс табады.

Психологияда қорғаныс механизмдері — тұлғаның ішкі жан дүниесіндегі қақтығыстарды, үрей мен кінә сезімін азайтуға бағытталған бейсаналық психикалық процестер деп анықталады. Бұл механизмдер тұлғаға уақытша психологиялық тұрақтылық береді, бірақ шынайы мәселені шешпейді, тек оны сана деңгейінен ығыстырып, бейсаналық деңгейде сақтап қояды [2.336].

Осыған орай қылмыскер тұлғасының психологиялық құрылымында қорғаныс механизмдері маңызды рөл атқарады. Олар адамның ішкі қақтығыстар мен моральдық қысымнан қорғануына, сондай-ақ өзін-өзі ақтауына мүмкіндік береді. Қорғаныс механизмдерінің негізгі түрлеріне

рационализация, проекция, интеллектуализация, терістеу және регрессия жатады.

Рационализация кезінде адам өз теріс әрекеттерін логикалық немесе моральдық тұрғыдан ақтауға тырысады. Мысалы: «Мен оны ұрдым, өйткені ол бірінші тиісті» немесе «Мен ұрлық жасадым, себебі өмір сүрудің басқа жолы болмады». Бұл механизм кінә мен ұят сезімін төмендетіп, тұлғаның ішкі тепе-теңдігін қалпына келтіруге мүмкіндік береді [3.320].

Проекция механизмі арқылы адам өзіндегі жағымсыз қасиеттер мен ниеттерді басқа адамдарға телиді. Мысалы: «Бәрі де өтірік айтады, мен неге айтпауым керек?» немесе «Олар бәрі ұрлайды, мен де соны істедім». Мұндай жағдайда тұлға моральдық жауапкершілікті сыртқа аударады да, өзін психологиялық тұрғыда ақтап алуға тырысады.

Интеллектуализация кезінде қылмыскер өз әрекетін эмоциялық деңгейде сезінбеу үшін оны рационалды категорияларда түсіндіреді. Мысалы: «Менің іс-әрекетім қоғамдағы әділетсіздікке қарсы реакция болды» деген тұжырымдар арқылы ол моральдық жауапкершіліктен алыстауға және эмоциялық ауыртпалықтан қорғануға тырысады.

Терістеу (отрицание) – жағымсыз шындықты қабылдаудан бас тарту. «Мен бұлай істеген жоқпын» немесе «Ол адам өзі кінәлі» деген сияқты пікірлер тұлғаның шындықты мойындаудан психологиялық түрде қашуын білдіреді. Бұл механизм көбінесе алғашқы тергеу кезеңдерінде байқалады, өйткені адам өз кінәсін қабылдауға әлі дайын болмайды.

Регрессия (басу) – адамның өз әрекетіне байланысты ұят, қорқыныш немесе кінә сезімдерін санадан ығыстырып шығару процесі. Бұл бейсаналық деңгейде жүреді және ауыр қылмыс жасаған адамдарда жиі [3,320]. Мысалы, адам өз жасаған ісін есінде сақтамауға немесе оны ұмытып кеткендей күй кешуге тырысуы мүмкін — бұл психикалық қорғаныс реакциясы болып табылады. Осылайша, қорғаныс механизмдері қылмыскердің ішкі жан дүниесіндегі қайшылықтарды уақытша жеңілдеткенімен, тұлғаның моральдық дамуын тежейді және шынайы жауапкершілікті сезінуге кедергі келтіреді.

Адам психикасы сыртқы және ішкі қысымдарға ұшырағанда, тұлғаның эмоциялық тепе-теңдігін сақтау мақсатында түрлі бейсаналық қорғаныс тәсілдері іске қосылады. Бұл тетіктер адамның ұят, кінә, қорқыныш немесе мазасыздық сезімінен қорғануына мүмкіндік береді. Алайда, егер бұл процестер шамадан тыс белсенді болса, тұлға шынайылықтан алыстап, өз мінез-құлқын объективті бағалай алмай қалады [4.304].

Қылмыстық мінез-құлықта қорғаныс механизмдері көбінесе жалғандық формасында көрініс табады. Қылмыскер жалғандыққа жүгінген кезде оның әрекетінде екі деңгей айқын деңгей байқалады:

Саналы жалғандық – бұл адамның нақты мақсатқа бағытталған, есепке құрылған мінез-құлқы. Мұндай жалғандық пайдакүнемдік, қорқыныш немесе жазадан құтылу ниетімен байланысты болады. Мысалы, айыпталушы тергеу кезінде «мен ол жерде болған жоқпын» деп

өтірік айту арқылы өзінің кінәсіздігін дәлелдеуге тырысады. Бұл жағдайда жалғандық – саналы түрде жасалған қорғаныс стратегиясы.

Бейсаналы жалғандық – тұлғаның психикасы өз «Менін» қорғау мақсатында шындықты бұрмалайтын бейсаналы процесс. Мұндай жағдайда адам өз әрекетін ақтап, өзін «құрбан» ретінде көреді, мысалы: «Менде басқа амал қалмады, мен тек өзімді қорғадым». Бұл — бейсаналы рационализацияның көрінісі, яғни тұлғаның кінә сезімін азайту үшін ақылға қонымды себеп ойлап табуы.

Жалғандықтың психологиялық табиғаты адамның ішкі әлеміндегі күрделі когнитивтік және эмоциялық процестермен тікелей байланысты. Ол көбіне тұлғаның психикалық тепе-теңдігін сақтау, «Мен-бейнесін» қорғау және қорқыныш пен кінә сезімін әлсірету мақсатында іске қосылады. Психологиялық қорғаныс механизмдері — бейсаналық деңгейде әрекет ететін, тұлғаны күйзелістен және ішкі жанжалдан қорғауға бағытталған психикалық процестер жүйесі.

Қылмыстық мінез-құлық жағдайында бұл механизмдер шындықты бұрмалау, моральдық жауапкершіліктен жалтару және әлеуметтік бақылаудан қорғану құралы ретінде көрініс табады. Осындай жалғандықтың негізінде үш маңызды ішкі процесс жатады: когнитивтік диссонанс, эмоциялық шиеленіс және өзін-өзі ақтау қажеттілігі.

Когнитивтік диссонанс – адамның өзінің әрекеттері мен моральдық қағидалары арасындағы үйлеспеушіліктен туындайтын психологиялық күйзеліс. Қылмыскер өз әрекетінің қоғамда теріс бағаланатынын түсінгенімен, ішкі түрде өзін «жақсы адам» деп қабылдауды жалғастырғысы келеді. Осы қайшылықты азайту мақсатында ол саналы немесе бейсаналы түрде өз ісін ақтай бастайды. Мысалы, ұрлық жасаған адам өз әрекетін «басқа амал болмады», «мен тек отбасымды асырағым келді» деген уәждермен түсіндіреді. Бұл — рационализация деп аталатын қорғаныс тетігінің көрінісі. Мұндай жағдайда жалғандық тұлғаның ішкі тұрақтылығын сақтауға, өз-өзімен үйлесім табуға бағытталады [5, 72].

Қылмыстық әрекеттен кейін тұлғада жиі кінә сезімі, ұят, қорқыныш, жазаланудан үрей сияқты теріс эмоциялар пайда болады. Бұл сезімдердің ұзақ әсері психикалық тепе-теңдікті бұзады, сондықтан тұлға олардан бейсаналы түрде қорғануға тырысады.

Жалған айту — осындай эмоциялық қысымды азайтудың бейсаналық жолы. Адам өтірік айту арқылы өзін психологиялық тұрғыдан «құтқарылғандай» сезінеді. Тергеу кезінде мұндай тұлға біресе шындыққа жақын, біресе қарама-қайшы жауап беріп, эмоциялық тұрақсыздық пен когнитивтік қайшылықтың белгілерін көрсетеді.

Психологиялық тұрғыдан алғанда, бұл процестің мәні — адамның өзін жағымсыз эмоциялардан қорғау қажеттілігі демек өтірік айту – тек моральдық емес, сонымен қатар психологиялық қорғаныс құралы.

Өзін-өзі ақтау – тұлғаның ішкі тұтастығын сақтау және өз «Менін» позитивті күйде ұстау ұмтылысы. Бұл қорғаныс механизмі адам

психикасының тұрақтылығын қамтамасыз ететін негізгі бейсаналық функциялардың бірі болып табылады.

Қылмыскер үшін өзін кінәсіз немесе әділетті етіп көрсету – психологиялық тепе-теңдікті қалпына келтірудің тәсілі. Ол өзінің мінез-құлқын қоғамда қабылданған нормалармен сәйкестендіріп көрсетуге тырысады. Мұндай тұлға, мысалы, «менің орнымда басқалар да солай істер еді» немесе «ол адам бұған өзі себеп болды» деген сияқты өзін ақтайтын ойларды қалыптастырады.

Тергеу кезінде қылмыскердің жалған жауап беруін бет-әлпетінің мимикасы, дауыс ырғағы, сөйлеу темпі, көз байланысы, қол қимылы, тіпті тыныс алу және жүрек соғысының жиілігі арқылы анықтауға болады. Бұл өзгерістер адамның ішкі күйзелісінің және бейсаналық қорғаныс реакциясының сыртқы көрінісі болып табылады.

Психологиялық зерттеулерге сәйкес, өтірік айту кезінде когнитивтік және эмоционалдық процестердің үйлесімі бұзылады. Бұл адамның назарын шоғырландыру қабілетінің төмендеуіне, сөйлеу логикасының үзілуіне, жауап беру кезінде кідірістердің көбеюіне әкеледі. Өтірік айтушы адам көбінесе көзін тайдырады, сөйлем құрылымы күрделене түседі, интонация өзгеріп, сөйлеу ырғағы бірқалыпсыз болады.

Қазіргі заманда бұл құбылыстарды анықтау үшін полиграфиялық тексеру, бейнеанализ, микромимикалық талдау, нейропсихологиялық диагностика сияқты ғылыми әдістер қолданылады. Бұл тәсілдер адамның шынайы эмоциялық реакциясын және жалғандық белгілерін объективті тіркеуге мүмкіндік береді [6, 352].

Қылмыскердің жалған айтуға бейімділігі көбіне оның тұлғалық қасиеттерімен және әлеуметтік тәжірибесімен анықталады. Мұндай тұлғаларға тән негізгі сипаттар мыналар:

- Эмпатияның төмендігі – өзгенің сезімін, азабын немесе жағдайын түсінбеу;
- Моральдық жауапкершіліктің әлсіздігі – жасаған әрекетінің салдарын бағаламау, ар-ұят сезімінің төмендігі;
- Эгоцентризм – тек өз пайдасын ойлау, басқа адамдардың көзқарасын елемеу;
- Манипулятивті мінез-құлық – өз мақсаттарына жету үшін өзгені алдау немесе бағыттау тенденциясы;
- Өзін-өзі ақтау тенденциясы – кінәні басқаға немесе сыртқы жағдайға жүктеу.

Осындай тұлғалар үшін шындықты бұрмалау — тек қорғаныс емес, сонымен қатар бақылау тетігі, яғни өз жағдайын басқарудың тәсілі болып табылады. Олар үшін өтірік айту — эмоциялық қысымды төмендету, билікті сезіну және өз-өзіне сенімділікті сақтау әдісі.

Қылмыскердің жалған айтуындағы психологиялық қорғаныс механизмдері оның ішкі жан дүниесін, моральдық бағдарын және әлеуметтік бейімделу деңгейін айқындайды. Жалғандық — бір жағынан,

тұлғаның өзін психологиялық күйзелістен қорғау жолы болса, екінші жағынан, қоғам алдындағы жауапкершіліктен жалтарудың тәсілі.

Бұл механизмдерді түсіну тергеу психологиясында, сот сараптамасында және криминалды тұлғаның психологиялық портретін жасауда маңызды рөл атқарады. Сондықтан жалған жауап беру феноменін талдау тек психологиялық тұрғыдан ғана емес, деонтологиялық және моральдық аспектілермен де кешенді зерттеуді қажет етеді.

Қорғаныс механизмдері тұлғаның ішкі тепе-теңдігін сақтауға бағытталғанымен, қылмыстық мінез-құлық контексінде олардың қызметі бұрмаланады. Олар адамға психологиялық жайлылық береді, бірақ сонымен қатар шындықты бұрмалап, моральдық жауапкершіліктен жалтаруға жол ашады. Осылайша, қорғаныс механизмдері уақытша тұрақтылық тудырғанымен, тұлғаның моральдық және әлеуметтік бейімделу деңгейіне кері әсер етед. Қылмыскердің жалған айтуы – тұлғаның психологиялық қорғаныс механизмдерінің жиынтық көрінісі. Бұл механизмдер адамды ішкі күйзелістен қорғап қана қоймай, сонымен қатар шынайылықты бұрмалап, мінез-құлықтың әлеуметтік жағымсыз формаларын күшейтеді.

Қылмыскердің жалған айтудағы психологиялық қорғанысын түсіну – тергеу психологиясында, сот сараптамасында және пенитенциарлық түзету жұмыстарында маңызды. Мұндай білім мамандарға жалған жауаптардың табиғатын ашуға және тұлғаның шынайы мотивациясын анықтауға мүмкіндік береді.

Демек қорғаныс механизмдері – адамның психикалық тепе-теңдігін сақтап, күйзеліс пен ішкі қақтығыстардан қорғауға бағытталған бейсаналы психологиялық процестер. Олар тұлғаның тұрақтылығын қамтамасыз етіп, түрлі жағымсыз әсерлердің деструктивті салдарын азайтады. Әрбір қорғаныс механизмі – жеке тұлғаның өмірлік тәжірибесіне, мінез-құлқына және эмоционалдық даму деңгейіне байланысты ерекше сипат алады.

Жалпы алғанда, басып тастау, проекция, рационализация, регрессия, сублимация, интеллектуализация, реактивті түзілім сияқты қорғаныс түрлері адамның психикалық әлемінде бейсаналы түрде қызмет атқарып, оның шынайылықпен өзара қатынасын реттейді.

Қорғаныс механизмдері қалыпты жағдайда – тұлғаның бейімделу және өзін-өзі сақтау қабілетінің бір бөлігі болып табылады. Алайда олардың шамадан тыс немесе орынсыз қолданылуы тұлғалық дамуға кедергі келтіріп, шынайы мәселелерді шешуден жалтаруға әкеледі. Сондықтан психологиялық тұрғыдан жетілген тұлға қорғаныс механизмдерін саналы түрде түсініп, оларды тиімді бағытта пайдалана білуі тиіс.

Қорыта келе, психологиялық қорғаныс механизмдері — адамның ішкі әлемін реттейтін күрделі әрі маңызды психикалық құрылымдар жүйесі. Олар тұлғаның бейімделуіне, өзін-өзі қорғауына және эмоционалды тұрақтылығын сақтауға қызмет етеді. Заманауи психология тұрғысынан

алғанда, бұл механизмдерді тану мен талдау тұлғаның мінез-құлқын түсінудің, сондай-ақ психотерапиялық және түзету жұмыстарын жүргізудің маңызды негізін құрайды.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. **Котенева А.В.** Психологическая защита личности. М.: Изд-во МГГУ, 2013. 562 с.
2. **Антонян Ю.М., Эминов В.Е.** Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 368 с
3. **Еникеев М.И.** Общая и юридическая психология. Краткий курс / М. И. Еникеев. — СПб. : Питер, 2004. — 320 с.
4. Криминология: учебное пособие. Стандарт третьего поколения / **под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева.** СПб.: Питер, 2013. 304 с.. — 352 с.

Авторлар туралы мәлімет

Уакасов Досжан Асулбекович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының Ғылыми кеңесінің ғылыми хатшысы, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор;*

Уакасов Досжан Асулбекович *— Учёный секретарь учёного совета Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор;*

Uakassov Doszhan *- Academic Secretary of the Academic Council of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.*

Кусайнова, Маржангул Амантаевна *— Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының Жалпы білім беретін пәндер кафедрасының профессоры, PhD докторы;*

Кусайнова Маржангул Амантаевна *— Профессор кафедры Общеобразовательных дисциплин Карагандинской академий МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, PhD доктор;*

Kusainova Marzhangul Amantaevna *— Professor of the Department of General Education Disciplines, Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, PhD, E-mail: marjanpretty@mail.ru.*

ЗАМАНАУИ ҚҰҚЫҚТАНУ ТЕХНОСФЕРАСЫ

ТЕХНОСФЕРА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

TECHNOSPHERE OF MODERN JURISPRUDENCE

УДК 34.06., МРНТИ 10.79.35

БАТЫРОВ М.Е.
Академия управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ БЕСПИЛОТНЫХ АППАРАТОВ В КАЗАХСТАНСКОМ СЕКТОРЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с Каспийским регионом в XXI веке, который становится важным объектом стратегических интересов не только для прикаспийских государств, но и для мировых держав. Рост военно-морских сил, в том числе с применением беспилотных летательных аппаратов, дистанционно управляемых машин и роботизированной техники, обеспечивает безопасность и эффективное использование природных ресурсов. Анализируются перспективы применения этих технологий в Каспийском регионе, включая патрулирование, борьбу с терроризмом и противоминную безопасность. Технологии беспилотников и робототехники становятся неотъемлемой частью военно-морских сил и могут значительно повысить их боеспособность и безопасность.

Ключевые слова: *Казахстанский сектор Каспийского моря (далее – КСКМ), беспилотные летательные аппараты, необитаемые погружаемые аппараты, роботизированная техника, Военно-морские силы, стратегические объекты, ресурсы, территориальные воды.*

Пилотсыз аппараттарды қолдану туралы мәселеге Каспий теңізінің қазақстандық секторында

Мақалада Каспий маңы мемлекеттері үшін ғана емес, әлемдік державалар үшін де стратегиялық мүдделердің маңызды объектісіне айналатын XXI ғасырдағы Каспий аймағына қатысты мәселелер қарастырылады. Әскери-теңіз күштерінің өсуі, оның ішінде ұшқышсыз ұшу аппараттарын, қашықтан басқарылатын машиналар мен роботтандырылған техниканы қолдана отырып, табиғи ресурстардың қауіпсіздігі мен тиімді пайдаланылуын қамтамасыз етеді. Патрульдеу, терроризмге қарсы күрес және минаға қарсы қауіпсіздікті қоса алғанда, осы технологияларды Каспий өңірінде қолдану перспективалары талданады. Дрондар мен робототехника технологиялары Әскери-теңіз күштерінің ажырамас бөлігіне айналуда

және олардың жауынгерлік қабілеті мен қауіпсіздігін едәуір арттыра алады.

Кілтті сөздер: *Каспий теңізінің қазақстандық секторы, пилотсыз ұшу аппараттары, адам тұрмайтын тиелетін аппараттар, роботтандырылған техника, әскери-теңіз күштері, стратегиялық объектілер, ресурстар, аумақтық сулар.*

On the use of unmanned vehicles in the Kazakhstan sector of the Caspian sea

The article discusses issues related to the Caspian region in the 21st century, which has become an important object of strategic interest not only for the Caspian states, but also for global powers. The growth of naval forces, including the use of unmanned aerial vehicles, remotely controlled machines, and robotic technology, ensures the security and efficient use of natural resources. The article analyzes the prospects for the application of these technologies in the Caspian region, including patrols, counter-terrorism, and mine clearance. Drone and robotics technologies are becoming an integral part of naval forces and can significantly improve their combat effectiveness and safety.

Keywords: *Kazakhstan sector of the Caspian sea, unmanned aerial vehicles, uninhabited submersible vehicles, robotic equipment, Naval forces, strategic objects, resources, territorial waters.*

Введение

На сегодняшний день Каспийское море является объектом внимания не только прикаспийских государств (Россия, Казахстан, Иран, Туркменистан, Азербайджан), но и ведущих стран всего мира. Каспийский регион в XXI веке обещает стать главным поставщиком энергоресурсов на мировой рынок.

Интересы Республики Казахстан в Каспийском регионе обусловлены значительным объемом природных ресурсов, увеличением масштабов и интенсивности работ по их освоению. При этом значительно усиливается влияние внутриполитических и внешнеполитических факторов, складывающихся в прикаспийских государствах, а также стратегических интересов в этом регионе других стран.

Это выражается в росте напряженности в Каспийском регионе, основными факторами которой являются активизация международного терроризма, потенциальная возможность сосредоточения диверсионной деятельности на морских целях – нефтепроводах, крупных объектах нефтедобычи, портах и пунктах стоянки судов, водных коммуникациях и иных важных объектах, расположенных в море или на побережье. Существует вероятность использования в регионе вооруженных сил

нерегиональными странами, что может вовлечь в вооруженный конфликт прикаспийские государства [1].

Указанные факторы ведут к наращиванию прикаспийскими государствами своих военно-морских сил. Такое наращивание преследует цель, с одной стороны – обеспечить собственную безопасность, а с другой стороны - иметь силовой аргумент для получения преимуществ при решении спорных вопросов по определению принадлежности морских приграничных нефтегазовых месторождений [2].

В эпоху сокращения численности Вооруженных сил и создания небольшой, но мобильной армии беспилотные летательные аппараты (далее - БПЛА), дистанционно управляемые машины (далее - ДУМ), роботизированная техника (далее - РТ) становятся реальным инструментом, открывающим возможность не только сохранить жизни военнослужащих, но и улучшить боевой потенциал подразделения и получить ряд преимуществ над противником, перейти к инновационным методам и формам ведения боевых действий. Машины и роботы в отличие от живой силы не испытывают моральной и психологической нагрузки, физической усталости, не имеют физиологических потребностей, не нуждаются в социальной защите. Их возможности ограничиваются только запасом боеприпасов, топлива (заряда аккумуляторных батарей), а также дальностью и условиями передачи радиосигнала (спутникового сигнала). Актуальным примером является ударный беспилотный летательный аппарат MQ-9B SkyGuardian (рис. 1). Аппарат способен выполнять полеты на скорости до 388 километров в час и на высоте до 14 тысяч метров. Продолжительность полета составляет до 35 часов. Аппарат оснащен модульной системой управления вооружением, позволяющей эксплантатам запускать с него ракеты собственной разработки [3].

Рисунок 1 – Разведывательно-ударный беспилотный летательный аппарат «Рипер» компании General Atomics Aeronautical Systems (США)

В последние годы наблюдается тенденция роста рынка БПЛА. Со слов публичной бухгалтерской и консалтинговой

компанией PriceWaterhouseCoopers LLC в US сейчас годовой оборот финансовых средств в данной сфере оценивается $ 127,3 млрд. Европейская аэрокосмическая компания Airbus SE (AIR.France) стремится предоставлять услуги на базе беспилотников клиентам в сельском хозяйстве, страховании, энергетике и правительству с общим рыночным потенциалом, по его собственным оценкам, более $ 120 млрд. [4].

Несмотря на высокую стоимость и существование риска провала проекта исследования, руководство многих развитых зарубежных стран проводит целенаправленную политику по разработке перспективных роботизированных и беспилотных средств вооруженной борьбы, рассчитывая при этом сделать проведение всех боевых и обеспечивающих задач более безопасным и в перспективе разработать более инновационные и эффективные средства для обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом, а также успешного проведения современных операций.

БПЛА, ДУМ, РТ предназначены для решения следующих задач:

- ведение радио- и радиотехнической, радиационной, химической, биологической, радиолокационной, оптико-электронной и тепловизионной разведки;
- обнаружение мин и минных полей;
- управление огнем и выдача целеуказания;
- нанесение ударов по наземным целям (в перспективе борьба с воздушными целями);
- подавление средств ПВО;
- оценка результатов нанесенных ударов;
- создание помех радио- и радиотехническим средствам;
- ретрансляция радиосигналов;
- патрулирование в приграничных районах, территориальных водах [1, с.194-205].

Исходя из вышеизложенных предназначений БПЛА, ДУМ, РТ существуют следующие перспективы их применения в КСКМ:

В целях обеспечения благоприятного оперативного режима в КСКМ, а также патрулирования акватории, обеспечения безопасности экономических объектов применить БПЛА или беспилотные катера. Данный опыт наблюдается в Израиле. Для осуществления патрулирования территориальных вод Израильские вооруженные силы применяют беспилотные катера «Протектор» и «Сигул» (рис. 2), оснащенные системой оптики электронного наблюдения, а также подвижным модулем Mini Typhoon, позволяющим установить пулемет калибра 7,62 мм или 40 мм гранатомет.

Также, возможен вариант применения его в качестве лоцманского судна, для осуществления сопровождения судов в узкостях (в порт), так как имеющееяся на борту катера навигационное оборудование позволяет ему следовать по заранее запрограммированному маршруту с

минимальными погрешностями, а система оптико-электронного наблюдения позволяет вести визуальное наблюдение за обстановкой [5].

Рисунок 2 – Беспилотный катер «Протектор» компании Rafael (Израиль)

В целях обеспечения благоприятного оперативного режима в КСКМ, а также освещения надводной обстановки, выдачи целеуказаний (авиационный выносной наблюдательный пункт-АВНП) для кораблей ВМС ВС РК возможно применение БПЛА вертолетного типа (рис. 3) запускаемых с борта корабля и имеющий достаточный тактический (оперативный) радиус полета [6].

Рисунок 3 – Беспилотный летательный аппарат «Camcopter S-100» компании Schiebel (Австрия)

Также возможен вариант использования БПЛА вертолетного типа, запускаемых с борта корабля для осуществления контроля результатов удара или же осуществления ложного (отвлекающего) ракетного удара в ходе морского боя между корабельными ударными группами или одиночными кораблями.

В целях обеспечения противоминной безопасности, исходя из опыта передовых стран, предполагается применять необитаемые погружаемые аппараты (рис. 4), которые являются наиболее эффективными в ходе борьбы с донными (самозарывающими) минами, выполненные по технологии «стелс» (например, Мантра). Данные аппараты позволяют

выявить объекты, схожие по формам и параметрам с минами, осуществить их идентификацию и классификацию, после чего гарантированно уничтожить на дистанции, не подвергая опасности жизни экипажей кораблей и судов [7].

Рис. 4 – Необитаемый погружаемый аппарат «Pluto» компании Kronsberg (Норвегия)

В перспективе возможен вариант применения их в качестве ударных средств против сверхмалых подводных лодок и подводных диверсионных сил и средств.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что беспилотные летательные аппараты, дистанционно управляемые машины, роботизированные техники уже сегодня являются актуальными составляющими современного боя и в недалеком будущем заменят место солдат, чему свидетельствует стремление ведущих стран мира внедрить в систему управления, в ряды боевой техники беспилотные аппараты. Укомплектование Военно-морских сил современным вооружением и военной техникой позволит обеспечить плановое развитие экономики государства в экономически перспективном каспийском регионе.

Список использованной литературы

1.**Шибутов М.М., Хан А.Д. Светлаков В.Р.** Военная безопасность государств Прикаспийского региона: учебное пособие – Астана: АО «Центр военно-стратегических исследований», 2013. – 224 с;
2. **Ногуманов Д.У., Юсупов С.В., Мутиев Н.Х**. Направления и перспективы развития ВС РК до 2050 г. по опыту зарубежных стран: учебное пособие /. – Астана: АО «ЦВСИ», 2013.– С. 88.
3.:Ударный беспилотный летательного аппарат MQ-9B SkyGuardian// http://bastion-karpenko.ru/mq-9/ ВТС «БАСТИОН» **A.V.Karpenko** (дата обращения 15.01.2024);
4.Прибыльный рынок БПЛА топ-6 инвестиции в акции дронов// https://zen.yandex.ru/media/zinvestment/pribylnyi-rynok-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov-top-6-investicii-v-akcii-dronov-5d8280121e8e3f00ae70f5c5?utm_source=serp (дата обращения 13.01.2024);
5.«Эльбит Маарахот» показала новый катер – Seagull // https://oleggranovsky.livejournal.com/24072.html (дата обращения 19.01.2024);

6.Беспилотный летательный аппарат Camcopter S-100 (Австрия)//https://enovosty.com/armiya/full/544-bespilotnyj-letatelnyj-apparat-camcopter-s-100-avstriya (дата обращения 19.01.2024);
7.Капитан 1 ранга **Д.Рюриков,** капитан 2 ранга **А.Васильев.** Минно-тральные силы ВМС США. // ЗВО.- 2021-№8. - С.44-45.

Сведения об авторах

Батыров Марат Ескенович *— Старший преподаватель кафедры обеспечения служебно-боевой деятельности Национальной гвардии, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор;*

Батыров Марат Ескенович *— Ұлттық ұланның қызметтік-жауынгерлік жұмысын қамтамасыз ету кафедрасының аға оқытушысы, педагогика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор;*

Batyrov Marat Eskenovich *— Senior Lecturer, Department of Service and Combat Activities of the National Guard, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.*

УДК 343.13:004(574)., МРНТИ 10.77.91

ЖУНУСОВА М.К.
Академия управления МВД Республики Казахстан, Астана, Казахстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МОДЕЛЬ «Е-УГОЛОВНОЕ ДЕЛО» КАЗАХСТАНА (В ФОКУСЕ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ И ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ)

Статья посвящена комплексному анализу процесса цифровой трансформации уголовного судопроизводства в Республике Казахстан на примере масштабного внедрения модуля «Е-уголовное дело» (е-УД). Особое внимание в исследовании уделяется двум критически важным аспектам: механизмам защиты цифровых данных и обеспечению равноправного доступа граждан к правосудию в условиях перехода к безбумажному формату. Автором исследована нормативная база (ст. 42-1 УПК РК, ведомственные акты Генеральной прокуратуры РК), а также правоприменительная практика. Установлено, что использование электронной цифровой подписи (ЭЦП) и цифровых меток времени минимизирует риски фальсификации процессуальных актов, однако централизованная архитектура баз данных создает потенциальные векторы уязвимости перед киберугрозами и техническими сбоями. Выявлена проблема «Цифрового разрыва» и асимметрии процессуальных прав, которая способна ограничивать доступ к правосудию для уязвимых слоев населения и стороны защиты, несмотря на функционирование «публичного сектора» портала. Предложен комплекс правовых и организационно-технических мер, включающий детализацию ст. 42-1 УПК РК, внедрение элементов технологии распределенных реестров, принятие нормативного постановления Верховного Суда РК по вопросам цифровых доказательств и модернизацию IT-инфраструктуры правоохранительных органов.

Ключевые слова: *цифровизация уголовного процесса, электронное уголовное дело, досудебное расследование, доступ к правосудию, защита данных, информационная безопасность, Казахстан, цифровая цепочка доказательств.*

Қазақстанның «Электрондық қылмыстық іс» моделі бойынша Орталық Азиядағы сотқа дейінгі тергеуді цифрландыру (деректер қорғау және сот әділетіне қолжетімділік фокусында)

Мақала Қазақстан Республикасындағы қылмыстық сот ісін жүргізуді цифрлық трансформациялау процесін «Е-қылмыстық іс» (е-ҚІ) модулін кеңінен енгізу мысалында кешенді талдауға арналған. Зерттеуде екі өте маңызды аспектіге ерекше назар аударылады: цифрлық деректерді қорғау тетіктері және қағазсыз форматқа көшу жағдайында азаматтардың сот әділдігіне тең қолжетімділігін қамтамасыз ету. Автор нормативтік базаны (ҚР ҚІЖК-нің 42-1-бабы, ҚР Бас прокуратурасының ведомстволық актілері) және құқық қолдану практикасын зерттеді. Электрондық цифрлық қолтаңбаны (ЭЦҚ) және цифрлық уақыт белгілерін пайдалану процессуалдық актілерді бұрмалау тәуекелдерін азайтатыны анықталды, алайда деректер базаларының орталықтандырылған архитектурасы киберқауіптер мен техникалық ақауларға қарсы әлеуетті осал векторларды тудырады. «Цифрлық алшақтық» мәселесі анықталды, ол «қоғамдық сектор» порталы жұмыс істесе де, халықтың осал топтары мен шалғай аймақтарда тұратын тұрғындардың сот әділдігіне қолжетімділігін шектеуі мүмкін. ҚР ҚІЖК-нің 42-1-бабын нақтылауды, цифрлық дәлелдемелер мәселелері бойынша ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысын қабылдауды және құқық қорғау органдарының IT-инфрақұрылымын жаңғыртуды қамтитын құқықтық және ұйымдастыру-техникалық шаралар кешені ұсынылды.

Кілтті сөздер: *қылмыстық процесс, электрондық қылмыстық іс, сотқа дейінгі тергеу, сот әділдігіне қолжетімділік, деректерді қорғау, ақпараттық қауіпсіздік, Қазақстан.*

Digitalization of pre-trial investigation in Central Asia: the case of Kazakhstan’s «E-criminal case» model (focusing on data protection and Access to justice)

The article provides a comprehensive analysis of the digital transformation of criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan, using the large-scale implementation of the "E-Criminal Case" (e-CC) module as a case study. Special attention is paid to two critical aspects: digital data protection mechanisms and ensuring equal access to justice for citizens in the transition to a paperless format. The author examines the regulatory framework (Article 42-1 of the Criminal Procedure Code of the RK, departmental acts of the Prosecutor General's Office) and law enforcement practice. It is established that the use of electronic digital signatures (EDS) and digital timestamps minimizes the risks of falsifying procedural acts; however, the centralized architecture of databases creates potential vulnerabilities to cyber threats and technical failures. The problem of the "digital divide" is identified, which can

limit access to justice for vulnerable populations and residents of remote regions, despite the functioning of the "public sector" portal. A set of legal and organizational-technical measures is proposed, including the detailing of Article 42-1 of the CPC RK, the adoption of a regulatory resolution of the Supreme Court of the RK on digital evidence, and the modernization of the IT infrastructure of law enforcement agencies.

Keywords: *digitalization of criminal process, e-criminal case, pre-trial investigation, access to justice, data protection, information security, Kazakhstan.*

Введение

Интеграция информационно-коммуникационных технологий во все сферы государственной деятельности выступает ключевым маркером современного этапа развития институтов власти. В сфере уголовной юстиции автоматизация процессов перестала носить факультативный характер, трансформировавшись в насущный императив, обусловливающий эффективность, прозрачность и информационной прозрачности правосудия. В отличие от ряда стран Западной Европы, где цифровизация правосудия носит фрагментарный характер и децентрализована по отдельным ведомствам, Казахстан (наряду с эстонской моделью E-File) пошел по пути создания единой, централизованной архитектуры (ЕРДР), охватывающей весь жизненный цикл уголовного дела.

В авангарде данного вектора развития на постсоветском пространстве и в регионе Центральной Азии находится Республика Казахстан. В рамках государственной программы «Цифровой Казахстан» страна инициировала масштабный перевод досудебного производства в электронный формат. Фундаментальным ядром данной реформы стал проект «Е-уголовное дело» (е-УД), интегрированный в Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР).

Заявленные цели внедрения системы охватывают широкий спектр задач: от оптимизации процессуальных сроков до нивелирования коррупционных рисков и утраты материалов. Вместе с тем, отказ от традиционного документооборота порождает новые беспрецедентные вызовы, требующие глубокого доктринального осмысления. Замена бумажного тома цифровым файлом - это не просто смена носителя информации. Это радикальная перестройка самой методологии расследования, которая актуализирует проблемы кибербезопасности, сохранности чувствительных персональных данных и предотвращения «цифрового неравенства» в контексте реализации конституционного права на судебную защиту.

Постановка проблемы

Проблематика трансформации правосудия под воздействием информационных технологий активно дискутируется в зарубежной

доктрине. Как справедливо отмечает основоположник концепции цифрового правосудия Р. Сасскинд (Richard Susskind), суды и следственные органы будущего - это «не место, куда люди приходят, а сервис, который они получают», что требует полной процессуальной перестройки [9]. В свою очередь, европейский исследователь М. Хильдебрандт (Mireille Hildebrandt) предупреждает о рисках алгоритмизации права, указывая, что жестко запрограммированные интерфейсы способны ограничивать когнитивную свободу следователя и судьи, подменяя правовой анализ механическим заполнением форм [10]. Опыт Казахстана по внедрению «Е-уголовное дело» является наглядной эмпирической площадкой, подтверждающей эти теоретические концепты на практике.

Основная часть

Целью настоящего исследования является всесторонний анализ правовой регламентации и эмпирической практики функционирования электронного досудебного расследования в Казахстане, с акцентированным вниманием на механизмах обеспечения информационной безопасности и гарантиях беспрепятственного доступа участников процесса к правосудию.

Методологическая оптика исследования базируется на диалектическом подходе к познанию социально-правовых явлений. В работе использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов:

-формально-юридический анализ применялся при исследовании норм УПК РК (в частности, ст. 42-1) и подзаконных ведомственных актов;

-системно-структурный метод позволил оценить архитектуру ЕРДР и модуля е-УД как единого информационно-правового комплекса;

-сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления традиционной (бумажной) и цифровой парадигмы доказывания.

Базу исследования составили официальные статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам (КПСиСУ) при Генеральной прокуратуре РК за период с 2018 по 2024 годы, а также обобщенная правоприменительная практика следственных подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан.

Имплементация статьи 42-1 в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан сформировала первичный легальный базис для ведения расследования в электронном виде. Законодатель закрепил принцип диспозитивности (возможность выбора между бумажным и цифровым носителем), обязательный учет мнения сторон процесса и требование мотивированности при смене формата производства. Однако рамочный характер нормы кодекса потребовал детализации на ведомственном уровне, что было реализовано через профильные Приказы Генерального Прокурора РК. Ведомственные инструкции де-факто установили приоритет электронного формата для большинства категорий преступлений, за исключением дел, содержащих государственные секреты.

Технологический каркас модуля е-УД опирается на несколько критических узлов:

- электронная цифровая подпись (ЭЦП) - выступает абсолютным гарантом юридической валидности актов, а также использование графических планшетов для сбора цифровых подписей участников следственных действий (свидетелей, потерпевших) непосредственно на местах;
- библиотека стандартизированных шаблонов - включает свыше 400 форм процессуальных документов, минимизируя рутинную нагрузку на следователя;
- единое хранилище цифровых доказательств - позволяет прикреплять к делу медиафайлы, формируя единый PDF-файл итогового дела;
- «публичный сектор» — специализированный веб-портал для авторизованного удаленного доступа участников процесса к материалам дела;
- дистанционное санкционирование — взаимодействие со следственным судьей (ст. 55, 56 УПК РК) происходит в цифровом формате через интеграцию с судебной системой «Төрелік».

Статистический анализ демонстрирует устойчивый рост востребованности системы. По данным КПСиСУ ГП РК, если на старте проекта (2018 г.) в цифровом формате было завершено порядка 10 000 дел, то по итогам 2022 года цифра превысила 66 000, а к 2024 году этот показатель преодолел отметку в 124 000 дел. Система е-УД из альтернативного формата превратилась в доминирующий.

Практика подтверждает, что электронный документооборот существенно сокращает временные издержки. В частности, интеграция видео-конференц-связи и дистанционного ознакомления с материалами через «публичный сектор» позволяет проводить следственные действия без командировок и пересылки поручений. Кроме того, система автоматически отслеживает сроки расследования (ст. 192 УПК РК) и сроки содержания под стражей, аппаратно блокируя возможность проведения процессуальных действий по их истечении без официального продления.

Несмотря на очевидный технологический прогресс, функционирование системы е-УД сопряжено с латентными и явными угрозами правового и технического характера.

Главным достижением цифровизации стало внедрение нестираемой цифровой метки времени при подписании документов ЭЦП. Невозможно заменить протокол допроса «задним числом» без оставления цифрового следа, что является существенной гарантией против должностных преступлений (ст. 369 УК РК «Служебный подлог» и ст. 416 УК РК «Фальсификация доказательств»). Однако централизованная модель хранения данных генерирует новые риски:

-угроза инсайдерских вмешательств: возникает правовая проблема обеспечения «цифровой цепочки поставок доказательств», где необходимо доказать, что электронный файл не был модифицирован администратором системы в обход следователя. Хотя цифровые базы охраняются нормами уголовного закона *(ст. 205 УК РК «Неправомерный доступ к информации», ст. 208 УК РК «Неправомерное завладение информацией»), специфика электронной среды такова, что утечка данных досудебного расследования (нарушение ст. 201 УПК РК)* может произойти мгновенно и охватить огромную аудиторию через мессенджеры, нанося непоправимый вред репутации подозреваемого, чья вина еще не доказана судом;

-технологическая нестабильность: систематически фиксируются сбои при пиковых нагрузках. Интеграция ЕРДР с системой «Төрелік» и базами экспертных учреждений до сих пор требует ручного переноса данных, что мультиплицирует риск ошибок и утечек.

Отдельной доктринальной проблемой является процессуальная легитимация цифровых следов, изъятых вне системы. Отсутствие в УПК РК единой методики осмотра и приобщения электронных доказательств нередко приводит к тому, что суды признают их недопустимыми.

Провозглашенный равный доступ к правосудию сталкивается с инфраструктурным и социальным «цифровым разрывом». Качество широкополосного интернета в мегаполисах и удаленных районных центрах кардинально отличается, что ставит реализацию прав в зависимость от географии.

Создание «Публичного сектора» позиционировалось как прорыв, однако на практике фиксируется проблема асимметрии цифровых прав. Согласно ст.14 УПК РК (Принцип состязательности и равноправия сторон), защита должна иметь равные возможности с обвинением. Однако архитектура создана стороной обвинения. Адвокаты выступают в системе лишь в роли «гостей» с ограниченным функционалом. В отличие от следователя и прокурора, имеющих постоянный доступ к базе, защитник часто получает доступ лишь фрагментарно или вынужден знакомиться с «электронным делом» через терминал в здании полиции, что нивелирует саму идею удаленного доступа. Кроме того, лица старшего поколения или социально уязвимые группы де-факто ущемляются в правах из-за недостаточного уровня цифровой грамотности.

Важным аспектом является влияние интерфейса на методологию расследования. Наличие жестко алгоритмизированной системы и библиотеки готовых шаблонов провоцирует у правоприменителей «шаблонное мышление». Следователи нередко используют сохраненные шаблоны фабул обвинения, меняя только фамилии, что приводит к формальному подходу к доказыванию и создает риск нарушения фундаментального принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 24 УПК РК). Жесткость

архитектуры также проявляется в отсутствии простого механизма исправления технических опечаток в уже подписанном ЭЦП документе.

Цифровая трансформация досудебного расследования в Республике Казахстан представляет собой стратегически обоснованный процесс. Электронный формат расследования на практике доказал свою эффективность: процесс стал прозрачным, а фальсификация доказательств привычными способами теперь практически невозможно.

Выводы

Вместе с тем, система нуждается в глубокой модернизации по следующим векторам:

- законодательное закрепление гарантий: детализация ст. 42-1 УПК РК на уровне закона и принятие нормативного постановления Верховного Суда РК по вопросам цифровых доказательств.

-внедрение технологий распределенных реестров (цифровая криминалистика): интеграция элементов технологии блокчейн в архитектуру ЕРДР для фиксации электронных доказательств и обеспечения абсолютной неизменности «цифровой цепочки».

-преодоление «цифрового неравенства»: разработка регламентов предоставления гибридного доступа через специально оборудованные терминалы в ЦОНах с привлечением консультантов.

-реинжиниринг интерфейса и модернизация модуля «Адвокат»: отказ от тотальной жесткой шаблонизации в пользу интеллектуальных «конструкторов документов». Необходимо обеспечить стороне защиты техническую возможность загружать ходатайства и доказательства в систему наравне со следователем.

-институциональный контроль и защита цифровых прав: в условиях масштабной алгоритмизации досудебного производства традиционных мер прокурорского надзора становится объективно недостаточно. Возможно назрела необходимость институционального выделения специализированных субъектов надзора - «кибер-прокуроров» (или уполномоченных по цифровым правам), ответственных исключительно за обеспечение информационной безопасности в ЕРДР и защиту участников процесса в виртуальной среде. В компетенцию данного должностного лица должен входить не только классический надзор за процессуальной формой электронного расследования, но и высокотехнологичный аудит цифровых следов (логов системы), пресечение фактов несанкционированного доступа к материалам со стороны административного ИТ-персонала, а также оперативное реагирование на инфраструктурные сбои, влекущие ущемление права стороны защиты на беспрепятственный доступ к правосудию.

Только симбиоз технологического совершенствования, доктринальной правовой проработки и социальной ориентированности способен превратить электронное уголовное дело в безупречный инструмент обеспечения законности.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.
2. Государственная программа «Цифровой Казахстан», утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827;
3. Об утверждении Правил приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: Приказ Генерального Прокурора РК от 19 сентября 2014 года № 89;
4. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: Приказ Генерального Прокурора РК от 3 января 2018 года № 2;
5. Данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (КПСиСУ ГП РК) за 2018-2024 гг;
6. **Нургалиев Б.М.** и др. Проблемы внедрения электронного уголовного дела в Республике Казахстан // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. - 2021.
7. **Канафин Д.К.** Обеспечение прав участников уголовного процесса на досудебной стадии в условиях цифровизации // Право и государство. - 2022., С__;
8. **Жунусова М.К.** Досудебное расследование в электронном формате: вопросы правового регулирования и практики // журнал «ХАБАРШЫ —ВЕСТНИК» - 2023., С__.
9. **Susskind, R.** (2019). Online Courts and the Future of Justice. Oxford University Press.
10. **Hildebrandt, M.** (2015). Smart Technologies and the End(s) of Law. Edward Elgar Publishing.

Сведения об авторах

***Жунусова Мерей Каировна** — Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының ІІО әкімшілік қызметінің проблемаларын зерттеу бойынша орталығының аға ғылыми қызметкері, философия докторы Ph.D, полиция майоры;*

***Жунусова Мерей Каировна** — старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем административной деятельности ОВД Научно-исследовательского института Академии управления МВД РК, Доктор философии Ph.D, майор полиции;*

***Zhunusova Merey Kairovna** — Senior Research Fellow at the Center for Research on Problems of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Research Institute of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs, Doctor of Philosophy (Ph.D.), Police Major, E-mail: merey.zhunussova@mail.ru*.

УДК 343.98:004.8., МРНТИ 10.85.51; 20.23.17

МУСИН А.Б., ЛАКБАЕВ К.С.
Академия управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

БУДУЩЕЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И УПРАВЛЯЕМЫЙ ПРОГНОЗ

В статье исследуются перспективы перехода к проактивной модели оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан в условиях цифровой трансформации преступности. Проанализирован зарубежный опыт применения предиктивных алгоритмов и выявлены его ограничения при работе с латентными и сетевыми формами преступной деятельности. Обосновано противоречие между необходимостью использования релевантных оперативных данных для обучения алгоритмов и требованиями режима секретности. Предложена поэтапная модель внедрения ИИ в закрытый контур ОРД, предусматривающая формирование обезличенных поведенческих паттернов и экспертную верификацию результатов.

Статья подготовлена в рамках научного исследования Центра по исследованию проблем ОРД ОВД НИИ Академии управления МВД РК по заказу ДБОП МВД РК.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, искусственный интеллект, предиктивная аналитика, прогнозирование преступности, киберпреступность, организованная преступность, государственные секреты, поведенческие паттерны, управление рисками.*

Қылмысқа қарсы іс-қимылдың болашағы: жасанды интеллект және басқарылатын болжау

Мақалада қылмыстылықтың цифрлық трансформациясы жағдайында Қазақстан Республикасы ішкі істер органдарының жедел-іздестіру қызметін проактивті модельге көшіру перспективалары зерттеледі. Предиктивті алгоритмдерді қолданудың шетелдік тәжірибесі талданып, олардың латентті және желілік қылмыстық процестерді талдаудағы шектеулері айқындалды. Алгоритмдерді оқыту үшін релевантты жедел деректерді пайдалану қажеттілігі мен

құпиялылық режимі талаптарының арасындағы қайшылық негізделеді. Жедел-іздестіру қызметінің жабық контурына жасанды интеллектті енгізудің кезеңдік моделі ұсынылады; ол тұлғаландырылмаған мінез-құлықтық паттерндерді қалыптастыруды және нәтижелерді сараптамалық верификациялауды көздейді.

Жұмыс ҚР ІІМ Басқару академиясының ҒЗИ ЖІҚ проблемаларын зерттеу орталығы жүргізіп жатқан ғылыми зерттеу аясында, ҚР ІІМ ҰҚК тапсырысы бойынша дайындалды.

Кілтті сөздер: *жедел-іздестіру қызметі, жасанды интеллект, предиктивті талдау, қылмыстылықты болжау, мемлекеттік құпиялар, мінез-құлықтық паттерндер, тәуекелдерді басқару.*

The future of crime control: artificial intelligence and managed forecasting

The article examines the prospects for transitioning to a proactive model of operational-search activity within the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan amid the digital transformation of crime. International experience in the application of predictive algorithms is analyzed, and its limitations in addressing latent and network-based criminal processes are identified. The contradiction between the need to use relevant operational data for training algorithms and the requirements of confidentiality is substantiated. A phased model for integrating artificial intelligence into the closed operational-search environment is proposed, based on the formation of anonymized behavioral patterns and expert verification of analytical outputs.

The study was conducted within a research project of the Center for Research of Operational-Search Activity Problems of the Research Institute of the Academy of Management of the MIA of the Republic of Kazakhstan, commissioned by the Department for Combating Organized Crime of the MIA of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: *operational-search activity, artificial intelligence, predictive analytics, crime forecasting, state secrets, behavioral patterns, risk management.*

Введение

Трансформация современной преступности, характеризующаяся цифровизацией, сетевой структурой и трансграничным характером, требует пересмотра подходов к организации оперативно-розыскной деятельности *(далее ОРД).* Традиционная модель реагирования «по факту» демонстрирует снижение эффективности в условиях роста киберпреступности, наркотрафика и организованных форм криминала. Стратегическим вектором развития системы МВД Республики Казахстан становится переход к проактивной правоохране, основанной на прогнозной аналитике и управлении рисками.

Мировой опыт США, Великобритании, Германии, Южной Кореи, Китая подтверждает потенциал искусственного интеллекта *(далее ИИ)* в обработке больших данных для выявления скрытых схем. В свою очередь Казахстан также активно учувствует в данный мировом тренде - в 2025 году на базе Генеральной прокуратуры РК в пилотном режиме создан Центр прогнозирования преступных угроз и рисков общественной безопасности Комитета по правовой статистике и специальным учетам. Он стал аналитическим ядром, «Мозговым центром» прогнозно-аналитической деятельности. [1]. Однако прямое внедрение зарубежных алгоритмов в отечественную практику сталкивается с методологическими и правовыми барьерами. Существующие модели эффективно прогнозируют общеуголовную преступность на основе открытых данных, но не работают при анализе скрытых процессов, составляющих предмет деятельности специализированных подразделений - Киберпола, служб по противодействию наркопреступности и организованной преступности.

Постановка проблемы

Ключевая проблема заключается в противоречии между необходимостью обучения нейросетей на реальных оперативных материалах и жестким требованием соблюдения режима секретности. Использование общедоступных моделей в контуре ОРД недопустимо из-за рисков утечки сведений, составляющих государственную тайну. Цель исследования – разработка механизма, позволяющего внедрить аналитические возможности ИИ в закрытый контур ОРД. В работе обосновывается гибридная модель подготовки данных, обеспечивающая режим секретности при повышении точности управленческих решений.

Основная часть

Рост цифровых форм преступности постепенно меняет саму логику оперативно-розыскной деятельности. Преступление все чаще разворачивается в сетевой среде, не привязано к одной территории и оставляет не очевидный и сложный цифровой след. В этих условиях реактивная модель, основанная на фиксации уже совершённого деяния, начинает запаздывать. Перед МВД встаёт задача перехода к проактивному формату работы (на опережение). Однако этот переход пока находится на стадии концептуальной и методологической проработки.

Технологическая база в целом понятна – это инструменты анализа больших данных и алгоритмы машинного обучения. Сложность заключается в ином: каким образом интегрировать такие решения в закрытый контур ОРД, где каждая информационная единица может обладать статусом служебной или государственной тайны. Вопрос стоит не о наличии технологий, а о допустимой модели их применения. Ошибка здесь чревата утратой управляемости и возникновением правовых рисков.

Поэтому зарубежный опыт интересен прежде всего как поле анализа. Он показывает, какие задачи уже решаются алгоритмически, какие данные используются для обучения моделей и где проходят границы допустимого. Это позволяет оценить, какие элементы могут быть адаптированы в казахстанских условиях, а какие требуют иной нормативной конструкции.

За рубежом наиболее известным направлением остаётся Predictive Policing – прогнозирование времени и места совершения преступлений. Система PredPol в США строит математические модели на основе статистики прошлых инцидентов и помогает распределять патрульные силы [2]. Логика проста: преступность имеет повторяемость, и её пространственно-временные закономерности поддаются расчету.

Иные системы идут дальше. VALCRI (Visual Analytics for sense-making in Criminal Intellegence analysis, США) работает с большими массивами криминальной информации и помогает аналитикам выявлять скрытые связи между событиями и лицами [3, с.47]. RICAS (Real-time Intellegence crime analytics system, США) ориентирована на визуализацию данных и оперативный анализ по «горячим» следам [3, с.51-56]. Решения Palantir (Palantir Technologies, США) обрабатывают массивы персональных, коммуникационных и финансовых данных, выявляя устойчивые связи и аномалии. Американский Domain Awareness интегрирует данные из различных источников в единый аналитический контур. Немецкая система Precobs рассчитывает вероятность повторных преступлений в конкретной локации, исходя из прошлой статистики [3, с.60].

Отдельного внимания заслуживает британский проект создания «Оракула» прогнозной системы на базе ИИ. Предполагается обучение алгоритмов на массивах данных полиции и социальных служб, а также интеграция с видеонаблюдением. Концепция ориентирована на выявление зон риска и перераспределение ресурсов до наступления негативных последствий. Развёртывание системы планируется к 2030 году, что свидетельствует о длительном этапе подготовки и тестирования.

В предиктивной аналитике выделяют два самостоятельных направления.

Первое - пространственно-временное прогнозирование. Его задача - определить вероятные зоны и временные интервалы будущей преступной активности. Основание - анализ криминальной статистики, данных о местах совершения правонарушений, динамики повторяемости эпизодов, плотности событий на конкретной территории. Результат - корректировка маршрутов патрулирования, перераспределение сил и средств, точечное оперативное прикрытие проблемных участков.

Второе направление - индивидуально-ориентированное прогнозирование. Здесь объект анализа - конкретное лицо или социальная группа с повышенной вероятностью вовлечения в преступную деятельность либо риском стать жертвой. Используются

данные о повторности правонарушений, социальных связях, характере предшествующего поведения, цифровом следе. Такой подход требует особой правовой аккуратности, поскольку затрагивает сферу персональных данных и может влиять на процессуальный статус лица.

Оба направления работают с большими массивами разнородной информации. Алгоритм выявляет статистические закономерности. Управленческое решение принимает человек. В условиях казахстанской правовой системы результаты машинного анализа могут использоваться как ориентирующая информация, но не подменяют принятие процессуального решения, регламентированного УПК и Законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

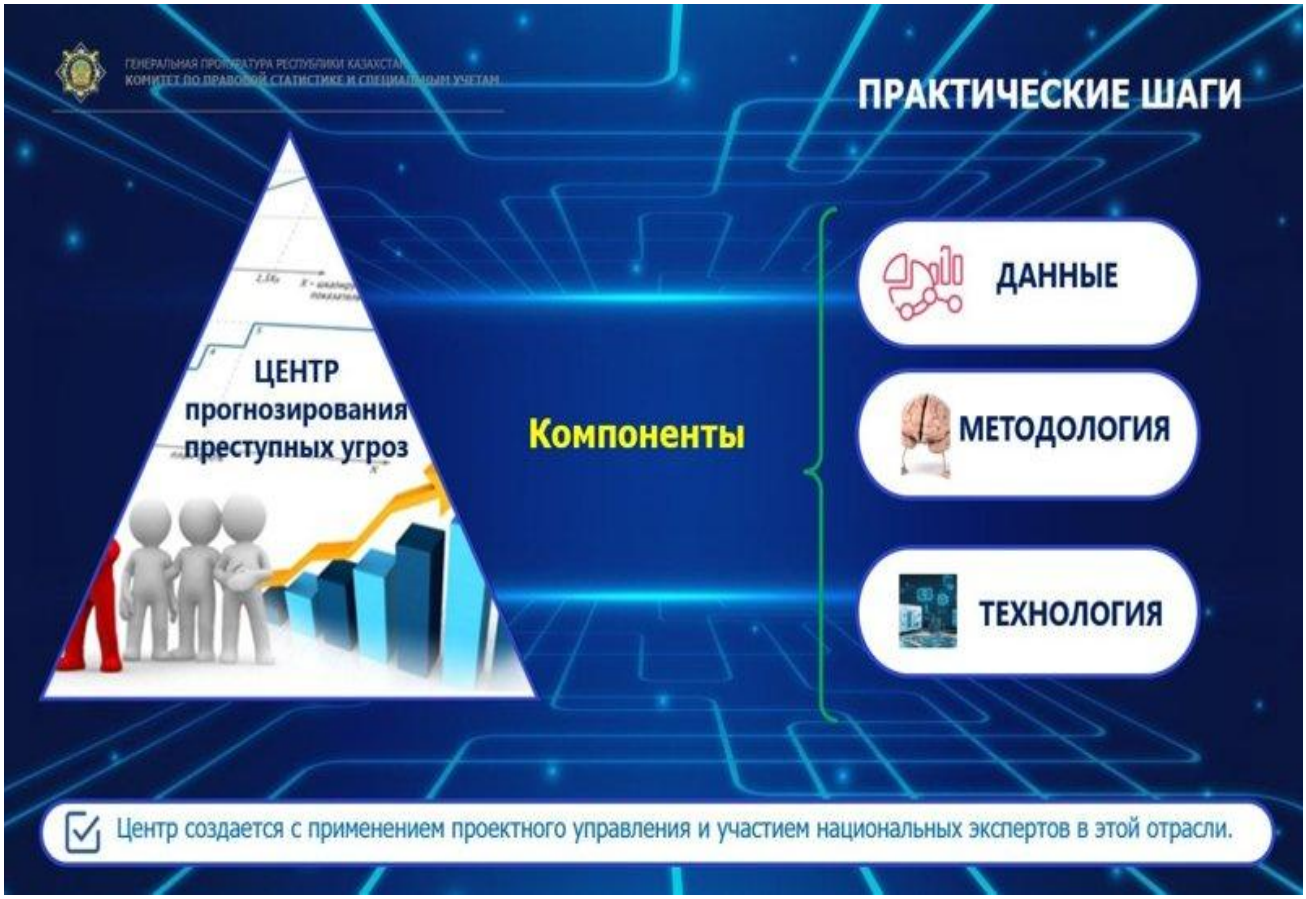
Что касается пространственно-временного прогнозирования, МВД уже движется в этом направлении. Одной из задач Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025–2030 годы поставлена задача расширения функционала Ситуационно-аналитического центра МВД за счёт применения инструментов искусственного интеллекта. В числе приоритетов - обработка видеопотоков с камер наблюдения с использованием технологий распознавания лиц и государственных регистрационных номерных знаков, анализ криминальной статистики для выявления очагов преступности, а также формирование прогностических моделей на основе агрегированных данных [4].

В 2024 году ученые из Южнокорейского научно-исследовательского института электроники и телекоммуникаций (ETRI) создали модель ИИ, способную предсказывать преступления. Система, названная Dejaview, обучается на основе получаемых видеозаписей, набора поведенческих факторов и статистики. Она способна анализировать видеозаписи и в реальном времени оценивать риски совершения преступлений, а также прогнозировать рост уровня преступности, оценивая множество факторов. В частности, нейросеть изучает поведение людей в общественных местах, сравнивая его с поведением преступников. При этом Dejaview различает виды проступков и нарушений закона. По словам специалистов, в ходе испытаний модель предсказала несколько преступлений с точностью более 82 процентов [5].

Подобные процессы начались и в Казахстане. В пилотном режиме создан Центр прогнозирования преступных угроз и рисков общественной безопасности при Комитете по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Центр аккумулирует статистические данные и формирует аналитические оценки криминогенной обстановки. Это шаг в сторону системного анализа, но не завершённая модель проактивной правоохраны.

Параллельно запускается платформа мониторинга международного информационного пространства с использованием алгоритмов ИИ. Её задача - выявление внешних угроз и ранняя фиксация рисков. Тем самым

формируется инфраструктурная основа для перехода к аналитической модели управления безопасностью [1].



Таким образом, международная практика демонстрирует разнообразие инструментов и подходов. Однако главный вывод состоит в ином: технологический потенциал сам по себе не решает правовых и организационных вопросов. Именно их согласование определит реальную возможность внедрения ИИ в закрытый контур оперативно-розыскной деятельности Республики Казахстан.

Определенный результат может дать и простое обращение к боту ChatGPT. Так, на вопрос, какие тенденции развития киберпреступности в Казахстане в ближайшие 5 лет, ИИ выдал обоснованный прогноз.

К 2031 году в нашей стране наиболее актуальными станут следующие виды киберпреступлений:

1.Цифровое вымогательство, в т.ч. как услуга для третьих лиц.

Причины: опережающие темпы цифровизации всех сфер жизни государства и общества (прежде всего, бизнеса), на фоне явного отставания их защиты, что создаст системные проблемы уязвимости.

Какие последствия: массовые утечки персональных данных и их последующее использование при совершении преступлений.

2.Целевые атаки на критическую инфраструктуру и промышленные системы.

Причины: модернизация промышленности и энергетики, внедрение систем ИИ при устаревшем программном обеспечении, не способном быстро реагировать на аварийные сценарии.

Какие последствия: системные аварии и отключение услуг, в т.ч. социально значимых.

3.Дальнейший рост технологии фишинга и компрометация бизнес-электронной почты, а также социальных сетей с использованием искусственного инжиниринга.

Причины: адаптация мошенников к казахскоязычной и иной среде, с использованием персональных данных из утечек.

Какие последствия: финансовые потери бизнес-структур и частных лиц, компрометация их аккаунтов.

4.Расширение степени проникновения в мобильные платежные и банковские приложения через поиск уязвимостей.

Причины: рост объемов финансовых средств в мобильном банкинге, опережающее появление новых форм бесконтактной без должной защиты.

Какие последствия: хищения денежных средств, подмена транзакций.

5.Расширение масштабов продажи персональных данных и различных цифровых инструментов, используемых в криминальных целях, в анонимных сетях Интернета, прежде всего в Darknet.

Причины: многократные утечки персональных данных из государственных органов, их слабая защита, высокий спрос на них среди лиц и групп, занимающихся мошенничеством.

Какие последствия: расширение масштабов известных видов интернет-мошенничеств, появление новых методов их совершения.

6.Расширение степени внедрения в криминальные схемы ИИ: deepfake, автоматизированный фишинг, подмена внешности и голоса.

Причины: доступность генеративных моделей, рост их языковых возможностей и способностей создавать модели управления микровыражениями лица.

Какие последствия: массовое появление сгенерированных «слуховых и визуальных вирусов» с целью совершения мошенничеств.

7.Целевые атаки на систему обеспечения безопасности и правоохранительные органы.

Причины: геополитическая и геоэкономическая напряженность вокруг Казахстана на региональном и глобальном уровне.

Какие последствия: утечки критической информации о состоянии ситуации в стране, подрыв доверия к официальным органам власти, дестабилизация экономической, политической и социальной обстановки.

8.Широкое включение в криминальные схемы уязвимостей технологии «Интернет вещей» (IoT) и «умных» мобильных систем.

Причины: опережающее расширение темпов внедрения этих технологий и отставание от них системы их защиты.

Какие последствия: криминальное воздействие на всю систему «умных» сервисов с целью совершения широкого спектра преступлений, либо в террористических целях.

9.Финансовые мошенничества с использованием криптосервисов и мошенничества с токенами.

Причины: динамичный рост интереса к криптовалютам, недостаточный уровень правового регулирования и контроля за данной сферой со стороны государства.

Какие последствия: расширение масштабов финансовых мошенничеств и объемов «легализации» преступных доходов, в том числе от незаконного оборота наркотиков, оружия и др. [6].

Аналогичные аналитические выкладки ИИ можно получить и по другим интересующим направлениям – организованная и наркопреступность.

В то же время, несмотря на то, что приведенный прогностический анализ ИИ внешне похож на вероятную динамику развития киберпреступности, в нем присутствует концептуальная проблема.

Как отмечают некоторые эксперты, системы ИИ, которым пророчат результативность в сфере снижения уровня преступности, не в полной мере оправдывают возложенные на них ожидания. Опыт США и Китая выявил ряд проблем, которые могут возникать при применении подобных технологий: недостаточная точность их результатов, возникновение дискриминации в обществе, ограничения основных прав граждан, риски утечки конфиденциальной информации.

При этом, в перспективе внедрение предиктивных систем ИИ способно повысить результативность работы полиции – сократить время на анализ больших массивов данных, оперативно выявлять тенденции и закономерности совершения преступлений с целью своевременного предупреждения совершения новых преступлений [7, 138-142].

Что же касается нынешних прогностических результатов работы ИИ, то здесь имеются разнонаправленные мнения специалистов.

Например, по вышеприведенной американской системе PredPol имеются противоречивые сведения. Анализ информации из открытых источников показывает, что она не получила распространения в других частях страны, что вызывает сомнения в реальности ее заявленной эффективности. Более того, фирма – разработчик системы Geolitica прекратила свою деятельность в 2023 г. в связи с поглощением другой компанией, специализирующейся в данной области [8]. А в американских СМИ появились сообщения о том, что алгоритм компании давал правильные прогнозы менее чем в 1 % случаев [9].

Таким образом, потенциальный вред от внедрения «сырой» технологии не всегда может быть уравновешен пользой от ее применения. Соответственно, необходим риск-ориентированный подход при решении вопроса о внедрении таких технологий; их развитие требует определенной практики, нарабатываемой в настоящее время в порядке научного эксперимента. Можно прогнозировать постепенную интеграцию отдельных решений в правоприменительную практику в ближайшие 3-10 лет [10].

Зарубежная практика демонстрирует, что предиктивные алгоритмы эффективно работают в сфере общеуголовной преступности, где поведение носит повторяемый характер и поддается статистическому моделированию. Однако перенос этих решений на направления киберпреступности, организованной и наркопреступности сталкивается с принципиальными ограничениями.

Во-первых, данные виды преступности имеют сетевую структуру и нелинейную динамику. Криминальные схемы формируются в закрытых коммуникационных средах, быстро адаптируются к мерам противодействия и часто носят трансграничный характер. Их развитие определяется не только статистикой совершенных преступлений, но и скрытыми управленческими центрами, финансовыми потоками, цифровыми платформами и внутренней иерархией преступных групп. Открытые данные отражают лишь поверхностный слой таких процессов.

Во-вторых, основная информация о глубинных механизмах функционирования указанных форм преступности сосредоточена в материалах оперативных подразделений. Эти сведения относятся к категории служебной или государственной тайны. Прямое использование подобных данных для обучения алгоритмов без специальной нормативной процедуры создает риски нарушения законодательства и утраты контроля над чувствительной информацией.

Таким образом, проблема внедрения ИИ в прогностическую работу по направлениям организованной, кибер- и наркопреступности носит институциональный характер. Ограничение связано не с отсутствием технологических решений, а с необходимостью выработки безопасной модели работы с данными.

В этих условиях целесообразной представляется комбинированная модель адаптации ИИ к задачам закрытого контура ОРД.

Первый этап предполагает экспертный анализ оперативных материалов сотрудниками, имеющими соответствующий допуск. Целью будет выделение устойчивых и повторяющихся поведенческих паттернов: моделей вербовки, способов распределения ролей, каналов финансовых расчетов, типичных технологических инструментов и логики эволюции криминальных схем.

Второй этап - обезличивание и обобщение этих паттернов. Из массива конкретных дел формируются типовые модели без указания персоналий, источников и оперативных комбинаций. Фактически создается промежуточный аналитический слой, пригодный для алгоритмической обработки.

Третий этап - обучение алгоритмов на базе сформированных моделей в сочетании с открытыми статистическими и криминологическими данными.
В такой конструкции ИИ не получает прямого доступа к закрытым материалам, но использует их производные аналитические обобщения.

Четвертый этап - экспертная верификация результатов. Прогностические выводы алгоритма проходят оценку специалистами профильных подразделений и используются как ориентирующая информация при планировании оперативно-служебной деятельности.

Предлагаемая модель сохраняет управляющую роль человека и минимизирует риски разглашения сведений, составляющих государственную тайну. При этом алгоритм выполняет функцию аналитического усилителя, позволяя выявлять тенденции, которые сложно обнаружить при традиционном анализе.

Для обеспечения устойчивости данной модели требуется формирование достаточной эмпирической базы. В этой связи необходимо системное изучение статистики за последние годы, выборочный анализ завершенных и прерванных уголовных дел, а также сопоставление с международной практикой применения предиктивных инструментов. Важным условием является межведомственное взаимодействие и привлечение профильных научных и технических компетенций.

Тем самым формируется реалистичная архитектура внедрения ИИ в прогностическую деятельность по направлениям, связанным с повышенным режимом секретности. Она не подменяет оперативную работу алгоритмом, но расширяет аналитические возможности системы МВД в условиях цифровой трансформации преступности.

Выводы

Применение предиктивных алгоритмов в сфере общеуголовной преступности уже демонстрирует прикладной потенциал. Однако перенос этих моделей на направления организованной, кибер- и наркопреступности ограничен латентностью процессов и режимом охраняемой государством тайны. Технологический ресурс существует, но его использование упирается в нормативные и организационные рамки.

Следовательно, перспективным представляется не прямое обучение ИИ на оперативных массивах, а формирование обезличенных поведенческих паттернов с участием специалистов, имеющих допуск к закрытым материалам, и последующее использование этих моделей в сочетании с открытыми данными. Такая конструкция сохраняет контроль человека над процессом и минимизирует риски разглашения сведений.

ИИ в системе МВД должен рассматриваться как инструмент аналитического усиления, а не как самостоятельный субъект прогнозирования. Его эффективность будет определяться качеством данных, межведомственным взаимодействием и нормативной проработкой статуса результатов машинного анализа.

Список использованной литературы

1. Генпрокуратура подготовила 28 инициатив по предотвращению угроз безопасности в 2025 году [Электронный ресурс] // Inform.kz: Международное информационное агентство «Казинформ». – 19.12.2025. – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/, свободный. – Дата обращения: 18.02.2026.;
2. **Овчинский В.С.** Технологии будущего против криминала. – Москва: Книжный мир, 2017. – 288 с. – (Коллекция Изборского клуба). – С.47;
3. VALCRI Project. VALCRI-WP-2017-008. Training Material [Электронный ресурс] / European Project VALCRI. – 2017. – Режим доступа: https://euprojectvalcri.org/our-content/uploads/2017/02/VALCRI-WP-2017-008-Training.pdf, свободный. – Дата обращения: 18.02.2026;
4. Постановление от 1 апреля 2025 г. № 200 «Об утверждении Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025–2030 годы». Правительство Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000200, свободный. – Дата обращения: 18.02.2026;
5. AI-технологии начинают предсказывать преступность в США [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 16.09.2024. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2024/09 /16/ai-crime/, свободный. – Дата обращения: 18.02.2026;
6. ChatGPT. Запрос: Подготовь прогноз киберугроз для Казахстана на ближайшие 5–7 лет с обоснованием причин и возможных последствий для государства и бизнеса [Электронный ресурс] / OpenAI. – 18.02.2026. – Режим доступа: https://chat.openai.com/, свободный. – Дата обращения: 18.02.2026;
7. **Чуканова Е.С., Бабченко А.И.** Искусственный интеллект в противодействии преступности: международно-правовой аспект // Уголовная юстиция. – 2023. – № 22. – С. 138–142;
8. Geolitica [Электронный ресурс] // Wikipedia: The Free Encyclopedia. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Geolitica, свободный. – Дата обращения: 18.02.2026;
9. Plainfield geolitica crime predictions [Электронный ресурс] // *Wired*. – 2024. – Режим доступа: https://www.wired.com/story/plainfield-geolitica-crime-predictions/, свободный. – Дата обращения: 18.02.2026;
10. **Сретенцев А.И.** Перспективы внедрения систем предсказательной аналитики в деятельность по борьбе с преступностью // Закон и право. – 2025. – № 11. – С. 233;

Сведения об авторах

Мусин Айдар Булатович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясы Ғылыми-зерттеу институтының ІІО ЖІҚ проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, (PhD) философия докторы полиция майоры;*

Мусин Айдар Булатович *— старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем ОРД ОВД Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан, доктор философии (PhD), майор полиции;*

Mussin Aidar Bulatovich *— Senior Research Fellow of the Center for Research of Operational-Search Activity Problems of the Research Institute of the Academy of Management of the MIA RK, PhD, Police Major, Email: mussin.mail@gmail.com.*

Лакбаев Канат Саметович *— доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Центра по исследованию проблем ОРД ОВД Научно-исследовательского института Академии управления МВД Республики Казахстан;*

Лакбаев Канат Саметович *— Қазақстан Республикасы ІІМ Басқару академиясының Ғылыми-зерттеу институты ІІО ЖІҚ проблемаларын зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері, заң ғылымдарының докторы, профессор, Email: k.lakbayev@mail.ru;*

Lakbaev Kanat Sametovich *— Senior Research Fellow of the Center for Research of Operational-Search Activity Problems of the Research Institute of the Academy of Management of the MIA RK, Doctor of Law, Professor, E-mail: k.lakbayev@mail.ru.*

ҒЫЛЫМИ ДЕБЮТ

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

SCIENTIFIC DEBUT

УДК 34.343., МРНТИ 10.79.01

КЕНЖЕЕВ С.С.
Докторант 1 курса факультета послевузовского образования Академии управления МВД Республики Казахстан, г.Астана, Казахстан

ЦИФРОВЫЕ НОСИТЕЛИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы правовой квалификации цифровых носителей информации как разновидности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Анализируются теоретические подходы к определению правовой природы цифровых носителей, а также практические трудности их процессуального оформления на стадии досудебного расследования. Особое внимание уделяется вопросам допустимости цифровых доказательств, связанным с нарушением порядка их изъятия, фиксации и приобщения к материалам уголовного дела. Обосновывается необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства и выработки единых процессуальных стандартов обращения с цифровыми носителями информации.

Целью настоящей статьи является анализ проблем квалификации цифровых носителей как разновидности вещественных доказательств и выработка предложений по совершенствованию процессуального порядка их оформления в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: *вещественные доказательства, цифровые носители, электронная информация, допустимость доказательств, уголовный процесс, досудебное расследование.*

Цифрлық тасымалдағыштар заттай дәлелдемелердің бір түрі ретінде: қылмыстық сот ісін жүргізуде оларды саралау және процестік ресімдеу мәселелері

Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізуінде цифрлық ақпарат тасымалдағыштарын заттай дәлелдемелердің бір түрі ретінде құқықтық саралау мәселелері

қарастырылады. Цифрлық тасымалдағыштардың құқықтық табиғатын айқындауға қатысты теориялық тәсілдер, сондай-ақ оларды сотқа дейінгі тергеп-тексеру сатысында процестік ресімдеудің практикалық қиындықтары талданады.

Цифрлық дәлелдемелердің жол берілетіндігі мәселелеріне, атап айтқанда оларды алып қою, бекіту және қылмыстық іс материалдарына қоса тіркеу тәртібінің бұзылуымен байланысты аспектілерге ерекше назар аударылады. Қылмыстық-процестік заңнаманы жетілдіру және цифрлық ақпарат тасымалдағыштарымен жұмыс істеудің бірыңғай процестік стандарттарын қалыптастыру қажеттілігі негізделеді.

Бұл мақаланың мақсаты — цифрлық тасымалдағыштарды заттай дәлелдемелердің бір түрі ретінде саралау проблемаларын талдау және оларды Қазақстан Республикасының қылмыстық сот ісін жүргізуінде процестік ресімдеу тәртібін жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Кілтті сөздер: *заттай дәлелдемелер, цифрлық тасымалдағыштар, электрондық ақпарат, дәлелдемелердің жол берілетіндігі, қылмыстық процесс, сотқа дейінгі тергеп-тексеру.*

Digital media as a kind of material evidence: problems of qualification and procedural design in criminal proceedings

The article examines the issues of legal qualification of digital information carriers as a type of material evidence in the criminal justice system of the Republic of Kazakhstan. It analyzes theoretical approaches to determining the legal nature of digital carriers, as well as the practical difficulties of their procedural formalization at the stage of pre-trial investigation.

Particular attention is paid to the admissibility of digital evidence, especially in connection with violations of the procedures for seizure, documentation, and attachment to the materials of a criminal case. The necessity of improving criminal procedure legislation and developing uniform procedural standards for handling digital information carriers is substantiated.

The purpose of this article is to analyze the problems of qualifying digital carriers as a type of material evidence and to develop proposals for improving the procedural framework for their formalization in the criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: *material evidence, digital carriers, electronic information, admissibility of evidence, criminal procedure, pre-trial investigation.*

Введение

В своём послании «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» президент Касым-Жомарт Токаев особое внимание уделил вопросам цифровизации, цифровой трансформации и внедрения искусственного

интеллекта в экономику и управление. В нём он поставил задачу **превратить Казахстан в полноценную цифровую страну. [1] Вступая в новую цифровую эпоху,** в условиях реализации государственной политики цифровизации все сферы общественной жизни Республики Казахстан претерпевают *системные* изменения. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в экономику, государственное управление, сферу услуг и повседневную деятельность граждан привело к формированию цифровой среды, в которой осуществляется значительная часть социальных и правовых отношений. Общество все в большей степени использует цифровые технологии для коммуникации, хранения и передачи информации, совершения финансовых операций, получения государственных услуг и реализации предпринимательской деятельности. Указанные процессы объективно обусловливают трансформацию способов совершения преступлений, которые все чаще совершаются с использованием электронных устройств, сетевых ресурсов и цифровых носителей информации в результате этого, значительная часть доказательственной информации содержится в цифровой форме и хранится на электронных устройствах: мобильных телефонах, компьютерах, съемных носителях, серверах и в облачных хранилищах. В связи с этим цифровые носители информации всё чаще становятся объектом изъятия и приобщения к материалам уголовного дела в качестве доказательств.

Несмотря на возрастающее значение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, правовой статус цифровых носителей в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан не получил достаточной нормативной определённости, что обусловливает необходимость научного анализа и выработки единых подходов к их процессуальному использованию. Отсутствие специального понятия и единых процессуальных требований приводит к неоднозначной практике их квалификации, а также к допущению процессуальных ошибок.

В условиях цифровизации уголовного судопроизводства особое значение приобретает вопрос придания правового статуса доказательной базе, существующей в цифровой форме, уже на стадии досудебного производства. Для включения такой информации в систему уголовно-процессуальных доказательств она, как правило, должна быть признана вещественным доказательством, что соответствует традиционной модели доказательственного права.

В сложившейся правоприменительной практике электронные носители информации нередко квалифицируются в качестве вещественных доказательств - флеш-накопители, жесткие диски, мобильные телефоны, серверные устройства и иные материальные объекты. При этом данные носители фактически выступают не самостоятельным доказательством, а лишь материальной оболочкой, предназначенной для хранения, передачи и воспроизведения цифровых данных, имеющих доказательственное значение.

Таким образом, в досудебном производстве происходит подмена объекта доказывания: правовой статус вещественного доказательства придается не самой цифровой информации (файлам, логам, метаданным, переписке, записям), а предмету, на котором она размещена. Такой подход обусловлен отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве четкого разграничения между цифровым доказательством как нематериальной информацией и физическим носителем как объектом материального мира. В результате цифровые данные, обладающие самостоятельной доказательственной ценностью, оказываются процессуально «привязанными» к электронному носителю, что не всегда отражает их реальную природу и создает сложности при оценке допустимости, относимости и достоверности доказательств, особенно в случаях копирования, удаленного хранения или облачных технологий.

В условиях формирования цифровой доказательственной среды традиционные уголовно-процессуальные конструкции, сформированные с ориентацией на материально-вещественную природу объектов доказывания, демонстрируют ограниченную применимость в отношении цифровых данных, отличающихся нематериальным характером, множественностью способов существования и способностью к многократному воспроизведению без утраты информационного содержания. Цифровая информация может одновременно находиться на различных материальных носителях, изменять место хранения и форму представления, что объективно затрудняет применение к ней критериев оценки, разработанных в рамках классического института вещественных доказательств.

Наряду с этим, придание электронному носителю статуса ключевого элемента доказательственной конструкции не обеспечивает в полной мере проверяемость подлинности и целостности цифровых данных, поскольку решающее значение для доказывания приобретает не сам материальный объект, а совокупность процессуально значимых действий, связанных с извлечением, фиксацией, копированием и последующим хранением информации. В данных условиях существенно возрастает значение специальных знаний и технических процедур, которые, однако, не всегда получают надлежащее нормативное и процессуальное закрепление на стадии досудебного расследования, что порождает риски признания соответствующих доказательств недопустимыми.

Указанные теоретические и практические противоречия обусловливают необходимость комплексного научного осмысления правовой природы цифровых данных в системе уголовно-процессуальных доказательств**,** а также анализа действующих механизмов придания им процессуального статуса на стадии досудебного производства. В этой связи особую пониманию приобретает вопрос соотношения цифровых данных и вещественных доказательств,

выявление пробелов и коллизий в уголовно-процессуальном регулировании, а также формирование концептуальных подходов, направленных на повышение эффективности и правовой определенности использования цифровой доказательственной информации в уголовном судопроизводстве.

Методологическую основу настоящего исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы познания, применение которых обусловлено комплексным и междисциплинарным характером рассматриваемой проблематики. В ходе исследования использовались диалектический метод, позволивший рассмотреть правовой статус цифровых данных в динамике их развития и взаимосвязи с иными институтами уголовно-процессуального права, а также логико-юридические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, обеспечившие формирование обоснованных теоретических выводов.

В качестве специальных методов применялись формально-юридический и системно-структурный методы, направленные на анализ норм уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, регулирующих вопросы доказывания, вещественных доказательств и использования специальных знаний в досудебном производстве. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления национального уголовно-процессуального регулирования с подходами, сформированными в зарубежных правопорядках, а также в научных доктринах, посвященных цифровым доказательствам и электронным носителям информации.

Эмпирическую базу исследования составили материалы правоприменительной практики органов досудебного расследования, а также результаты анализа процессуальных документов, связанных с изъятием, осмотром и использованием электронных носителей информации в качестве вещественных доказательств. В работе также использованы научные труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного процесса, теории доказательств, цифрового права и криминалистики, что позволило выявить существующие научные подходы и определить проблемные аспекты правового регулирования.

Комплексное и системное применение совокупности общенаучных и специальных юридических методов обеспечило проведение всестороннего, последовательного и объективного исследования правовой природы и особенностей квалификации цифровых данных в системе уголовно-процессуальных доказательств, что позволило выявить не только отдельные пробелы и внутренние противоречия действующего уголовно-процессуального законодательства, но и структурные ограничения традиционных доказательственных конструкций, проявляющиеся в условиях цифровизации досудебного производства. Реализация выбранной методологической модели способствовала формированию теоретически обоснованных и методологически выверенных выводов, а также разработке практико-

ориентированных предложений, направленных на совершенствование правового регулирования использования цифровой доказательственной информации, повышение уровня правовой определенности процессуальных решений органов уголовного преследования и обеспечение надлежащего баланса между эффективностью уголовного судопроизводства и соблюдением процессуальных гарантий участников уголовного процесса.

Основная часть

В уголовно-процессуальной теории вещественные доказательства традиционно рассматриваются как материальные объекты, которые служили орудием преступления, сохранили на себе его следы либо иным образом способствуют установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию. Цифровые носители информации по своей физической природе являются материальными объектами, что формально позволяет относить их к данной категории доказательств. В соответствии с положениями статьи 121 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан**,** вещественные доказательства рассматриваются как материальные объекты**,** обладающие способностью посредством своих физических свойств, состояния или пространственного положения отражать сведения о фактических обстоятельствах уголовного дела. [2] В классическом постсоветском правовом пространстве законодатель традиционно определяет вещественные доказательства как материальные предметы, непосредственно связанные с преступным деянием и используемые для установления фактических обстоятельств дела, что в целом корреспондирует положениям, изложенным в фундаментальных трудах по уголовному процессу, в частности в работах В.П. Божьев, где подчёркивается материально-вещественная природа данного вида доказательств. [3] В казахстанской уголовно-процессуальной доктрине вещественные доказательства традиционно рассматриваются как предметы материального мира, подлежащие изъятию, процессуальному оформлению и хранению в установленном законом порядке, что отражено, в частности, в учебнике А.Н. Агыбаева «Уголовный процесс Республики Казахстан», где цифровые носители информации анализируются через призму материального объекта, а не как самостоятельная доказательственная категория. [4] Законодательная конструкция данного института исходит из материально-вещественной природы доказательства, при которой доказательственное значение обусловлено объективными характеристиками предмета, а не информационным содержанием нематериального характера. Вместе с тем развитие цифровых технологий и расширение использования электронных устройств в преступной деятельности объективно выявляют ограничения традиционного материально-вещественного подхода к пониманию доказательств. Применительно к цифровым носителям информации доказательственное значение утрачивает свою привязку исключительно к физическим характеристикам предмета, поскольку сам

носитель выполняет вспомогательную функцию, выступая лишь средством доступа к данным. В этих условиях в доктрине и правоприменительной практике всё более отчётливо проявляется необходимость переосмысления доказательственной природы цифровых объектов с учётом их нематериального, информационного содержания, что обусловливает переход от предметно-ориентированного к функционально-информационному подходу в оценке доказательств. Указанные обстоятельства актуализируют научную дискуссию о соотношении материального носителя и содержащейся на нём цифровой информации как самостоятельного объекта доказательственной оценки.

В зарубежной научной доктрине указанный сдвиг в понимании природы цифровых доказательств получил детальное теоретическое осмысление. Так, R. Stoykova подчёркивает, что специфика цифровых доказательств обусловлена их информационной, нематериальной природой, вследствие чего их доказательственная значимость определяется не физическими свойствами материального носителя, а характеристиками содержащихся на нём данных — их целостностью, достоверностью, проверяемостью и возможностью воспроизведения. [5] По мнению автора, формальное приравнивание цифровых носителей к традиционным вещественным доказательствам без учёта указанных особенностей способно создавать риски для обеспечения справедливого судебного разбирательства и соблюдения презумпции невиновности, что требует переориентации процессуальной оценки доказательств с материального объекта на информационное содержание. Это обстоятельство обусловливает двойственную правовую природу цифровых носителей, которые одновременно обладают признаками вещественных доказательств и носителей документированной в нем информации.

Аналогичные подходы получили развитие и в российской уголовно-процессуальной доктрине. Так, российские исследователи, анализируя правовую природу электронных и цифровых объектов, указывают, что отнесение цифровых носителей информации к вещественным доказательствам носит формально-юридический характер и не отражает их действительного доказательственного значения. В частности, С.Б. Россинский подчёркивает, что в случае цифровых доказательств решающее значение имеет не сам материальный носитель, а содержащаяся на нём информация, обладающая самостоятельной доказательственной ценностью и требующая специальных процедур проверки, фиксации и воспроизведения. [6] В этой связи автор обосновывает необходимость функционального подхода к оценке цифровых доказательств, при котором объектом доказывания выступают данные, а не физический носитель как таковой. Российские учёные также указывают на информационную природу цифровых доказательств и необходимость отхода от чисто материально-вещественного подхода к их оценке. Так, М. Ш. Буфетова подчёркивает, что электронный документ,

формально относимый к разновидности вещественных доказательств, приобретает доказательственную ценность не в силу физических свойств материального носителя, а исключительно благодаря содержащейся в нём электронной информации, которая и подлежит процессуальной оценке. В отсутствие такого информационного содержания материальный носитель утрачивает доказательственное значение и не может самостоятельно выполнять функцию средства доказывания. [7] В свою очередь, Ю.И. Андреева обращает внимание на то, что цифровая информация, зафиксированная на электронных носителях, представляет собой сложный объект доказывания, поскольку она не воспринимается непосредственно органами чувств и требует применения специальных знаний, технических средств и процедур для её выявления, фиксации и проверки. [8] В совокупности данные подходы свидетельствуют о том, что обсуждение правовой природы электронных носителей информации выходит за рамки традиционного деления доказательств на вещественные и иные категории и актуализирует научную дискуссию о необходимости переосмысления статуса цифровых доказательств как самостоятельного объекта доказательственной оценки в уголовном процессе.

Казахстанские учёные также обращаются к проблеме правовой природы цифровых носителей информации. Так, в научных публикациях, посвящённых использованию электронных доказательств в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан, подчёркивается, что цифровые носители информации требуют особого подхода к оценке их допустимости и достоверности, поскольку их доказательственная ценность обусловлена содержанием зафиксированных данных, а не физическими характеристиками носителя [9]. В исследованиях, посвящённых цифровизации уголовного процесса, также отмечается, что внедрение электронных форм уголовного дела и информационных технологий объективно трансформирует содержание доказательственной деятельности, смещая акцент с материального объекта на обрабатываемую и анализируемую цифровую информацию [10]. Данные доктринальные положения соотносятся с современным нормативным вектором развития Республики Казахстан, что подтверждается принятием специального законодательства, направленного на регулирование применения искусственного интеллекта и алгоритмических технологий, в рамках которого цифровые данные и результаты их обработки приобретают самостоятельную правовую значимость [11].

Сформулированные в отечественной доктрине выводы согласуются с современными подходами, выработанными в зарубежной уголовно-процессуальной науке. Так, Stephen Mason подчёркивает, что при оценке электронных и цифровых доказательств ключевое значение имеют процедуры их получения, хранения и проверки, поскольку именно они обеспечивают надёжность и проверяемость информации, тогда как

физические свойства материального носителя не обладают самостоятельной доказательственной значимостью [12]. Развивая данный тезис, Eoghan Casey указывает, что в цифровой криминалистике объектом доказывания выступают прежде всего данные и метаданные, в то время как материальный носитель выполняет лишь техническую функцию средства хранения и доступа к информации [13]. В зарубежной доктрине также отмечается, что цифровые данные способны существовать, копироваться и воспроизводиться независимо от конкретного физического носителя, что обусловливает необходимость их рассмотрения в качестве самостоятельного объекта доказательственной оценки, а не только как разновидности традиционных вещественных доказательств [14]. Указанные подходы приобретают особую актуальность в условиях внедрения систем искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство, поскольку, как отмечают Paul De Hert и Vagelis Papakonstantinou, алгоритмическая обработка информации объективно усиливает разрыв между материальным носителем и доказательственным содержанием, что требует дальнейшего развития функционально-информационного подхода к оценке доказательств [15].

Существенные проблемы возникают на стадии изъятия цифровых носителей информации. На практике нередко отсутствует надлежащая фиксация технического состояния устройства, его конфигурации и параметров хранимых данных. Изъятие электронных устройств без участия специалиста либо без применения специальных средств копирования информации повышает риск утраты, искажения или изменения цифровых данных, что негативно отражается на их доказательственной ценности.

Не менее значимыми являются трудности, связанные с фиксацией и исследованием цифровой информации. В отличие от традиционных вещественных доказательств, цифровые данные требуют создания точной копии носителя с использованием специальных программно-аппаратных средств, обеспечивающих неизменность информации. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит чётких требований к процедуре создания и проверки таких копий, включая использование контрольных сумм (хеш-значений), что осложняет последующую оценку допустимости доказательств.

Проблемы также возникают при приобщении цифровых носителей к материалам уголовного дела. В ряде случаев в деле фиксируются лишь распечатки файлов или протоколы осмотра, без самого носителя либо без технических данных, подтверждающих неизменность информации. Подобная практика снижает достоверность цифровых доказательств и создаёт предпосылки для признания их недопустимыми.

Анализ судебной практики показывает, что суды всё чаще обращают внимание на процессуальные нарушения, допущенные при работе с цифровыми носителями информации. В отсутствие единых стандартов суды по-разному оценивают допустимость таких доказательств, что

негативно сказывается на единообразии правоприменения и принципе законности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровые носители информации в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан фактически используются как разновидность вещественных доказательств, однако их правовой статус и процессуальный режим остаются недостаточно урегулированными. Отсутствие специальных норм, учитывающих особенности цифровой информации, приводит к неоднозначной практике квалификации и оформлению цифровых носителей, а также к допущению процессуальных ошибок.

В целях повышения эффективности доказывания и обеспечения допустимости цифровых доказательств представляется необходимым совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан. В частности, целесообразно нормативно закрепить понятие цифровых (электронных) доказательств и установить единые процессуальные стандарты изъятия, фиксации, копирования, хранения и исследования цифровых носителей информации.

Реализация указанных мер позволит минимизировать процессуальные нарушения, повысить качество досудебного расследования и обеспечить баланс между задачами уголовного судопроизводства и защитой прав участников процесса в условиях цифровизации общества.

Список использованной литературы

1. Ежегодное Послание Президента Республики Казахстан, 8 сентября 2025 года https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan;
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. //https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000339_ (дата обращения 03.12.2025г.);
3.**Гриненко А.В.** Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Серия: Практические комментарии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2007. 864 с;
4.**Агыбаев А.Н.** Уголовный процесс Республики Казахстан: учебник. — Алматы: Жеті жарғы, 2010. — 512 с.
5.Stoykova R. Научный журнал по вопросам информационного права и кибербезопасности, выпуск 42 (2021 г.), статья 105575.**)** Интернет-ресурс: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364921000480#sec0023;
6. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве /**С.В. Зуев, Д.В. Бахтеев, В.Б.** Вехов : Юрайт, 2020. 193 с;
7. **Зуев С.В.** Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3 (26). – С. 46–51;
8.**Буфетова М.Ш.** *Электронный документ как разновидность вещественных доказательств в российском уголовном судопроизводстве //* Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 3. — С. 112–118;
9. **Андреева Ю.И.** *Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы теории и практики* // Российский следователь**.** — 2024. — № 6. — С. 23–29;

10. **Утанов М.А.** *Использование электронных доказательств в судебной практике* // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан**.** **—** 2022. — № 3. — С. 45–52;
11.**Тлеубаев Д.К., Нуртазин М.К.** *Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан: становление и практика применения* // Вестник юридической науки Казахстана. — 2021. — № 4. — С. 28–36;
12. Закона Республики Казахстан «Об информатизации» Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК. //https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000339_ (дата обращения 03.12.2025г.);
13. Закон Республики Казахстан *«Об искусственном интеллекте»* (принят в 2024 г.). Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII. ЗРК//https://adilet.zan.kz/rus/docs/ (дата обращения 03.12.2025г.);
14. **Mason S.** *Electronic evidence: disclosure, discovery and admissibility //* International Journal of Evidence & Proof**.** — 2018. — Vol. 22, No. 3. — P. 193–215. DOI: 10.1177/1365712718760554;
13. **Casey E.** *Digital evidence and computer crime: forensic science, computers and the Internet //* **Digital Investigation**. — 2019. — Vol. 28. — P. S1–S6. DOI: 10.1016/j.diin.2019.01.001;
14. **Kuner C., Peguera M.** *Cross-border access to electronic evidence: legal challenges* // Computer Law & Security Review**.** — 2020. — Vol. 36. — Art. 105363. DOI: 10.1016/j.clsr.2019.105363;
15. **De Hert P., Papakonstantinou V.** *Artificial intelligence and criminal justice //* New Journal of European Criminal Law**.** — 2021. — Vol. 12, No. 4. — P. 435–455. DOI: 10.1177/20322844211067161.

Сведения об авторах

Кенжеев Султан Сакенович *— докторант 1 курса факультета послевузовского образования Академии управления МВД Республики Казахстан, майор полиции;*

Кенжеев Сұлтан Сәкенұлы *— Қазақстан Республикасының ІІМ Басқару академиясының жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру факультетінің 1-курс докторанты, полиция майоры;*

Кенжеев Султан Сакенович *— First-year PhD student at the Faculty of Postgraduate Education, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan; Police Major.*

ТАЛАПТАРЫ

«ІІМ ғылыми журналы» құқықтану, құқық қорғау қызметі, қызметкерлердің кәсіби даярлығының өзекті мәселелері бойынша бұрын басқа басылымдарда жарияланбаған қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ғылыми мақалалар қабылданады.

Жұмыстың мазмұны ғылыми жаңалықтың, теориялық және практикалық маңыздылықтың, баяндаудың қисынды талаптарын қанағаттандыруы тиіс. Бап құрылымдық жағынан: **кіріспе, проблеманың қойылымын, негізгі бөлігін, тұжырымдарды (қорытынды)** қамтуға тиіс.

Журналдың редакциясына **academy.mvd.science@gmail.com** келіп түскен барлық ғылыми мақалалар лицензиялық антиплагиат тексеру жүйесінен өтеді, кейін міндетті түрде «Анонимді» рецензиялауға (сараптамалық бағалауға) жіберіледі.

Жариялауға арналған материалдар мынадай талаптарды міндетті түрде сақтай отырып, қағаз және электрондық жеткізгіштерде ұсынылады:

1.**ӘОЖ** *(әмбебап ондық жіктеуіш)* – жоғарғы сол жақ бұрышында **https://teacode.com/online/udc/; МРҒТА** *(Мемлекеттік рубрикатор ғылыми-техникалық ақпарат)* **https://grnti.ru/.**

2.Автордың тегі, аты, әкесінің аты (толық), лауазымы, ғылыми дәрежесі, атағы, жұмыс орны, қаланың, елдің атауы – 3 тілде (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде);

3.Электрондық пошта мекенжайы және автордың байланыс телефоны;

4.Мақаланың атауы – ортасында бас әріптермен - қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде;

5.Зерттеудің тақырыбы мен мәнін көрсететін аннотация (80-100 сөз) -қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде;

6.Кілтті сөздер (мақаланың мазмұнын сипаттайтын және ақпараттық іздестіру мүмкіндігін қамтамасыз ететін атау септігіндегі 8–10 сөз немесе сөз тіркестері) –- қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде;

7.Word редакторындағы мәтін, Times New Roman қарпі, кегль –14;

8.Беттер саны – А4 форматта автордың мақаласы жөнінде қысқаша шолу ақпаратты есептемегенде 10-нан 12-ге дейін;

9.Аралық – жалғыз 1,0;

10.Абзацтық шегініс – 1,25;

11.Жиектер: сол жағынан – 3 см, оң жағынан – 1 см, жоғарғы және төменгі жағынан – 2 см-ден;

12.Сілтемелер – дәйексөз беттері көрсетілген төрт бұрышты жақшадағы мәтін бойынша [1,15];

13.Пайдаланылған әдебиеттер тізімі – құжаттың соңында сәйкесінше ГОСТ 7.1-2003 «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама. Жалпы талаптар және жасау ережелері» орналастырылу қажет.

Мақала авторлық редакцияда жарияланады. Автор мақаланың түпнұсқалығына және оның мазмұнына, онда келтірілген нақты деректердің, дәйексөздер мен дереккөздердің дәлдігіне дербес жауапты болады.

ТРЕБОВАНИЯ

Для включения в журнал Академии принимаются научные статьи на казахском, русском и английском языках по актуальным проблемам юриспруденции, правоохранительной деятельности, профессиональной подготовки сотрудников, не публиковавшиеся ранее в других изданиях.

Содержание работы должно удовлетворять требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости, логичности изложения. Статья структурно должна включать: **введение, постановку проблемы, основную часть, выводы (заключение).**

Все статьи, поступившие в редакцию **academy.mvd.science@gmail.com** журнала, проходят проверку на предмет заимствования с использованием лицензионной системы, после чего направляются на обязательное «Слепое» рецензирование (экспертную оценку).

Материалы для опубликования предоставляются на бумажном и электронном носителях с обязательным соблюдением следующих требований:

1. **УДК** *(универсальный десятичный классификатор*) - в левом верхнем углу **https://teacode.com/online/udc/;** код **МРНТИ** *(Межгосударственный рубрикатор научно-технической информации)* **https://grnti.ru/.**
2. фамилия, имя, отчество автора (полностью), должность, ученая степень, звание, место работы, название города, страны – на 3-х языках (казахском, русском и английском языках);
3. Электронной адрес почты и контактный телефон автора;
4. Название статьи – по центру прописными буквами – на казахском, русском и английском языках;
5. Аннотация от 80- до 100 слов, отражающая тему и предмет исследования, на казахском, русском и английском языках;
6. Ключевые слова от 8-10 слов или словосочетаний в именительном падеже, характеризующие содержание статьи и обеспечивающие возможность информационного поиска – на казахском, русском и английском языках;
7. Текст в редакторе – Word, шрифт Times New Roman, кегль – 14;
8. Количество страниц – от 10 – до 12 в формате А4, не считая аннотации;
9. Интервал – одинарный 1,0;
10. Абзацный отступ – 1,25;
11. Поля: слева–3 см, справа–1 см, верхнее и нижнее – по 2 см;
12. Сноски – по тексту в квадратных скобках с указанием цитируемых страниц [1,15].
13. Список использованной литературы – конце документа должен быть расположен в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

Статья публикуется в авторской редакции. Автор несет персональную ответственность за оригинальность статьи и ее содержание, точность приведенных в ней фактических данных, цитат и источников.

REQUIREMENTS

For inclusion in the journal of the Academy, scientific articles are accepted in Kazakh, Russian and English languages on topical issues of jurisprudence, law enforcement, professional training of employees, not previously published in other publications.

The content of the work must meet the requirements of scientific novelty, theoretical and practical significance, logical presentation. The article should structurally include: **introduction, problem statement, main part, conclusions (conclusion).**

All articles submitted to the editorial office of the journal are checked for borrowing using the license system **academy.mvd.science@gmail.com**, after which they are sent for mandatory «Blind» peer review (peer review).

Materials for publication are provided on paper and electronic media with andatory compliance with the following requirements:

1.**UDC** *(universal decimal classifier)* – in the upper left corner of the **https://teacode.com/online/udc/; MRNTI** code ¬ *(Interstate rubricator of scientific and technical information*) **https://grnti.ru/.**

2.surname, name, patronymic of the author (in full), position, academic degree, title, place of work, name of the city, country – in 3 languages (Kazakh, Russian and English);

3.E-mail: address and contact phone number of the author;

4.the title of the article - in the center in capital letters - in the Kazakh, Russian and English languages;

5.Abstract 80–100 words, reflecting the topic and subject of research - in the Kazakh, Russian and English languages;

6.Keywords 8-10 words or phrases in the nominative case, characterizing the ontent of the article and providing the possibility of information search – in the Kazakh, Russian and English languages;

7.Text in Word editor, font Times New Roman, size – 14;

8.Number of pages – from 10 to 12 (A4 format), excluding annotations;

9.Interval - single 1.0;

10.Absolute indentation – 1.25;

11.Fields: on the left – 3 cm, on the right – 1 cm, upper and lower – 2 cm each;

12.Footnotes – according to the text in square brackets indicating the cited pages [1,15];

13.List of used literature - at the end of the document, according to the order of use in the text (issued in accordance with GOST 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of compilation»).

The article is published in the author's edition. The author is personally responsible for the originality of the article and its content, the accuracy of the factual data, quotes and sources provided in it.